

Б. БИРЮКОВА МОСКВА

ПОЭТЫ
АРМЕНИИ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов,
С. А. Рустам, А. А. Сурков, Н. С. Тихонов*

*с о в е т с к и й
п и с а т е л ь*

ПОЭТЫ АРМЕНИИ

*Вступительная статья,
составление,
биографические справки
и примечания
Л. М. Мкртчяна*

ленинградское отделение

1 9 7 9

Сборник ставит своей целью познакомить читателя с богатым творческим наследием армянской поэзии. Несмотря на то что в него не вошли произведения крупнейших армянских поэтов: Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Егише Чаренца, Саят-Новы. Акопа Акопяна и других авторов, вышедших отдельными изданиями в Большой или Малой серии «Библиотеки поэта», сборник убедительно раскрывает жанрово-стилистическое многообразие и самобытность армянской поэзии. В него включены произведения видных армянских поэтов с древнейших времен до наших дней в переводах П. Антокольского, В. Брюсова, Н. Гребнева. М. Петровых, Н. Тихонова, С. Шервинского. Ряд стихотворений переведен на русский язык впервые специально для настоящего издания.

ПЯТНАДЦАТЬ ВЕКОВ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Ты видела многих певцов-армян — и
увидишь опять.

Егеше Чаренц. «Армении»

Мовсес Хоренаци в начале своей «Истории Армении» (написана во второй половине V века) порицает «нерадение о мудрости и неразвитость ума» предков, не оставивших письменных свидетельств о себе и своей стране. «Да падут на них слова моей укоризны, — говорит историк и, дабы в своих упреках не быть голословным, продолжает: — И хотя мы народ небольшой и весьма малочисленный, силою слабый, часто находившийся под чужим господством, однако и в нашей стране много совершено подвигов мужества, достойных описания».

Хоренаци в «обширном и полезном труде» впервые изложил историю армянского народа. Он впервые записал армянские языческие мифы и эпос.

В своей «Истории» он приводит высокие образцы языческих песен, распеваемых в области Гохтн:

В муках Рождения пребывало Небо,
Пребывала Земля в муках Рождения,
В муках Рождения было и розово-красное Море.
Томилась в муках Рождения
Красная Тростинка в Море.
Из горлышка Тростинки выходил дым,
Из горлышка Тростинки выходило пламя,
Из пламени выбегал огненно-русый Отрок,
У Отрока кудри из огня,
Борода — из пламени,
А очи у него — как два солнышка.

(Перевод Л. Мкртчяна)

Эта песнь о рождении Ваагна, языческого бога солнца и грозы, по сути своей — поэтическое описание восхода солнца. Языческое мировосприятие было во многом поэтическим. Боготворимая природа ассоциировалась с человеком и выражала его.

Об армянской языческой культуре мы бы знали, очевидно, гораздо больше, если бы разрыв между принятием христианства в Армении (301 год) и созданием армянской письменности (405—406 годы) не исчислялся бы отрезком времени в сто с лишним лет. Письменность «опоздала» на целое столетие. За это время идеологи раннего христианства сделали многое, чтобы уничтожить языческую культуру. А ведь дохристианская Армения прошла большой путь общественного и культур-

ного развития. Языческая Армения в известной мере унаследовала культуру урартов. «В течение IX—VI веков до н. э. народами Урартского царства была создана сравнительно высокая древняя цивилизация, определившая культурное будущее исторической Армении», — писал академик Я. Манандян.

Позднее языческая Армения испытала благотворное влияние эллинизма. Особого расцвета армянская эллинистическая культура достигает во II—I веках до н. э. Армянский царь Артавазд II (I век до н. э.) был автором трагедий, речей и исторических трудов, написанных на греческом языке. По сведениям Плутарха, сочинения Артавазда были известны в начале II века н. э. «Они (парфянский царь Гирод и Артавазд. — Л. М.) задавали друг другу пиры с попойками, — пишет Плутарх, — часто бывали у них греческие представления, ибо Гирод был не чужд греческому языку и литературе, Артавазд же сочинял даже трагедии и писал речи и исторические сочинения, из которых некоторые еще сохранились».

При Артавазде в Армении были свои театры в Арташате и Тигранакерте. Здесь, по свидетельству того же Плутарха, ставили трагедии и самого Артавазда и греческих авторов, например «Вакханок» Еврипида.

До наших дней дошли высокие образцы армянской языческой архитектуры. На территории современной Армении в Гарни сохранились развалины единственного в своем роде языческого хра-

ма (в настоящее время храм восстановлен), сооруженного в I веке.

Первый период древнейшей армянской литературы приходится на последние века до нашей эры и на первые три столетия нашей эры, вплоть до принятия армянами христианства. Для этого периода армянской литературы характерны мифы и народный эпос.

Второй период раннесредневековой армянской литературы (IV—IX века) начинается в первые десятилетия четвертого века, после того как христианство стало в Армении официальной религией. Это литература эпохи утверждения христианства, и в целом она подчинена идеологическим задачам религии и борьбе за национальную независимость (в 387 году Армению поделили между собой Персия и Рим, затем, в VII веке, страну завоевали арабы). Народ боролся против иноземного гнета. Против персидского, византийского и арабского ига вспыхивало одно восстание за другим в V, VI, VIII, IX столетиях. В этот период мощно звучат патриотические мотивы в произведениях писателей и историков, в народном эпосе о сасунских богатырях.

Сразу же после того как была закончена работа над армянским алфавитом, создатель письменности Месроп Маштоц (361—440), его сподвижники и ученики занялись творческой деятельностью — переводом Библии. В V—VII веках были переведены с греческого и сирийского на армянский язык сочинения богословские, философские, научные и художественные. Эти книги стали ча-

стью армянской культуры, оказали влияние на ее формирование. Исключительное значение деятельности переводчиков для развития национальной культуры было полностью осознано уже в V веке, когда наиболее выдающихся из них причислили к лику святых, когда учредили «таркманчанц тон» — праздник переводчика.

Первыми армянскими писателями были переводчики. Месропу Маштоцу и Сааку Партеву приписывается авторство ряда духовных песен — кцурдов, то есть своеобразных переложений библейских псалмов и гимнов, названных позднее шараканами.

Есть у Месропа Маштоца молитва о том, что его одолевают враги, что всюду его настигает «море жизни», от которого ему не уйти, не спрятаться, и он просит бога помочь ему. Один из шараканов Маштоца воспринимается нами как исповедь человека, буруеваемого губительными страстями:

Подвергнут опасностям и мукам я
Из-за множества моих грехов.
Бог умиротворяющий, помоги мне!

Вихри моих беззаконий
Взволновали меня, я — как море в непогоду.
Царь умиротворяющий, помоги мне!

И грехи мои как море
Глубокое, беспокойное, — я во власти волн.
Добрый кормчий, спаси меня!

(«Подвергнут опасностям и мукам я. . .»)

Пусть в этих признаниях выразилась христианская доктрина о виновности человека, но примечателен самый факт обращения поэта V века к миру внутренних душевных потрясений.

Религиозные поэты раннего средневековья проникновенно писали о христианских подвижниках, воспевая красоту и величие их духовного подвига. Армянская поэтесса VIII века Хосровидухт Гохтнаци (уже в эпоху раннего средневековья женщина играла в общественной жизни значительную роль) написала запоминающийся шаракан о Ваане из Гохтна, христианине-мученике:

...О блаженный владетель Ваан, избранный среди
дворян-азатов!
Как храбрый воин, готовый к сраженью,
Ты мужественно кончил жизнь свою у южных
народов,
О блаженный владетель Ваан, князь Гохтна!

(Подстрочный перевод)

Старшей современницей Хосровидухт была Саакадухт Сюнеци (VIII век) — первая армянская поэтесса. Она, как и Хосровидухт, прославилась своими духовными стихами.

Самый ранний известный историкам армянской литературы памятник светской поэзии — это знаменитый «Плач на смерть великого князя Дживаншира», принадлежащий перу Давтака Кертога (VII век).

«Плач...» дошел до наших дней благодаря тому, что Мовсес Каганкатваци писал в своей «Исто-

рии Агван» о князе Дживаншире и процитировал стихи на его смерть. У Кертога были, очевидно, и другие, не дошедшие до нас произведения. Каганкатвацци пишет о нем как об «известном риторе», сведущем в науках. Речь Давтака, свидетельствует историк, «изобиловала украшениями в слоге», изъяснялся он красноречиво, «подобно скоропишущему перу» (имеется, очевидно, в виду импровизаторский дар Кертога).

«Плач...» имеет одну любопытную особенность — в подлиннике начальные буквы строк воспроизводят армянский алфавит. Это своеобразный акростих. Но только ли из уважения к своему языку Кертог избрал подобную форму стиха, и нельзя ли предположить, что поэт хотел подчеркнуть таким образом свое отношение к Дживанширу как к государственному деятелю, которого оплакивает он всеми письменами, всеми звуками родной речи?

Армения VIII и IX веков вела борьбу против арабского владычества (в 640 году арабы напали на Армению и захватили город Двин). В этой борьбе народ завоевал себе свободу, в борьбе создавался величайший памятник народной литературы — эпос «Давид Сасунский». Стихотворный эпос как бы связует собою VII век армянской поэзии с X, озаренным творческим гением Григора Нарекаци (951—1003).

Творчество Нарекаци — начало нового, *третьего* периода (X—XII века) средневековой армянской литературы, периода зрелого христианства, когда все более углубляется интерес к духовному, вну-

треннему миру человека. Вера, казалось бы, еще незыблема, но кричащие жизненные противоречия уже стали темой поэзии, темой личных душевных мук великого поэта армянского средневековья Григора Нарекаци, автора знаменитой поэмы «Книга скорби».

Григор Нарекаци был ученым монахом, и жизнь поэта в монастыре Нарек на берегу озера Ван внешне была спокойной, может быть, даже однообразной. В непогоду волны могучего озера в гневе вздымались и падали и вновь яростно вздымались и рушились. А поэт, запертый в смиренном монахе, смотрел на разбушевавшуюся стихию, размышлял о жизни и писал:

Моя жизнь напоминает мне бурное море,
Моя душа в обиталище тела подобна кораблю,
Колблемому ударами бесчисленного множества
валов. . .

Поэтому не ошибусь, если сравню море
С моим душевным смятением.¹

Воображение разгоралось, сравнения вели за собой другие сравнения и образы, душевное смятение выражалось во все новых и новых сложнейших развернутых метафорах:

Грянула в середине лета зима,
Нагрянула с вьюжными метелями
И бурным натиском нарушила мой покой,
Корабль под ударами свирепых волн утонул,

¹ «Книга скорби» цитируется в подстрочном прозаическом переводе Л. Мкртчяна и М. Дарбинян.

Сломались уключины,
Мачта, поднимающаяся вверх, была сорвана,
Крылья паруса были изодраны на мелкие
кусочки,

Которые невозможно сшить,
Великолепное сооружение обезобразилось,
Натянутые канаты порвались,
Накренилась смотровая вышка,
Веревочные снасти разодраны,
Основание якоря расшатано,
Толстые связки креплений расчленены,
Киль, подпирающий остов,
И основание руля погружены в воду,
Обшивка днища попорчена. . .

И этот ряд образов не исчерпывает стержневого для 25-й главы «Книги скорби» сравнения: душа — утонувший корабль. Надежды, живущие в ней, рождают новые образы для своего воплощения:

Возможно ли многократно разбитый ковчег
Моего тела увидеть хоть когда-нибудь
обновленным?
Неужто возможно разбитый корабль
Моей скорбной души увидеть невредимым?

От этих образов, еще связанных со стержневым сравнением (душа — корабль), поэт идет к новым образам, к новой надежде:

Ужели настает для меня,
Вскормленного во мгле и омраченного,

Утро восхода? . .
Ужели увижу я капли дождевые,
Под которыми зазеленеют
Луга моей души?

Нарекаци — трагический поэт. Он хотел сказать, сколь он грешен как христианин, преступивший религиозные заповеди, и сколь велико его стремление очиститься от грехов. Но об этом писали тысячи апологетов христианства. Нарекаци же написал о крушении своей жизни. Рушится человек и рушатся миры, потому что велика, масштабна личность поэта.

Монологи Нарекаци («Книга скорби» состоит из 95 глав-монологов) переходят в диалог, в горячий, острый спор лиц, противостоящих друг другу и воплощенных в одном лице. Вообще говоря, монолог в чистом виде невозможен. Монолог всегда предполагает лицо, к которому обращается говорящий. Этим другим лицом может быть и сам говорящий.

Нарекаци в своих монологах пишет о себе и во втором и в третьем лице. Это и стилистический прием, и осознание разорванности, раздвоенности своей личности. Поэт не может существованием бога оправдывать жизненные противоречия. Для него идея бога и *эта* столь неразумно устроенная жизнь — вещи несовместные. Он не приемлет мир и прежде всего не приемлет себя как средоточие несправедного мира.

Творец и мир, им созданный, — это тождество. Отрицая дело рук творца, мы нарушаем тожде-

ство. «Истинная вера, — говорит Гегель, — не *заботится* о том, соответствует ей разум или нет, и не соизмеряет себя с разумом, а *полемическая* вера хочет верить вопреки разуму». Полемическая вера Нарекаци — явление для той эпохи прогрессивное, открывающее возможность оценки и критики мира социальных контрастов с точки зрения жизни людей, с точки зрения интересов человека.

Нарекаци жил в эпоху сравнительно благополучную для Армении. В XI веке Армения вновь утратила свою самостоятельность. Столица средневековой Армении город Ани был взят в 1045 году византийцами, а в 1064 году — турками-сельджуками. В конце XI века на берегу Средиземного моря возникло Киликийское армянское княжество (царство), павшее в 1375 году. Киликийское царство образовалось и существовало под знаком борьбы армянского народа за свою независимость. Крупнейшим поэтом и общественным деятелем Киликийского царства был Нерсес Шнорали (XII век). Особую известность приобрела в средние века поэма Шнорали «Плач об Эдессе», призывающая христианские народы к единению.

В творчестве Шнорали явственнее, чем у Нарекаци, также использовавшего фольклор, прослеживаются заимствования из народно-поэтических произведений. Шнорали — автор стихотворных загадок, написанных на основе фольклора.

Знаменит Нерсес Шнорали и как мастер стиха, он виртуозно владел словом и многое сделал, в частности, для развития рифмы в армянской поэзии.

Учеником Нерсеса Шнорали, развившим его достижения в области стихотворной формы, был его племянник (сын брата) Григор Тха (1133?—1193) — видный поэт Киликийской Армении. «Горяча во мне любовь к богу, но холода близки, хочу взрастить зерна, но воздух зноен и зол», — сетовал Тха.

Армянские поэты средних веков свои стихотворения, даже поэмы часто писали на одну и ту же рифму. Григор Тха преодолел вслед за Шнорали эту условность. У него есть строфы с рифмами парными (аабб), перекрестными (абаб) и кольцевыми (абба).

Четвертый период армянской средневековой лирики приходится на XIII—XVI века. Литература этого периода богата именами и книгами великих поэтов-гуманистов. В эти века были созданы произведения социально острые и значимые. Это и период расцвета любовной лирики.

Отсутствие социальной справедливости, разрыв между той, «греховной», жизнью, которую вели верующие, и той, которую они должны были вести согласно христианскому учению, порождали поэзию трагических переживаний. «Почему богом дается власть злым людям, если он сам добр и знает, что это не приносит пользы?» — спрашивал Ованес Ерзнкаци Плуз (ок. 1230—1293) — поэт и философ. «Жизнь эта не является справедливой, — писал он. — Она неровна и негладка, ибо мудрые не удостоиваются почитания. Нравственные и хранители святынь в большинстве случаев страдают от несправедливости, а злые и не-

справедливые, наоборот, удостоиваются почитания и славы и наследуют власть».

Высказывания Ованеса Ерзнкаци характеризуют его как человека, остро реагирующего на всякую несправедливость.

В своих философских сочинениях Ованес Ерзнкаци оставался поэтом, что, конечно, не снижает научного значения его трудов. Вместе с тем философична его поэзия, особенно его короткие нравоучительные стихотворения.

С именем Ованеса Ерзнкаци связана знаменитая средневековая любовная поэма «Ованес и Ашá» (авторство Ерзнкаци не вполне еще доказано). Есть мнение, что поэма о любви христианина Ованеса и мусульманки Аши автобиографична. Герои Ерзнкаци с легкостью преодолевают религиозные барьеры. А ведь в условиях средневековой религиозной нетерпимости подобная жизненная коллизия могла бы иметь трагическую развязку. В Армении, завоеванной в середине XIII века монголами, заставляли христиан, как сказано в одной памятной записи XIV века, «пришивать на спину черную нашивку, дабы люди, увидев их, узнали, что это христиане, и поносили бы их».

О личности ранимой, не понятой современниками, говорят стихи Костандина Ерзнкаци (XIII—начало XIV века). Его поэзия явно автобиографична. Неудовлетворенностью, внутренним разладом с самим собою К. Ерзнкаци близок Григору Нарекаци, духу его мятежной поэзии. «Незнаком душе покой, и не придет радость ко мне», — пишет К. Ерзнкаци.

Стихами, изображающими контрасты жизни, известен поэт XIII — начала XIV века Фрик. Его стихи — это крик о боли, рожденной теми самыми «проклятыми вопросами», что с неизбежностью встают перед всеми, кто угнетен. По его стихам мы догадываемся, что он потерял семью, потерял детей, был преследуем судьбой, о которой писал: «Ты с правым во вражде всегда, а твой любимец — вор иль плут».

Конфликты социальные и политические часто воспринимались в средние века как проблемы нравственные — кто-то зол, кто-то добр и идет в мире вечная борьба Добра со Злом. Нравоучительны, а порой и дидактичны стихи Хачатура Ке-чареци (XIII — начало XIV века), Аракела Сюнеци (ок. 1350—1425), Мкртича Нагаша (1393—70-е годы XV века), Керовбе (XV век)...

Нетрудно заметить у средневековых армянских авторов общие идеи, сходные концепции, близкие оценки человека и раздумья о его месте в жизни.

Выдающимся явлением армянской поэзии средних веков стали айрены. Это песни любовные, иногда дидактические, состоящие, как правило, из четырех стихов по 15 слогов. Стих делится на два полустишия из семи и восьми слогов (с ударением в первом полустишии на 2, 5 и 7 слогах, во втором полустишии на 3, 5 и 8 слогах).

Большинство айренов дошло до нас в рукописях XVI века. Встречаются айрены и в более ранних рукописях. Считалось, что автор айренов Наапет Кучак, поэт, живший в XVI веке в селе Хараконис близ Вана. Но уже в брюсовской антологии

«Поэзия Армении» (1916) было сказано, что Наапет Кучак, автор айренов, — это другой Кучак, не тот, что жил в Хараконисе. «Теперь установлено, — писал В. Брюсов, — что подлинный Кучак не имеет ничего общего, кроме имени, с тем поэтом Кучаком, который жил в начале XVI века в области Вана; Наапет Кучак, по-видимому, был родом из окрестностей Акина (Эгины), так как стихи его по языку, по складу, по отдельным выражениям близко напоминают местные народные песни».

Такие современные ученые, как, например, Л. Хачикян и Ас. Мнацаканян, считают, что правильнее датировать айрены XIII—XIV веками. В своих работах они показывают, как легко объяснить айрены и идеи, выраженные в них, именно этими веками и как трудно без натяжек отнести их к эпохе более поздней. Сейчас айрены изучаются именно как стихотворения XIII—XIV веков.¹ Но имя Наапета Кучака за ними закрепилось. При всей близости айренов к фольклору, трудно их отнести к народным песням, растворить в общем потоке устного творчества. Стилистическое, идейно-тематическое изучение айренов показывает, что именно один поэт довел эту древнюю стихотворную форму, встречающуюся еще в X веке у Нарекаци, до совершенства. Слишком явственно ощущается в них авторская индивидуальность.

Автор айренов нам неизвестен, мы не знаем его биографии, но мы знаем его стихи (осталось то,

¹ См.: Наапет Кучак. Сто и один айрен. 2-е издание. Ереван, 1976; Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

что написано, осталось самое главное), и мы можем сказать, что такой поэт был и жил он в XIII—XIV веках.

О времени создания айренов можно судить по их языку, по той городской среде, в которой они бытовали, и по их содержанию. Большинство дошедших до нас айренов — это стихи о любви, свободной от канонов, любви, знающей одну только власть — власть сердца. Это песни страстных, неожиданных, причудливых признаний в любви. Это стихи о великой красоте женщины. . .

В XIV—XV веках получает в армянской поэзии права гражданства так называемый восточный стиль. Восточная необузданность и многокрасочность слова проявились в творчестве Ованеса Тлкуранци (XIV—XV века). Он, словно изжаждавшийся любовник, которого угнетала немота, одаряет любимую множеством эпитетов. От неразделенности чувств стих у поэта неровный, мятущийся, а «огонь любовный» разгорается еще сильнее.

И когда мы встретились глазами,
Как свечу, меня спалило пламя.
Обезумев, я на месте замер,
Ибо понял: я ей — не чета.

(«Встретил я красавицу нежданно»)

Ованес Тлкуранци — один из открывателей в Армении традиционного, перегруженного чувственными образами слога восточной лирики, слога,

который в последующие века бездумно эксплуатировался подражателями.

Известен Ов. Тлкуранци и как автор патриотической поэмы «Песнь о храбром Липарите». Липарит — историческое лицо, жившее в XIV веке. Он был спарпетом (командующим войсками) и прославился своими подвигами в борьбе с мамелюками.

Традиции любовной лирики Ованеса Тлкуранци развивает в своих лирических стихотворениях Григорис Ахтамарци (XV—XVI века). Стилистически его стих еще более красочен, чем у его предшественников. Однако наиболее сильное стихотворение Ахтамарци «Песнь скорбная о том, кто выстроил дом и разбил сад» написано сдержанно, без обилия красок, характерных для лирики Ахтамарци вообще. (Поэтому, очевидно, некоторые литературоведы оспаривают принадлежность «Песни...» Григорису Ахтамарци.) «Песнь...» — это монолог о неудавшейся жизни, о той печальной истине, которая стала пословицей: «Когда дом построен, в него входит смерть».

В армянской действительности средних веков одна историческая катастрофа сменялась другою. Вследствие почти 150-летнего монгольского ига Армения экономически и политически ослабла. В середине XVI века произошел первый раздел Армении между Турцией и Персией; в начале XVII века напал на Армению Аббас I, известный своей жестокостью и насильственным переселением армян в Персию; в 1639 году произошел второй раздел Армении между Турцией и Персией...

И хотя культурная жизнь в Армении не прекращалась, веяния времени слабо проникали в порабощенную и лишенную самостоятельности страну. Армянские поэты конца XVII и XVIII века, то есть нового времени, по существу продолжают и завершают средневековую литературу (идеи, стиль, тема, образы). На эти два столетия приходится последний, *пятый* период армянской литературы — позднее средневековье. В этот период особую популярность приобретает в Армении так называемая ашугская поэзия, поэзия народных певцов. Народный стих поднял до уровня высокого поэтического мастерства Нагаш Овнатан (1661—1722). Гениальные образцы стихов в духе ашугской песни находим у Арутина Саят-Новы (1722—1795). (Писал он на трех языках — армянском, грузинском и азербайджанском. И соответственно — признанный поэт в Армении, Грузии и Азербайджане.)

В стихах Саят-Новы поражает обилие образов. Он поистине чарует «жемчугами» речей. Поэт обращается и к традициям армянской лирики, и вообще к щедрым краскам восточных культур, к песенному творчеству народов Закавказья и, разумеется, к самой действительности, питавшей его творчество. В этом буйстве слов и красок проявился большой мастер, искусно повелевавший миром метафор и сравнений, в которых сливались поэзия жизни и поэзия воображения.

Время, когда столь блистательно завершил средневековую поэзию Армении Саят-Нова, было также началом *новой* армянской литературы. Как ни велик был гнет турецких и персидских завое-

вателей, назревало в Армении XVII—XVIII веков движение, имеющее целью освобождение страны. Один из выдающихся армянских общественных деятелей Израел Ори отправился в 1701 году в Москву. Он был принят Петром I, он просил русского царя помочь армянскому народу в его борьбе с иноземными завоевателями. Петр I обещал свою помощь и, присвоив Израелу Ори чин полковника, отправил его в 1707 году в качестве своего посла в Персию. Этот шаг был предпринят с целью подготовки будущего похода русской армии в Персию. Персидский поход Петра I (1722—1723) активизировал в Закавказье борьбу угнетенных христианских народов с их поработителями.

Идея новой, освобожденной Армении занимала умы литературных и общественных деятелей XVIII века. Они стремились создать литературу патриотическую, отвечающую злобе дня, не было, однако, в то время единого, доступного для всех слоев народа литературного языка...

Армянские поэты раннего средневековья писали на *грабаре* — древнеармянском языке. Уже в V веке это был язык богатый, литературно сложившийся. С XII века грабар постепенно выходит из употребления и уступает свои права близкому разговорной речи среднеармянскому языку.

К XVII—XVIII векам и среднеармянский язык стал малопонятен, отдалился от живой разговорной речи, хотя по сравнению с грабаром, давно уже ставшим мертвым языком, обладал (в смысле доступности) неоспоримым преимуществом. И тем

не менее некоторые деятели армянской культуры XVII—XVIII веков полагали, что надо возродить грабар как язык литературы. Писали на грабаре Багдасар Дпир, Акоп Налъян, Петрос Капанци, Акоп Шаамирян, Симеон Ереванци, Григор Ошаканци и другие поэты и общественные деятели XVII—XVIII веков. Писали на грабаре еще и в XIX веке. Но культивируемый многие десятилетия язык не привился, хотя и старались грабаро-язычные поэты писать на так называемом простом грабаре. Вместе с тем литература, созданная в XVII—XVIII веках на грабаре, представляет безусловный интерес, хотя стихи и Багдасара Дпира, и Петроса Капанци, этих наиболее видных поэтов, писавших на грабаре, были «закрыты» для простолюдина. «Книги же наши написаны на *грабаре*, а наш новый живой язык *не в почете*, и никак не могу в словах выразить сердечную тоску», — сетовал Хачатур Абовян (1809—1848).

2

В 1828 году произошло великое для исторических судеб армянского народа событие — Восточная Армения была присоединена к России. Это было началом новой, обнадеживающей исторической полосы в жизни армянского народа, освободившегося от векового ига, получившего возможность национального возрождения. Во многом именно 1828 год определил зарождение, идейное и эстетическое содержание новой армянской литера-

туры. Ее основоположником явился Хачатур Абовян. Свой роман «Раны Армении» он написал на *ашхарабаре*. И до него писали на новом армянском языке, однако «Раны Армении» — первое великое произведение, созданное на ашхарабаре. Значение романа определяется не только его языком, но и его идейной концепцией.

Уже предшественники Хачатура Абовяна (Абовян известен и как автор стихотворных басен, лирических миниатюр, восходящих к фольклору) стремились обновить образную и идейную структуру языка армянской поэзии. Это и названные выше поэты XVIII столетия. Это и Ован Ванандеци (1772—1841), автор исторических романов в стихах, и Арсен Багратуни (1790—1866), поэт, переводчик, видный представитель армянского классицизма. Это, наконец, Арутюн Аламдарян (1795—1834) и Месроп Тагиадян (1803—1858), авторы ряда романтических стихотворений и поэм. Но как бы высоко мы ни ставили лирику Аламдаряна, Тагиадяна и, в особенности, Абовяна — их поэтическое творчество не имело того определяющего значения для новой армянской поэзии, как роман «Раны Армении» для прозы.

Новые социальные и политические идеи, характерные для зарождающейся новой армянской поэзии, полно выразились в творчестве Микаэла Налбандяна (1829—1866). Поэт, публицист и критик, он обогатил армянскую общественную мысль идеями русских революционных демократов. Он был их соратником. Он дружил с Герценом, Огаревым, Бакуниным. В совместном письме от 24 июня

(6 июля) 1862 года Огарева и Герцена Н. А. Серно-Соловьевичу читаем о Налбандяне: «...Золотая душа, преданная бескорыстно, преданная навечно до святости» (Огарев); «...это преблагороднейший человек — скажите ему, что мы помним и любим его» (Герцен).

Революционный талант Налбандяна получил свое развитие в конце 50-х и в самом начале 60-х годов, в пору его сотрудничества в известном демократическом журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»). Идеал Налбандяна — служение отчизне. Он стремится пробудить в читателе патриотические, гражданские чувства. Думы о судьбе родины приводят к мыслям о необходимости революционного переустройства действительности. В стихотворении «Дни детства» он писал:

Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага!
Вот жизни смысл, вот боевая речь!

(Перевод В. Звягинцевой)

Патриот и революционер — это для Налбандяна понятия взаимно обуславливаемые. Поэтому он клеймит (стихотворения «Жизнь», «Мнение глупцов об учении», «Вспомянем», «Крещение Кндук-Почата») тех «деятелей», которые потеряли свое гражданское, а значит, и национальное лицо. В стихотворениях, написанных Налбандяном — узником Петропавловской крепости (он был арестован в

июле 1862 года по делу «лондонских пропагандистов» и в ноябре 1865 года сослан в г. Камышин Саратовской губернии), он обращается к прошлому, к героическим страницам армянской истории, в частности — к образам Месропа Маштоца, создателя армянской письменности (405—406) и Ваагна Мамиконяна, предводителя восстания армянского народа (481—485) против персидских завоевателей. Он пишет о классовом неравенстве, классовом гнете:

Мы вновь говорим? А не видите: брат
Кровь братскую пьет; хуже пришлого свой...

(«Ответ великого Вагана Мамиконяна»)

Налбандян мечтал о времени, когда армяне объединятся и вступят в борьбу во имя свободной и обновленной родины. Вершина поэтического творчества Налбандяна — его стихотворение «Свобода»:

«Свобода!» — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнь, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, звать
И повторять: «Свобода!»

Это стихотворение получило в Армении широкую известность и вдохновляло не одно

поколение борцов за свободу и социальную справедливость. «Из наших выдающихся литературных и политических деятелей его (Налбандяна. — Л. М.) вдохновляющее воздействие испытали Раффи и Церенц, в начальный период их творчества также Смбат Шахазиз и Ов. Туманян. Его воздействие на нашу литературу не прекратилось до сих пор», — писал Аветик Исаакян.

Во второй половине XIX века в армянской поэзии работала плеяда лириков, главное в творчестве которых — свободолюбивые, общенациональные политические идеи и мотивы. Еще в 40-х годах начал свою литературную деятельность Гевонд Алишан (1820—1901). Проживший всю жизнь на чужбине (родился в Константинополе, учился и работал в Венеции, в Париже), так и не увидевший Армении, он служил ей ревностно как ученый и поэт. Он оглядывался в прошлое, изучал рукописные источники, чтобы послужить настоящему, его вдохновляли герои армянской истории («Песни о родине», «Песни патриота»). Патриотические мотивы стали во второй половине XIX века общими для всей армянской литературы. Идея служения родине, идея освобождения Западной Армении от османского ига захватила всю армянскую литературу.

«О чем скорбишь, печальный сын
Скалистых гор, дитя долин? . .»

... — «Я жажду дуть, кровавых встреч,
Хочу в руках держать я меч!» —

писал Мкртич Пешикташлян (1828—1868) в стихотворении «Зейтунский армянин». И не было такого поэта, для которого тема подвига во имя родины не стала бы его личной, выстраданной темой. «Прежде гражданин и только потом поэт», — писал Смбат Шахазиз (1841—1907), следуя известному стихотворному афоризму Некрасова. Шахазиз прославился своей поэмой «Скорьбь Левона». Это скорьбь по Армении, по родине и вместе с тем — размышления о путях возрождения родной земли. Геворг Додохян (1830—1908) в стихотворении «Цицернак» («Ласточка») талантливо выразил чувства тех армян, которые жили вдали от родины и, томимые ностальгией, были охвачены патриотическими идеями.

Самой крупной и характерной фигурой армянской патриотической лирики второй половины XIX века был Рафаел Патканян (1830—1892). Его творчество способствовало пробуждению социального и национального самосознания армянского народа. Патканян хотел видеть в каждом из своих соотечественников гражданина, борца. Он гневно обличал мещанство, себялюбие. Он был непримирим к тем, кто жил одной лишь заботой, — деньгами. Сам поэт бедствовал. Гр. Чалхушьян, близко знавший поэта, писал в своей небольшой книжке «Армянская поэзия в лице Рафаила Патканьяна» (Ростов-на-Дону, 1886): «Хлеба, хлеба побольше вместо лавровых венков».

Патканян — автор многих сатирических произведений. Он едко высмеивал недорослей, кичащихся своей европейской «образованностью», высмеи-

вал ловкачей, приберегших для народа высокие фразы и считающих себя на этом основании национальными деятелями, чуть ли не героями, требовал активной, действенной любви к родине:

Ты много учился, стал ученым,
Тебя всюду прославляют,
Но если от твоей учености
нет Армении пользы,
Плевали мы на тебя и
на твою ученость.

(Подстрочный перевод)

В 70-х годах прошлого века благодаря русско-турецкой войне 1877—1878 годов появились надежды на освобождение Западной Армении, изнывавшей под тяжелейшим гнетом турецких работорговцев, вынашивавших планы физического истребления армянского народа. Рафаел Патканян стал выразителем этих чаяний. В его стихах много горечи, боли, даже отчаяния. Но главное в его лирике — энергичные, призывные интонации, воодушевляющие на борьбу с угнетателями. Патканян был поэтом острой социально-политической темы.

Рафаел Патканян и его лирический герой знают, что свобода обретается в борьбе, что она никогда не была и не будет кем-то дарована. Ее надо завоевать. «Знаешь ли, где твое счастье, слава и свобода? На острие твоего меча», — пишет Патканян. А в колыбельной («Песня матери

Агаси») мать напеваает сыну не о сладостных снах, а о борьбе. Воспитывать будущих героев-освободителей! Патканян дорожил этой мыслью и не раз к ней возвращался:

Когда для жизни трудовой
Средь мук рождает сына мать —
Ему точеный острый меч
Отец в подарок должен дать!

(«Новое поколение мушцев»)

Патканян уповал на будущее. Как о примере для подражания он писал о Джузеппе Гарибальди. «...И сколько, сколько и ты, и мы — весь народ, — говорил он, — всегда будем краснеть от того, что в продолжение шести столетий ни одна армянка не сумела родить Гарибальди».

Наиболее популярное стихотворение Патканяна — это знаменитое «Слезы Аракса». Аракс — река, символизирующая Армению. Так Волга в русских песнях — символ России и русского народа. Поэт приходит со своими думами к родной реке, приходит как к матери и слышит здесь песню национальной трагедии. Когда-то Аракс был рекой жизни. На ее берегах жил народ, выращивал хлеб, тесал камни... Теперь пустыньны ее берега, а воды что черные слезы беды:

И мне... зачем мне украшаться?
Красою чей мне тешить взгляд?
Мои сыны в плену томятся,
Мои враги везде царят...

«Слезы Аракса» стали общенародной национальной песней. Патканяну как автору «Слез Аракса» посвящали стихотворения.

Он пришел к Араксу,
Тайной думы полн, —
И душою понял
Ропот мутных волн, —

писал поэт Левон Манвелян (1864—1919; перевод Ив. Белоусова). В конце XIX — начале XX века Патканян был одним из самых переводимых армянских поэтов. Стихотворения Патканяна в русских переводах вошли в изданный в 1894 году в Москве сборник «Армянские беллетристы, драматурги и поэты». Сборник был запрещен цензурой. Цензор В. Назаревский в своем донесении от 4 марта 1894 года предостерегал, что «боевой патриотизм, презрение к апатичным или отсталым армянам могут питать и общечеловеческие мечты», то есть могут найти отклик не только в армянской среде. Он писал, что «Патканяну приписывается роль вдохновителя молодого поколения, народного трибуна». Цензор доносил также о стихах поэтов, близких Патканяну, замечая, что «звон гарибальдийских мечей не дает... покоя Шахазизу». Недовольство цензора вызывали гражданские идеи армянских поэтов, его беспокоило то, что было созвучно времени, эпохе, предшествующей первой русской революции, и что привлекало русских переводчиков. Среди переводчиков армянской поэзии той поры мы встречаем имена рабочих поэтов Егора Нечаева и Федора

Шкулева, впоследствии написавшего знаменитое стихотворение «Мы кузнецы, и дух наш молод. . .». Шкулев перевел стихотворение Патканяна «Протест против Европы»:

Руки наши связаны, ноги в кандалах. . .
Голоса Европы слышатся кругом:
«Что ж вы не восстанете с саблями в руках?
Будьте же за это вечно под ярмом! . . .»

Интерес к армянской поэзии в России конца XIX — начала XX века в значительной степени определялся интересом к творчеству Рафаела Патканяна и близких ему поэтов. Отсюда преобладание в переводах из армянской поэзии стихов патриотических, гражданских. Юрий Веселовский (1872—1919), переводчик, исследователь и пропагандист армянской литературы, писал об этом как о явлении положительном. Поэзия Рафаела Патканяна «проникнута, — заметил он в 1894 году, — редкой энергией и жизненностью, что так поучительно в наше время, когда декадентство, поэзия звуков и исключительный культ формы находят все больше и больше последователей».

Петрос Дурян (1852—1872) в своих пьесах, написанных на материале армянской истории, продолжил и развил тему, ставшую к тому времени традиционной, — уроки истории и современность. Однако всенародную известность принесла ему его лирика. Больной туберкулезом, он знал, что жизнь его угасает: «Мне искру дайте, искру, чтобы жить! Как после грез холодный гроб взлю-

бить?» Жажда жизни, любовь к природе, женщине, ко всему, что живет, дышит, выразились в его стихах драматично, остро. Лирика Дуряна — это отчаянный крик о жизни. И в центре его стихов — личность, человек.

Если б розы вешней
Цвет не мог напомнить
Щеки девы нежной,—
Кто любил бы розу?
Если б с синим небом
Не могли поспорить
Голубые глазки, —
Кто б взглянул на небо. . .

(Перевод Ю. Веселовского)

Дурян смотрел на небо и чувствовал до боли остро трагизм своей жизни, и его мучили думы о высшей несправедливости. И бог — уже не христианский бог любви и всепрощения, а жестокий бог мести. Дурян пишет «Ропоты»:

О, снявший розу с моего чела,
Огонь — с очей, с уст — трепет, блеск —
с крыла!
Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму!
Сказал, что в смерти я тебя пойму.
За гробом жизнь, о верю, для меня
Ты сохранил: молитв, цветов, огня!
А если мне исчезнуть суждено,
Беззвучно, безответно пасть на дно, —
Дай бледной молнией теперь же стать,
Над именем твоим, восстав, кричать,

Что ты — «бог мести», впиться в грудь твою
Проклятием, подобно остирю!

Так стихотворения, казалось бы камерные, замкнутые, приобретали общественное звучание. Лирика Дуряна выстрадана, она личностна и она же масштабна.

В одном из своих писем Дурян говорил о «гениях, которые могли бы яркой кометой пронестись по небосклону человечества», но им не благоприятствовала жизнь и они погибали. Он как бы предвидел свою судьбу. Он сгорел, не дожив и до двадцати лет... Его стихи — словно языки пламени. Огненные языки, подхваченные ветром, тянутся ввысь, разгораются. И слово поэта освещает. И слово жжет...

Новая армянская поэзия сложилась не сразу, формировалась не одно десятилетие. Многие поэты XIX века внесли свою лепту в становление новой армянской литературы, и среди них Дживани (1846—1909) — народный певец, продолжатель песенных традиций Нагаша Овнатана и Саят-Новы. Дживани писал о жизни и жизненных невзгодах с точки зрения народа и языком народа. Его песни вобрали в себя народное миропонимание, в них нашли отражение тяготы народной жизни. Он пел грустные песни о быстротечности и суетности жизни, о том, что беды минуют нас, они не вечны:

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут —
уйдут.
Всему есть свой конец, не злечь! Что бег минут:
придут — уйдут...

Тоска потерь пусть мучит нас; но верь, что беды
лишь на час:

Как сонм гостей, за рядом ряд, они спуют:
придут — уйдут.

*(«Как дни зимы, дни неудач
недолго тут: придут — уйдут. . .»)*

Дживани слагал свои песни, следуя этическим и эстетическим нормам народной лирики. Песенная, фольклорная эстетика всегда дидактична. Призвание народных певцов — учить, пробуждать добрые чувства.

Славнее тварей всех земных, — кто выше нас,
людей?

Но сотни тысяч раз, увы! — как низок нрав людей!
. . . Умы людские — черных туч бездомные пути.
Они не знают, что творят, куда, зачем идти, —

(«Люди»)

пел Дживани — ашуг и учитель (перевод П. Антокольского). И конечно же не о народе («они не знают, что творят. . .»), но о «хозяевах жизни» писал поэт, он их обличал. . .

Многое значила для новой армянской литературы лирика Иоаннеса Иоаннисиана (1864—1929). Расцвет его творчества приходится на конец XIX и начало XX века. Это было время, когда в общественной жизни не было прежнего общенационального воодушевления. Русско-турецкая война 1877—1878 годов не привела к освобождению Западной Армении и возрождению Армении в целом. В За-

падной Армении, подвластной Турции, усилился политический и национальный гнет.

И лучшие из нас падут в пылу сраженья,
И будут длительны дни скорби и томленья!
И приневолят нас влачиться под ярмом,
Но семя брошено — мы снова оживем!

Земля впитает кровь погибших за свободу,
Посевы новые она взрастит народу.
Замолкнет ураган, свершится правый суд.
И наши сыновья победу обретут, —

писал в 1887 году Иоаннисиан в стихотворении «Мы шли одним путем сквозь сумрак непроглядный...». Обратите внимание на дату — 1887 год! А ведь в 1877 году, когда началась русско-турецкая война, армянские поэты были полны радужных, но, увы, несбывшихся надежд. Поэтому Иоаннисиан пишет о предстоящих великих испытаниях, великих потерях. Но он же словно бы предвидел и грядущее спасение родного народа. Воистину, как птица Феникс, народ возродился из пепла после первой мировой войны, погромов, пожарищ и резни.

В поэзии Иоаннисиана, как и в лирике его современника Александра Цатуряна (1865—1917), нет боевых, призывных интонаций их непосредственных предшественников. Родина по-прежнему оставалась предметом любви и дум армянских поэтов, но громкоголосая Муза борьбы уступает место Музе страданий и народного горя.

Александр Цатурян пишет стихи, проникнутые

чувством сострадания к трудовому народу, пишет о тружениках земли как о надежде родной страны. Он создает также стихи сатирические. Его сатира обращена своим острием к тем из соотечественников, кому чужды интересы народа, родины. Его знаменитое «Завещание...» обличает общество, в котором нет места писателю, деятелю национальной культуры:

Когда умру, — во имя неба,
Не воздвигайте мне гранитных глыб!
А положите корку хлеба
И напишите:
«С голоду погиб...»

Александр Цатурян — автор и ряда любовных лирических стихотворений, оставивших в армянской лирике заметный след.

Конец века был ознаменован вступлением в армянскую литературу двух ее крупнейших поэтов — Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна.

Ованес Туманян (1869—1923) всенародно известен в Армении. Его поэмы и легенды, стихотворения, сказки, четверостишия — на устах у каждого армянина. Илья Сельвинский сравнил Туманяна с Давидом Сасунским, героем армянского народного эпоса. «Когда Давид Сасунский, как говорит эпос, стал пастухом, он собрал стадо из ягнят, зайчат, лисиц и медведей. Сила его духа и обаяние власти были так велики, — писал Сельвинский, — что такое, казалось бы, несоединимое соединение представлялось ему и его стаду делом

совершенно естественным. Об этих строфах эпопеи невольно вспоминаешь, читая Ованеса Туманяна. И действительно, его поэзия вмещает в себя самые разнообразные творческие жанры. И это не только разнообразие стиховых приемов, не только богатство голосовых регистров. Нет! Это редчайший дар великой поэтической природы — обладание сразу несколькими строями души, могущими охватить бытие в его бесконечно больших и бесконечно малых величинах. . . »

Сельвинский точно и образно определил самую суть творчества Туманяна — разнообразие жанров, могучую эпическую силу его стиха.

Жанровое богатство творчества Туманяна обусловлено богатством идейным. Жизнь человека в произведениях Туманяна изображена широко, философски и в то же время — конкретно, в ее соотнесенности с родной землей, родным очагом и судьбами родного народа. Туманян для Армении больше чем поэт. Он — ее язык, ее культура, выразитель народного мирозерцания. . .

Туманян — поэт по преимуществу эпический, тогда как Аветик Исаакян (1875—1957) — ярко выраженный лирик. Его лирика — пример народности, простоты и безыскусственности, которые доступны лишь немногим истинно великим талантам. Эту главную особенность творчества Исаакяна народ подчеркнул в слове Варпет (Мастер), с которым простые люди Армении обращались к своему поэту.

Разлад Исаакяна с дореволюционной действительностью, его мечты о жизни иной, справедли-

вой, определили главное в его стихах: постоянное стремление к гармонии и совершенству, поиски близкой его сердцу дружественной души.

Думы о родине обусловили характер и развитие поэзии Исаакяна, ее основные мотивы. Лирика Исаакяна (многие его стихотворения стали народными песнями и очень любимы в современной Армении) была воспринята как песня о судьбах Армении в течение многих столетий ее упорного пути к освобождению и прогрессу. В одной из своих статей («Литературная газета», 1941, 11 мая) Исаакян писал, что «сущность армянской лирики составляют любовь к жизни, к человеку, жажда счастья, благоговейное восхищение красотой природы, тоска по родному очагу». Все эти качества присущи лирике самого Исаакяна. Как сказал Луи Арагон, в творчестве Исаакяна — «аромат розового сада многовековой армянской поэзии».

Александр Блок, переводивший в 1915 году лирику Исаакяна, заметил, что это поэт «первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет». Увлечение Блока Исаакяном склонны были объяснять «символизмом Исаакяна». Оказалось, однако, что Блоку 1915 года Исаакян потому и был дорог, что Блок увидел в нем поэта, далекого от символизма, поэта, приверженного к классической, народной чистоте и ясности стиха. (Между прочим, в письме от 31 января 1926 года Исаакян подчеркнул, что его пленяли те поэты, в «творчестве которых была национальная, фольклорная стихия — Гейне, Гёте, Роберт Бернс. Никогда Эдгар По, ни-

когда Малларме. Ненавижу их». В том же письме он заметил, что никогда не увлекался поэзией Шарля Бодлера.) А вот Ваану Терьяну (1885—1920) русские и западноевропейские символисты действительно были близки. Поэтому именно Блоку стихи Терьяна поначалу предложили для перевода, но Блок отказался их переводить — для Блока 1915 года символизм был этапом пройденным.

Терьян обогатил армянскую поэзию стихами утонченными, эстетизированными по форме, а значит, и по содержанию. Он — один из самых изящных, музыкальных поэтов новоармянской литературы. Его лирика развивалась под знаком знаменитого афоризма Верлена: «Музыки, музыки прежде всего». Терьян — из тех поэтов, значение которых особенно велико внутри своей литературы. Здесь он — новатор, своим огромным, самобытным талантом подключивший родную литературу к поэзии мировой, к тому ее крылу, которое представлено именами Верлена и Бодлера, Блока и Брюсова.

900-е годы были для армянской поэзии годами плодотворными. В эти годы заявила о себе блистательная плеяда поэтов Западной Армении. Это — Сиаманто, Ваан Текеян, Даниел Варужан, Рубен Севак, Мисак Мецаренц. Они, как и Ваан Терьян, отдали дань символизму, в большей мере — западноевропейскому. Но главное в их творчестве то, что западноармянские поэты, так же как и восточноармянские, жили одними и теми же интересами — судьбами родной земли, языка, народа.

Придавая первостепенное значение форме стиха, его отделке, Терьян и названные выше западно-армянские поэты никогда не ставили во главу угла формальные изыски как таковые. Их поэзия содержательна, она полна внутреннего драматизма и отражает трагизм армянской действительности той поры.

Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире? —

писал Терьян в стихотворении о родине (перевод В. Брюсова).

В 1915 году в Западной Армении было истреблено около двух миллионов армян. Были убиты и армянские поэты — Сиаманто, Варужан, Севак... Мотивы безысходности, мотивы вселенской боли, горя в стихах армянских поэтов начала века обусловлены самой действительностью — все шло от жизни, от национальной трагедии. «Из раны сердца наша песнь взошла!» — восклицал Рубен Севак (1885—1915). Его мучили своей неразрешимостью проблемы национальные и проблемы социальные, классовые. Он писал о жизни рабочих, сопоставляя жизнь бедных и богатых, обнажал контрасты, хотел, чтобы голос его звучал призывно, как колокол:

Проснитесь, добрые колокола!
Кто вырвал языки вам из гортаней?

(Перевод П. Антокольского)

Однако поэты хотя и стремились посвятить лиру борьбе, часто отчаивались и говорили о невосполнимых потерях — таково было положение армян.

Огибал я коварные рифы,
Но пришлось мне изведать и горе:
Растащили желанья грифы,
Вера канула в темное море, —

писал Ваан Текеян (1878—1945) в стихотворении «Тридцатилетие». Правда, Текеян дожил до дней, когда Армения стала советской, возродилась. И он, всю свою жизнь проживший за рубежом, в зарубежных армянских колониях, с неизменной любовью и надеждой писал о Советской Армении. Но тогда, в начале века, действительность не предвещала лучшего будущего, подавляла своим трагизмом. Сиаманто (1878—1915) в своей книге «Факелы агонии и надежды» (1907) говорит о песнях-плачах:

Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной
свирели моей.
К губам трепетавшим прильнула она поцелуем
утраченных дней, —
Но память проснулась, прервалось дыханье, и,
скрытая тьмою ночной,
Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась
слеза за слезой.

(«Мои слезы»)

Поэты, однако, не могут быть плакальщиками. И Сиаманто, написавший «Видение смерти» (Дамоклов меч повис над целым народом), искал для своего народа путей к будущему, к жизни, взвешивал, как говорил он о себе, судьбу родины ве-

сами Страдания и Спасения. Сиаманто написал о патриоте («он был красив, как жизнь, и добр, как брат, и грозен. . .»), завещавшем поэту создать песню, с которой бы люди шли на смерть во имя отчизны. С этой песней на устах, с песней, которую не дали ему допеть, пал Сиаманто от рук убийц.

Даниел Варужан (1884—1915), разделивший судьбу Севака и Сиаманто, начал свой путь обращением «К музе», стихотворением, в котором он выразил свое литературное, жизненное кредо: писать, как Абовян и Пешикташлян, писать об униженных и задавленных. И от этой общей декларации Варужан придет затем к песням о хлебе, о поэзии крестьянского труда, о рабочем празднике Первое мая. . . Он, как и Сиаманто, обращается к истории, к прошлому, но в отличие от поэтов-предшественников (Алишан, Пешикташлян, Патканян) исключает из поля своего зрения Армению христианскую. Он недоумевает, как можно было веками поклоняться богу, распятому на кресте, и думать, что он, *распятый*, поможет армянам. Варужан обращается к языческой, дохристианской Армении. Здесь он ищет жизненные истоки народа, ищет полновесные образы, яркие краски. Обращение поэта к язычеству — это прежде всего поиски человека цельного, верного себе и природе, человека, у которого и мысли, и чувства, и страсти еще не измельчали. Там, казалось ему, все было крупно, сильно, и языческая масштабность и многокрасочность мира еще не были усмирены, не были унижены религиозными догмами о смирении и покорности. О. Мандельштам в своем известном

стихотворном цикле «Армения» воспел, между прочим, черты языческой, так сказать, варужановской Армении: «Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства, Рулоны каменного сукна на капителях, как товар из языческой разграбленной лавки, Виноградины с голубиное яйцо...» «Язычество» Варужана было чертой, свойственной и его натуре. Он был человеком широкой души, и душа его была переполнена жизнью, а времена были так неблагоприятны для жизни и столь трагичны для армян. «Язычество» Варужана — понятие не однозначное. «Язычество» — это и его обращение к природе, его «Песня о хлебе». Варужан не искал идиллических картин сельской жизни, не уходил от противоречий, кричащих вопросов современности, он хотел сказать о предназначении человека — жить в мире и выращивать хлеб. «Язычество» — это и форма неприятия, форма критики действительности. И не случайно «языческий поэт» Варужан с таким пониманием и сочувствием писал о жизни рабочих, об их борьбе:

Поле и город — ваши владенья.
Улицею, непреклонны и яры,
юны и стары,
стяг поднимая, пойдете, и грянут
звонко фанфары.

(«Первое мая»)

Проникновенным поэтом природы (мечтательности звезд, таинственной непостижимости ночи, легкости предутренних сумерек, младенческих, еще

не окрепших красок рассвета, ветра, заснувшего в листьях травы, туч, отяжелевших зернами хлеба...) был Мисак Мецаренц (1886—1908). Ночь для поэта — время грез и время ожиданий. В ночи — утро, в ночи — грядущий день. Полутона и некая захватывающая недоговоренность его стихов верно передают тончайшие переживания, «малые величины» чувств и настроений, в которых выражается многое — весь человек с его бесконечной, как мир, душой. Стих у Мецаренца радужный, трепетный, иногда зыбкий. Есть в его стихах и что-то от ворожбы, от колдовства. И какой-то щемящей грустью отмечена его лирика. Мецаренц умирал от туберкулеза. Но его судьба (поэт умер в 22 года) не заслонила от него все очарование мира, а оттенила богатство и многообразие жизни. И поэт Мецаренц оставил нам не холодную песнь уныния — его лирика полна любви к миру. И не будь жизнь поэта так несправедливо короткой, кто знает, какие новые песни сложил бы он?

В 900-е годы во всем Закавказье приобрел широкую известность пролетарский поэт Акоп Акопян (1866—1937). Профессиональный революционер, он вступил в РСДРП(б) в 1904 году, был подпольщиком, видным большевистским деятелем, работал вместе с известными революционерами: Степаном Шаумяном, Серго Орджоникидзе, Суреном Спандаряном, Михой Цхакая, Камо. Проникнутая революционным оптимизмом поэзия Акопяна была новым словом для армянской литературы начала XX века. Он ввел в армянскую литературу новые темы, новые образы; перевел на армянский

язык тексты песен, близких ему как поэту и большевику: «Интернационал», «Марсельезу», «Смело, товарищи, в ногу...», «Варшавянку».

В полемических стихах Акопян отвергал традиционный образ поэта, певца звездной, неземной красоты: «Как ни чаруют голубые дали, есть близкий мир, мир скорби и труда». Ему была ясна историческая роль пролетариата, и его стихи о жизни и борьбе рабочих полны оптимизма, пафоса грядущих побед.

Поэзия Шушаник Кургиян (1876—1927), младшей современницы Акопяна, также связана своими истоками с жизнью и борьбой пролетариата. Революция 1905 года оказала сильнейшее влияние на творчество Кургиян. Она вместе с Акопяном создавала армянскую пролетарскую поэзию, писала стихи о рабочих и хозяевах, обнажала классовые противоречия и звала к борьбе.

Велико было воздействие на армянскую литературу животворных идей Октябрьской революции. Советская власть в Армении была установлена 29 ноября 1920 года, однако советская армянская литература начиналась в 1917 году.

3

Экономически отсталой, вконец разграбленной Армении предстояло в 20-х годах пройти трудный путь восстановления экономики, создания новых социальных отношений, нового строя. Силы народа — моральные и физические — были надломлены

(первая мировая война, геноцид). Многие претерпел народ при дашнакских правителях в 1918—1920 годах. То были годы голода, болезней, террора. Советская Армения, широко поддерживаемая русским народом и другими братскими народами нашей страны, достигла выдающихся успехов — уже в первой половине 20-х годов было восстановлено разрушенное хозяйство и всюду началось новое строительство. Молодой Николай Тихонов побывал в 1924 году в Армении и тогда же написал цикл стихов, имеющий значение документа, свидетельства очевидца. «Клыки войны и пламени подрублены вокруг», — писал Тихонов в одном из стихотворений, кончающемся словами: «Перед азийской глубиью, Племен, объятых ленью, Форпостом трудолюбья Красуется Армения».

В 1919 году, когда пролетариат Закавказья еще вел борьбу за советскую власть, Акопян написал ныне широко известное стихотворение «В. И. Ленин»:

Перед его портретом я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.

(Перевод А. Тарковского)

В 20-е годы Акопян воспеваает первые крупные советские новостройки. Свою поэму о строительстве канала в Шираке он выразительно назвал «Ширканал-большевик» (1924). Одним из первых Акопян обратился к теме электрификации и индустриализации:

стриализации страны, написав поэму «Волховстрой» (1925). Эпиграфом к поэме взял он знаменитые слова Ленина: «Коммунизм=Советская власть+электрификация».

Известно, что уже первый стихотворный сборник Терьяна «Грезы сумерек» (1908) предопределил его значение для армянской лирической поэзии, однако лирика Терьяна следующего десятилетия — важный этап творчества поэта. Он создает гражданские, политически значимые стихотворные циклы — «Страна Наири», «Октябрьские песни». В конце 1910-х годов Терьян занимается активной политической деятельностью. В 1917 году он вступает в партию большевиков, в 1918-м избирается членом ВЦИК и работает в Комиссариате по делам национальностей. В этот период он переводит труды В. И. Ленина «Государство и революция», «Карл Маркс», пишет статью «Что говорит Ленин крестьянам».

Активную позицию защитника революционных преобразований в Армении и в Закавказье занимают Ованес Туманян, Иоаннес Иоаннисиан. Писатели, начавшие свой путь в конце прошлого, в начале нынешнего века и уже в 900-х годах занявшие в армянской литературе прочное место, плодотворно работали затем в советской армянской литературе. Особенной была в этом смысле роль Аветика Исаакяна. Вернувшись в середине 30-х годов на родину, он долгие годы оставался признанным авторитетом, главой армянской советской поэзии, живым ее классиком. Активно выступал Исаакян как поэт и публицист в годы Вели-

кой Отечественной войны. Кроме того, само присутствие Исаакяна, старейшего поэта с мировым именем, в Советской Армении, в рядах ее писателей имело большое мобилизующее значение. И все-таки (и это естественно) именно молодежь, новые имена определяли с начала 20-х годов становление и пути развития советской армянской поэзии.

Сложной была в 20-х годах литературная жизнь республики. Трудности культурного строительства объяснялись, в частности, тем, что до революции наиболее крупные армянские писатели жили и работали, как правило, в Тбилиси, Москве, Баку и за рубежом. Предстояло создать литературную жизнь в собственно Армении, чему во многом способствовало хозяйственное, экономическое развитие республики. Советская Армения строилась, обновлялась. Появились в республике литературная периодика, литературные группы и группировки, остро встал вопрос о месте классического наследия в новой социалистической культуре. (Вспомним, что эта проблема широко дискутировалась тогда и в русской советской литературе.) Высказывались крайние точки зрения. Считалось, что новая, пролетарская литература должна решительно во всем быть новой — долой классиков! Эта точка зрения нашла свое отражение в 1922 году в «Декларации трех» (с декларацией выступили Е. Чаренц, А. Вштуни и Г. Абов). Позже, в 1928 году, Гайк Адонц, противопоставляя творчество пролетарского поэта Акопа Акопяна армянской литературе за многие века ее существования, пи-

сал: «Всматриваясь в творчество всей этой массы поэтов, мы положительно не видим в этом поэтическом материале никаких элементов пролетарской классовой борьбы, могущих послужить зерном для развития и роста такого истинного пролетарского крупного таланта, как Акоп Акопян...»

Нигилизм по отношению к классической культуре с годами преодолевается. Еще в октябре 1920 года В. И. Ленин писал: «Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры».

Литературный процесс 20-х годов отразился во всей своей сложности в творчестве Егише Чаренца (1897—1937), крупнейшего советского армянского поэта. Чаренц, начавший писать в середине 10-х годов, увлекался поэзией символизма, стихами молодого Терьяна. Революция пробудила в нем поэта-трибуна, большевика. Революция, и только она одна, способна была решить вековые проблемы жизни. «Сколько сложнейших вопросов, неразрешимых когда-то, просто разрешены в неприемлемой борьбе!» — писал Чаренц (перевод А. Тарковского). Чаренц был захвачен ритмами революции, и именно поэтому ему казалось (он об этом писал в 1922 году), что у музыкальнейшего Терьяна почти нет ритма. Он слышал время — не музыку, а грохот разрушающегося мира, — и он хотел выразить свой век в громкоголосых стихах и поэмах.

*

В 1925 году в «Элегии, написанной в Венеции» Чаренц полемизировал с Аветиком Исаакяном, видел в нем поэта старой, ушедшей жизни. А в сентябре 1937 года он посвятил Исаакяну стихотворение (это было если не самое последнее, то одно из последних стихотворений Чаренца), в котором сказал о своей любви к Варшету (Мастеру), о том, что слышит, как простой народ поет песни Исаакяна и это ему помогает жить. . . В двух этих стихотворениях речь не только об Исаакяне. В них выразилась определенная позиция Чаренца, его взгляды на жизнь и литературу. Но нельзя сказать, что в первом стихотворении Чаренц ошибался, а во втором — нет. Чаренц велик и дорог нам именно такой — неровный, сложный. К противоречиям приводила поэта его страстность, увлеченность, стремление постичь и отразить всю многогранность и все богатство жизни.

Родина и революция как единая тема проходят через все творчество Чаренца. Он любил писать стихи об огне, об его очищающем пламени. Он видел, как в огне революции возрождается Армения, древняя страна Наири. «Книга пути» Чаренца (1934) — это книга судеб армянского народа.

Около двух десятилетий Чаренц был в центре литературной жизни Армении, был зачинщиком многих литературных споров, вокруг него всегда группировались поэты его поколения и творческая молодежь. Он оказал огромное влияние на развитие советской армянской поэзии. Он обогатил мировую Лениниану своей знаменитой «Балладой

о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог», своими поэмами «Дядя Ленин», «Ленин и Али»...

В советских национальных литературах с самого их зарождения мощно звучала тема мировой революции, тема солидарности с мировым пролетариатом. Во «Всепоэме» (1920—1921) Чаренц написал о грядущем рабочем братстве народов: «И я говорю: будет мир — общей радости дом!» (перевод В. Брюсова).

Пролетарский интернационализм — основополагающая черта советских литератур. Азат Вштуни (1894—1958) лучшие свои произведения посвятил пробуждающемуся Востоку:

В сердце твоём лава течет, множество солнц,
много огней!
Армией солнц ты окружен, солнечный сын, джан
мой Восток!

(«Восток»)

В стихах по-восточному колоритных Вштуни сказал о социальных взрывах на Востоке, о грядущем его освобождении.

«Восточными» поэмами иного характера прославился выходец из Ирана Гегам Сарьян (1902—1976). Он пел трагедию любви, трагедию красоты в стране гаремов и ханов. Слог его поэм и баллад песенный и высокий, отмеченный неназойливой игрой ритмов и созвучий.

Прекрасна патриотическая лирика Гегам Сарьяна — его стихи о Советской Армении, его песни о воинах... «Сеятели не вернулись» — эта строка

из стихотворения Сарьяна о погибших в войну солдатах стала в Армении крылатой. «Тихая лирика» Гегамы Сарьяна ценна задушевностью, завораживающей прелестью слова.

Курил я долго, до зари курил,
Как будто с кем-то близким говорил.
И душу мне отяжеляла грусть,
Как пепельницу — черных спичек груз.

(«Курил я долго, до зари курил. . .»)

Природа творчества неоднозначна. По-разному выражают себя поэты и по-разному себя утверждают. Наири Зарьян (1900—1969) издал в 1926 году свой первый стихотворный сборник «В голубой стране каналов» и с тех пор — больше сорока лет — принимал самое активное участие в литературной жизни республики как поэт и публицист. Всецело захваченный пафосом социалистического строительства, он откликнулся на важнейшие события жизни. Поэма Н. Зарьяна «Рушанская скала» (1930) — это широкое эпическое полотно, посвященное теме строительства колхозной деревни. Общественный конфликт переплетается здесь с личным — героя поэмы убивают, но его дело продолжается: на смену старому крестьянскому быту приходит новая колхозная жизнь. Позже Наири Зарьян написал на ту же тему колхозного строительства роман «Ацаван» (1937—1947), ставший заметным явлением армянской советской прозы.

В 30-е годы потерял былую остроту вопрос о том, нужна ли пролетариату классическая куль-

тура. И если эта тема занимала Наири Зарьяна, то он к ней подходил несколько иначе. Он думает «о месте поэта в рабочем строю» и находит, что поэты-классики несовременны. Характерно в этом смысле стихотворение Зарьяна «Фирдоуси» (1934). Зарьян отдает должное гению средневекового персидского лирика, но вместе с тем пишет:

Не слушай древности, не тронь
Того, что тленно и мертво.
Дай песне трепет, и огонь,
И сердце века твоего.

(Перевод П. Антокольского)

Новые эстетические принципы социалистического реализма утверждались в борьбе, в острой литературной полемике 30-х годов. Наири Зарьян дерзал, горячо спорил, полемизировал со своими современниками, но и высказывал порой мысли спорные, писал стихи риторические, не выдержавшие испытание временем. Спустя три десятилетия Наири Зарьян скажет о себе:

Жалеть ли о том, что написать не успел,
Или о том, что написано мною?

*(«Многое я написал
с полной отдачей сил. . .»)*

Об уже написанном жалеть, как говорят, не приходится. Да и многим из написанного поэт вправе был гордиться. Это и военная лирика, и героическая поэма «Голос Родины» (1943), и пат-

риотическая трагедия «Ара Прекрасный» (1944—1946), написанная на основе исторического предания об Ара Прекрасном и Шамирам (Семирамиде) и свидетельствующая о недюжинной силе таланта Зарьяна. Это, наконец, его послевоенная лирика, в которой так ярко сказалась публицистичность Зарьяна...

В последние годы жизни Наири Зарьян и под влиянием критики (критика была к нему особенно пристрастна, порой резка) и под влиянием собственных философских размышлений, подытоживающих сделанное, написал цикл стихотворений, прекрасных своим драматизмом, остротой переживаний.

Исповедальность, присущая лишь поздним стихам Н. Зарьяна, — основная черта творчества Гургена Маари (1903—1969), его поэтической прозы и лирической поэзии. Он писал себя, и он выразил время. Его стихи — это его биография и биография страны. Он и в прозе был лириком. Как писатель он субъективен в положительном смысле этого слова.

Ночь была прозрачной, лунной,
Ночь была светла,
Тоненькой тростинкой юной
Мать моя была.

Был отец мой сильным, статным.
Пели тополя,
Мир казался необъятным,
Доброю — земля.

Сердце волновала зовом
Песня у реки,
А на взгорье бирюзовом
Тренькали сверчки. . .

Эх, трещотки, лишь с рассветом
Смолкли вы, друзья!
Это из-за вас поэтом
Уродился я.

(«Поэт»)

Эта лирическая миниатюра демонстрирует еще одну черту поэта Маари — мажорность его лирики. Даже грусть в его стихах мажорна. Поэт радуется миру, и радость живет в его стихах. И еще. Слово Маари часто приправлено, как солью, щепоткой юмора, иногда иронии. И разве в цитированных выше стихах не растворена капелька юмора, придающая им еще бóльшую задумчивость? Наконец, Гурген Маари — мастер пейзажа. Словом, как кистью, он умел писать природу.

Примечательна пейзажная лирика поэта того же поколения, что и Маари, Ваграма Алазана (1903—1966), хотя порой Алазан слишком традиционен, вторичен. В конце 10-х — начале 20-х годов стали печататься Веспер (1893—1977), Вагаршак Норенц (1903—1973), Сармен (р. 1901), автор Гимна Советской Армении и целого ряда стихотворений, положенных на музыку.

В 30-е годы обратили на себя внимание Сурен Вауни (р. 1910), Хачик Даштенц (1910—1974),

Мкртич Хираниян (1899—1970), Согомон Таронци (1905—1971) — поэты, которые, кстати, многое сделали и как переводчики русской и европейской поэзии и прозы.

В 1934 году Ованес Шираз (р. 1914) издал свою первую стихотворную книгу «Предвесеннее». Книга принесла ему широкую известность. И с тех пор он — один из самых популярных поэтов Армении. Популярность Шираза среди читателей была все эти годы устойчивой, хотя творческий путь поэта был отмечен противоречиями, спадами. Шираз печатается много и... небрежно. Он как-то сказал о себе: «В золотословом моем песке найдешь много бесценных камней». Из многих поэтических сборников Шираза лучшие и бесспорные — «Книга песен» (1942) и «Лирика» (1946), хотя, конечно, и в других его книгах есть сильные стихотворения, есть, так сказать, «золотословый песок». И время, как старатель, добудет из песка золото. Многие стихотворения Шираза уже сейчас стали классическими. И этого, очевидно, достаточно, чтобы он мог сказать о себе: «И люди, меня увидев, — по-новому видят мир».

Многое значит для Шираза фольклор. Свою известную поэму «Сиаманто и Хаджезаре», написанную на основе курдской народной легенды, Шираз начинает двустихием, верно характеризующим все его творчество:

Народа светлая душа открылась до глубин,
И я любовно зачерпнул живой воды кувшин.

(Перевод А. Тарковского)

Известно, что о поэте надо судить по его удавшимся произведениям. И с этой точки зрения знаменательна патриотическая лирика Ованеса Ширази. Лучшие свои стихотворения о народе, родине, родном языке Шираз создал в годы Великой Отечественной войны.

Мы мирными были, как наши горы,
Вы налетели свирепо, как вихри.
Мы встали против вас, как наши горы,
Вы взвыли свирепо, как вихри.
Но мы вечны, как наши горы,
Вы исчезнете свирепо, как вихри.

(Подстрочный перевод)

В оригинале этого стихотворения Ширази, труднопереводимого из-за кажущейся абстрактности его содержания, конкретность и полновесность слова достигаются за счет семантической и стилистической полисемии двух стержневых слов-образов — горы и вихрь. Кроме того, звукопись оригинала (*лернер, мер, вайраг, хахах, охмер...*) придает «Экспромту» твердые, набатные интонации. Это шестистишие Ширази, написанное в 1941 году, сразу же приобрело в Армении известность. Военная тема расширила, углубила и обогатила патриотическую лирику Ширази.

В годы войны выступил со стихами, поднимающими народ на борьбу, старейший армянский поэт Аветик Исаакян. Он систематически печатал и гневные публицистические статьи. «Для нас, ар-

мян, Москва — любимая и родная столица! Здесь решается вопрос о существовании и нашего много-страдального народа, наше будущее», — писал Исаакян в октябре 1941 года.

В Армении, как и всюду у нас в стране, литература стала грозным оружием борьбы с врагом.

Молодые поэты, начавшие печататься во второй половине 30-х годов, творчески возмужали, выросли в годы войны. «Война нас сделала поэтами», — говорит Амо Сагян (р. 1914). Сагян — участник Великой Отечественной войны, как и Ваагн Давтян (р. 1922), Рачия Ованесян (р. 1919), Сагател Арутюнян (р. 1921), Ваагн Каренц (р. 1924)... Погиб на фронте поэт Татул Гурян (1912—1942)... Во фронтовой печати работали Ашот Граши (1910—1973) и Гурген Борян (1915—1971). Поэзия воевала. В стихах, присланных в Ереван из действующей армии, Сагян писал о зеленом тополе страны Наири (Армения) как о символе родной земли:

Красуешься под ветерком, сверкаешь свежеею
листвою,
Дневной дороге тень даришь, глубокой ночью
ждешь зари.
В теснинах сердца моего звонкоголосый говор
твой,
О дальний, дальний, дальний мой, зеленый тополь
Наири! . .
Меча и пламени певец, хочу я лишь твоей любви,
И если в праведном бою прикажет родина:
«Умри!» —

Умру, чтоб вольным быть тебе, исчезну я, а ты
живи,
О дальний, дальний, дальний мой, зеленый тополь
Наири!

(Перевод М. Петровых)

Ашот Граши, еще до войны снискавший известность стихами о родной земле, писал в тяжелые военные годы стихотворения тревожные, без былого налета идилличности:

Наша доля весны под снегами ослепла,
Наша доля весны не воскресла из пепла.
Мы остались лежать,
Где упали когда-то,
И осталась лишь память живой от солдата.
Наша доля весны, наше синее небо
Там, в окопах, остались, у мертвого снега.

(«Баллада павших солдат»)

Сражаются люди, сражается земля людей, поэтому там, где пали солдаты, весна ослепла и снег там мертвый. . .

Основные мотивы армянской военной лирики — те же, что и в поэзии общесоюзной. Народ жил одними и теми же чувствами, одними и теми же думами. Поэты писали о героизме, о подвиге, о военной дружбе, писали о разлуке и верности. . . Читая стихотворение Гургена Боряна о матери — «Ты ждешь меня», нетрудно вспомнить стихи на ту же тему о матери, о любимой женщине и войне у других советских поэтов. И самый глагол *жди*

спрягался на все лады в короткие часы привала, во фронтовых письмах, стихах... В годы войны Борян создал лучшие свои лирические стихотворения.

Над фронтом полночь. Мрак и тишина.
Спит мир, и даже ветер спит.
Всё сковано недолгой властью сна,
И артиллерия молчит.

(«Ты ждешь меня»)

В этом четверостишии зримо и психологически точно написаны ночь и тишина, непривычная, кричащая тишина фронта. Боряну сопутствовал успех, когда он писал о пережитом. И в послевоенные годы он создал замечательные своей искренностью и прочувзованностью лирические стихотворения.

В контексте времени развивалась и армянская лирика второй половины 40-х и 50-х годов. Армянские поэты, как и поэты других республик, боролись стихами за мир. Этой теме были посвящены горячие, публицистические стихотворения. В качестве примера можно назвать получившее в свое время широкую известность стихотворение Наири Зарьяна «Письмо товарищу Жанису Зуймачу»...

Армянская послевоенная поэзия (конец 40-х — начало 50-х годов) страдала некоторой риторичностью. В печати появлялись стихи «правильные» и декларативные, написанные без творческих мук. В ответ на такие «ходкие» стихотворения, в которых ничего не было от жизни, но якобы была радость, был оптимизм, Маро Маркарян писала:

Если скажу, что забот не знаю,
Мне всё равно не поверит никто.
Если скажу, что смеюсь всегда я,
Мне всё равно не поверит никто.

Часто дорога была нелегка мне,
Так же, наверно, как вам, друзья,
Ноги поранила я о камни,
Так же, наверно, как вы, друзья.

(Перевод И. Снеговой)

Откровенность Маро Маркарян — убедительнее любых аргументов. Критика была благосклонна к «благополучным» стихотворным схемам. Подлинная же лирика «прорывалась» от схем и штампов к сложной и многообразной правде жизни.

«Не делай так, а делай эдак...»
Что я отсюда извлеку?
В любви сфальшивить напоследок?
Изъять правдивую строку?
Но страсти белое каленье
Ты не упрячешь подо льдом,
И гордое стихотворенье
Пренебрежет любым судом.
В твоём благоразумном мире
Я, бедный, вовсе не гожусь!
Ведь я не изменяю лире
И честной страсти не стыжусь!

(Перевод Д. Самойлова)

Это стихотворение (оно написано в 1947 году) — прямой ответ Геворга Эмина критикам, которые неодобрительно писали о лирике чувств. лирике любви. В 1946 году тогда еще молодых поэтов Сильву Капутикян, Геворга Эмина, Маро Маркарян строго критиковали на съезде писателей Армении за проявление «упаднических настроений», хотя то были настроения живых людей, умеющих радоваться и грустить. Много позже, в 1958 году, Сильва Капутикян в предисловии к своим избранным стихам, как бы страхуя лирику любви, писала: «Хочу реже «предоставлять трибуну» так называемой интимной лирике. Но жизнь идет, перемежая личные радости и огорченья. А так как я не веду дневников, очень не люблю писать писем, то вся эта внутренняя энергия чувств уходит в «личную лирику». Ну, что ж, пусть будут еще такие стихи, коль они пишутся!»

Капутикян чуть ли не оправдывается: вот, мол, пишу интимную лирику. Она — прекрасный публицист (и в стихах, и в своих прозаических книгах «Караваны еще в пути», «Меридианы карты и души»). Но ведь прекрасна (и, кстати, очень известна!) ее интимная, ее любовная лирика.

Лирические признания Капутикян полны чистоты чувств. И страсть чиста. Она возвышенна... Хорошие стихи вообще и хорошие стихи о любви воспитывают людей, делают их чище и лучше, что, понятно, имеет большой общественный, социальный смысл. Поэзия должна быть актуальной. И если говорить о любовной лирике, разве она не актуальна, разве воспитывать чувства — задача не

современная? «Раз нет любви — нет и меня самой», — признается Маро Маркарян. Она проверяет свои чувства жизнью — большой, настоящей, отбрасывая все мелкое, незначительное:

Бывало, с судьбой своей не поладя,
От горя поешь, свету не рада,
Не видишь конца бессилью.
Но вдруг скала обрушится рядом —
И горе твое покажется пылью.

(Перевод А. Яшина)

Голос у Маркарян мягкий, невысокий, но о чем бы она ни писала — чувство масштабности жизни, времени всегда присуще ее творчеству. Она умеет сочетать «камерность» с широтой охвата действительности, включая в область личных переживаний волнения и радости мира. Маркарян хочет быть полезной людям, словом, как сердцем, хочет согреть читателя. Отсюда в ее лирике образ поэта, разбрасывающего стихи, как зерна добрых чувств.

Плодотворность известного тезиса о поэтах хороших и разных легко проверяется армянской поэзией последних двух десятилетий. Активно работают в современной литературе поэты старшего поколения. Амо Сагиян издал за последние десять лет лучшие свои стихотворные сборники. Он воспел поэзию земли, поэзию труда. Его стихи значительны эстетически, и они значительны пафосом утверждения идей трудового, рабочего человека. Старый крестьянин Хачипап всю жизнь работал, и когда «вдруг на пахоте занемог, бросил плуг,

покраснел от стыда...». Крестьянин *стыдится* своей немощи! В этом — идея всего стихотворения, его высокий нравственный смысл. Сагиян любит писать природу высокогорного Зангезура, своей родины:

Свет коснулся гор.
 Пробегаёт дрожь по горам,
 Горы приподнялись.
Грянул птичий хор.
 Пробегаёт дрожь по ветвям,
 Деревья прынули ввысь.
Вскочила на камень лань.
 Камни по сторонам,
 Как под плетью, прынули ввысь.
И в эту раннюю рань
 Из-под скал на диво глазам
 Столетия прынули ввысь.

(Перевод А. Тарковского)

Так описал Сагиян рассвет в горах. В этих стихах присутствует человек, присутствует история. Природа всегда одухотворена у Сагияна его лирическим «я». Поэтому определение «Сагиян — поэт природы» в известной мере условно. Он — поэт жизни.

Государственной премии СССР (1977) удостоен стихотворный сборник Геворга Эмина «Век. Земля. Любовь». Эмин — один из ведущих поэтов современной Армении. Он известен как новатор, как автор стихов нетрадиционных. Однако новаторство Эмина выражается не в формальных поисках.

Стих у него крепкий, я бы сказал: традиционный. Он своеобразен и нов по характеру мышления, фактуре языка, материалу. В одной из своих статей Эмин высказал мысль, для него характерную: поэт, если он хочет быть современным, близким и понятным сегодняшнему читателю, должен превращать в поэзию то, «что раньше не было поэзией». Главное в поэзии Эмина — ответственность современного человека за сегодняшний день, за свою землю, свой дом, своих близких. Эмин глубоко чувствует время историческое. Из своего «сегодня» он вглядывается в глубь веков, в историю своего народа, своей Армении и обнаруживает здесь корни времени.

Историческая тематика издавна занимает Ваагна Давтяна, автора поэм, сюжеты которых взяты из трудов средневековых армянских историков.

Широкой известностью пользуется поэма Давтяна «Тондракийцы», повествующая о мощном «еретическом» движении, потрясем в IX—XI веках самые основы власти церкви и феодалов. Давтяну удалось создать крупные, характерные образы мятежных тондракийцев. Тондракийцы, вставшие против «церковного христианства», стремились разрушить официальные формы религиозных культовых отправлений, понимая, что церковь стала в руках власть имущих орудием социального гнета. Острота конфликта дала Давтяну возможность глубоко изобразить разные стороны средневековой Армении, показать людей, обуреваемых великими страстями. Исторический герой Давтя-

на — широкий земной человек, ему тесно и тяжело жить в тисках социальной несправедливости и религиозной схоластики. В героях Давтяна «просматриваются» черты, близкие современному человеку, родственные ему.

Существенная часть лирики Давтяна — стихи о нашем современнике. Эти его стихи несут в себе мотивы радостного, вакхического восприятия жизни. Стихи написаны легко (это легкость мастерства), без нажима, словно бы само собой сложилось стихотворение. В каких-то добрых, светлых красках видится поэту земля и мир. «Пусть в мире приумножается доброе, хорошее, благословенное», — утверждает поэт, и это, конечно, не значит, что слово поэта лишено внутреннего драматизма, что он не видит противоречий современного мира, что он идеализирует жизнь. Возвышенна позиция поэта Давтяна, жизнерадостно его миро-созерцание.

Щедростью чувств отмечены многие стихотворения Рачия Ованесяна и в особенности его лирический цикл «Чудесный садовник».

В аллегорическом стихотворении «Мефистофель» Рачия Ованесян пишет, что в обмен на душу автору обещали славу, награду, имя... Но может ли поэт жить без души? Влюбленность во все живое, горячее, восторженное восприятие действительности настолько сильно выражены в лучших стихотворениях поэта, что именно эти качества определяют характерные особенности его лирики. Романтизм поэзии Ованесяна — от полноты жизни. Мир представляется ему садом, где «ли-

стья выглядят золотом, жемчугом — капли и цветущими лилиями — снегопад».

Для современной армянской поэзии многое значил (и сейчас его влияние огромно) Паруйр Севак (1924—1971). Говорят, что талант в литературе — гораздо более частое явление, чем характер. Севак был прежде всего характером, огромной творческой индивидуальностью. Он утвердил в поэзии 50—60-х годов дух творческого беспокойства, творческих поисков. Нет большого писателя, творчество которого не было бы связано с поисками новых форм воплощения действительности. Но есть писатели, которые по преимуществу ищут, прокладывают новые пути. Иногда они уходят далеко вперед, может кому-то даже показаться, что они отрываются от собственной национальной почвы. Таким писателем-разведчиком был Паруйр Севак, поэт ищущий, острый, полемичный. Он жил в атмосфере постоянных споров, постоянно что-то опровергал, что-то доказывал, горячился. Говорили, что он не любит армянскую классику, не любит Исаакяна. «Какая глупость! — отвечал Севак. — Два Исаакяна, даже десять Исаакянов (Исаакян плюс его подражатели) — это один поэт». Севак хотел быть (и он им стал!) другим, еще одним армянским поэтом.

Всё мне кажется,
Я еще удивлю этот атомный век,
К древним струнам семи
Вот возьму и прибавлю восьмую.

(Перевод А. Корнеева)

Поиски этой вот своей струны и составили пафос всей жизни Севака. В одной из своих статей Севак писал: «Пословица гласит: есть вещи, которые не сделаешь, пока не научишься, и есть вещи, которые не научишься делать, пока их не сделаешь. Мне кажется, что несколько десятилетий наша поэзия была стреножена первой половиной названной поговорки: делали то, чему научились, и, наоборот, ни во что не ставили то, чему не научишься, пока не сделаешь».

Чтобы научиться, Севак призывал писать, делать, дерзать. В одном из своих двустушии, несомненно программном для него, Севак сказал, что он устал от филигранных холодных слов и что лучше быть знающим дело кузнецом, чем ювелиром.

Севак больше других армянских поэтов обращался к истокам национальной поэзии, национальной культуры (об этом свидетельствует его интерес к творчеству Григора Нарекаци, его поэма о Комитасе «Несмолкающая колокольня», его монографическое исследование о Саят-Нове. . .), и он же больше, чем другие поэты, его сверстники, ратовал за обновление национальных традиций, за широкое обращение к достижениям мировой культуры. Всем своим творчеством он восставал против замкнутости и узости. Он выступал за широкое взаимодействие культур и высмеивал тех, кто, думая сохранить свое национальное лицо, боялся культурных влияний. Такие люди, говорил Севак, могли бы обвинить в плагиате создателя армянской письменности Месропа Маштоца. «И не надо

также забывать, — писал он, — что если в выражении «вариться в своем собственном соку» заключена философия, то это философия нищеты».

Севак рано скончался (погиб в автомобильной катастрофе). Он любил этот мир, эту землю глубокой крестьянской любовью. Он хотел одарить людей радостью, хотел жить: «Ноги мои не пресытились. Пусть еще походят по земле...»

После смерти Севака вышло в свет его шеститомное собрание сочинений, интерес к его творчеству велик, его популярность в Армении повсеместна. Искусство вечно, а значит, и жизнь не коротка...

Плодотворно работают в современной литературе поэты среднего поколения и поэты молодые.

Сразу, уже первыми своими стихами обратил на себя внимание Размик Давоян (р. 1940), поэт, автор ряда стихотворных сборников и большой лирической поэмы «Реквием». Давоян пишет о личном, о том, что стало его биографией, его жизнью. Вообще говоря, так пишут все поэты. Но этот общий признак приобретает в поэзии Давояна черты специфичности. Порой в его стихах связи между образами, между словами оказываются «упрятыми» в каких-то очень личных, субъективных переживаниях, и стих теряет ясность (связи не прослеживаются). Но и в этих стихах Давояна есть магия слова, музыки, многозначности оттенков, догадок и игры ума...

* * *

Давно, в 1921 году, Егише Чаренц написал стихотворное посвящение — «Армении». Оно начиналось строкой: «Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять». Эти слова были подсказаны Чаренцу трагическим прошлым страны и народа. Будущее подсказало поэту другие пророческие слова: «Армения, твой Чаренц как дар взял язык у тебя. Ты видела многих певцов-армян — и увидишь опять».

И так всегда — в Армении и всюду на земле, где люди трудятся, зарабатывают свой хлеб своим трудом, пекутся о родных и близких, о родной земле, о звездах и космических далях, теперь уже тоже родных и близких.

Левон Мкртчян

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ

Месроп Маштоц

Месроп Маштоц родился в селе Хацекац Таронской области в 361 году. Маштоц — один из образованнейших людей своей эпохи, создатель армянского алфавита (405—406). Перевел со своими учениками на армянский язык Библию. Впоследствии был причислен к лику святых. Один из его учеников, по имени Корюн, написал в середине V века книгу о жизни своего учителя: «Жизнь Маштоца». Корюн сообщает, что Маштоц и его ученики перевод Библии начали с притчей Соломоновых и что первым предложением, написанным армянскими письменами, был следующий афоризм: «Познать мудрость и наставление, понять изречения разума». Маштоц — автор речей, духовных наставлений. Ему приписывается также авторство некоторых духовных стихотворений.

Умер Месроп Маштоц 17 февраля 440 года в Эчмиадзине, похоронен в ризнице под алтарем в Ошаканской церкви (недалеко от Еревана). Могила Маштоца сохранилась до наших дней и служит местом паломничества армян.

* * *

Море жизни всегда обуревают меня.
Воздвигает враг валы на меня.
Добрый кормчий, ты — оборони меня!

* * *

Подвергнут опасностям и мукам я
Из-за множества моих грехов.
Бог умиротворяющий, помоги мне!

Вихри моих беззаконий
Взволновали меня, я — как море в непогоду.
Царь умиротворяющий, помоги мне!

И грехи мои как море
Глубокое, беспокойное, — я во власти волн.
Добрый кормчий, спаси меня!

* * *

Рано утром предстану перед тобой,
Царь мой и бог мой!

Рано утром преклонишь к мольбе моей
слух,

Царь мой и бог мой!
Молю я: взгляни на молитву мою,
Царь мой и бог мой!

Иоанн Мандакуни

Иоанн Мандакуни жил в V веке. Религиозная, общественная и литературная деятельность его приходится на вторую половину V века. Иоанн был католикосом во время восстания Ваагна Мамиконяна против персидского ига (481—485), принимал деятельное участие в освободительном движении. Автор ряда молитв «Часослова», толкований и речей. Отстаивал монофизитизм — учение о едином божественном естестве Христа, выступая против диофизитов. Перевел с греческого гимн вечерней службы «Радостный свет».

* * *

Преображеньем твоим на горе
Ты божественную силу явил,
Тебя славим, о мысленный свет!

Луч славы твоей ты явил,
Воссиял и всю твердь осветил,
Тебя славим, о мысленный свет!

Ужаснулись ученики твои,
Явление чудесное зря,
Тебя славим, о мысленный свет!

Но, восстав от тяжелого сна,
К твоей славе прилепились сильней,
Тебя славим, о мысленный свет!

Давтак Кертог

Поэт Давтак Кертог жил в VII веке. Биография неизвестна. Из сочинений сохранился только «Плач на смерть великого князя Джеваншира». Это стихотворение приводит Мовсес Каганкатвацци в своей «Истории Агван», написанной на основе армянских рукописей V—X веков.

ПЛАЧ НА СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДЖЕВАНШИРА

О всеведущий дух, ниспошли благодать,
Дай мне силы на песню, на плач, на проклятье,
Разумение дай, чтобы внятно сказать
Слово скорбное о невозвратной утрате!

Горе тяжкое плакать заставило нас,
Стон печали над нами пронесся, как пламя,
Пусть всё сущее в мире услышит наш глас,
Всё живущее слезы прольет вместе с нами.

Нас стена защищала, но пала стена.
Скалы, нас укрывавшие, ныне разбиты.
Нам светила луна, закатилась луна,
Слово твердое рухнуло, нет нам защиты.

Мы не ждали беды, но пришла к нам беда.
Власть добра и надежд победило безвластье.
Свет чудесного царства угас навсегда,
Счастья сад превратился в пустыню несчастья.

Это беды и горести нашего края,
Может, те, что предрек многомудрый Исая,
Ибо светлого крестовоздвиженья день
Омрачила беда и страдания тень.

И грядущее стало темно и безвестно,
Дух вражды и безверья туманит наш путь.
Нечестивые вырыли черную бездну,
Чтобы нашего пастыря в бездну столкнуть.

Словно лев, был он грозен, не будучи злым.
Для старейшин родов был опорой и властью.
Ликовали друзья от любви и от счастья,
И от страха враги замирали пред ним.

Был он первым по мужеству и по уму.
К самым дальним пределам неслась его слава.
Поклониться спешили соседи ему,
Восхваляли его все края и державы.

Даже греческий царь, даже юга князя
Домогались с властителем нашим свиданья
И, гордясь, что они Джеваншира друзья,
Принимали с почтеньем его назиданья.

И в гордыне забыли, что, люди, мы прах,
Что во власти господней и счастья и беды.
Бога мы прогневили, погрязнув в грехах,
И правителя нашего смерти он предал.

Ангел, что охранял его душу и плоть,
От него отдалясь, нас обрек на страданье.
В горький час отвратился от князя господь,
Оставляя насильникам на поруганье.

Лицемер потаенно свой меч наострил,
К убиенью коварно готовясь заране,

И смертельный удар Дживаншира сразил —
Темной ночью погиб он, как моавитяне.

Дживаншир, надо всеми возвысился ты.
Исходили завистники злобой безмерной.
Ты убит был тайком среди ночной темноты,
Ты скончался, израненный немилосердно.

Солнце вмиг изменило извечный свой путь,
Лишь вошла злая смерть в государеву грудь.

Пусть убийца его остается живым,
Пусть он будет для всех ненавистен и страшен.
Птицы певчие пусть не щебечут над ним,
Пусть лишь черные вороны крыльями машут.

Звери хищные пусть поджидают его,
Пусть вовек не найдет он ночлега под крышей.
Пламя Ирода пусть настигает его,
Пусть его пожирают и черви и мыши.

Пусть огонь пожирает его, разгорясь,
Пусть убийцу ничто не спасет от заразы,
И рука, что на славу земли поднялась,
Пусть покроется струпьями смрадной проказы.

Пусть в презренного жабы вливают свой яд,
По ночам пусть с убийцею змеи грешат.
Пусть умрет окаянный, терзаясь жестоко,
Будь он проклят, исчадие зла и порока!

*

Наш водитель, наш кормчий, наш князь
Джеваншир,
Посмотри, что с твоими сиротами стало.
Разум твой озарял наш неправедный мир,
Нас отвага твоя от беды ограждала.

Как жемчужины, с уст обронял ты слова,
И блистал ты отвагой, носитель величья,
Ото сна пробуждался детенышем льва,
Расправлялся с трусливою утренней дичью.

И разбрасывал кромки овечьих ушей,
Славя господу истовой жертвой своей.

Как ловец, ты был ловче других и смелей,
Сокола твои были всех прочих быстрее,
Ты и спящий мудрее был прочих людей
И во сне управлял колесницей Арея.

Ты лишь взглядом единым умел отличать
Мудреца от глупца и героя от труса.
Нисходила обильно к тебе благодать,
Как священная кровь из ребра Иисуса.

Ты при жизни божественной притчею стал.
Дух бессмертья над смертным тобою витал.

Мир был светел, но темень взяла его в плен,
Как, лишенным тебя, нам поверить в удачу?
В опустевшей стране я потомков сирен,
А не страусов стаи сегодня оплачу.

Сколько дней и недель, сколько б лет ни прошло,
Мы не сможем забыть о великой утрате.
И тебя погубившее черное зло
Тяготееет над нами как бремя проклятья.

Ты, наш пастырь великий, был светел, как день.
Без тебя нам во тьме никуда не пробиться.
И ложится на наши угрюмые лица,
Словно пыль на дороги, бесславия тень.

Буду вечно взирать я на трон опустевший,
Бесконечно в мученьях рыдать, безутешный.

Слезы нас ослепляют, померкнул наш свет,
Перед нами путей утешения нет.
Только пламень печали, любовью зажженный,
Не погаснет в сердцах безутешных друзей.
Нам дымиться бы, как фимиам благовонный,
Чтоб сгореть без следа на могиле твоей.

Ибо здесь без тебя всё темно и туманно.
Нашей светлой надеждою был ты один.
Пред тобой прояснялись вершины Ливана,
Волны бурные тивериадских глубин.

Если ты, наш заступник, не жил бы на свете,
Пред врагами давно бы мы пали без сил.
Без тебя одолел бы нас северный ветер,
Гунн жестокий гранаты бы наши срубил.

Без тебя опускаются руки в бессильи.
Тьма сгущается, нам не дожидаться зари.

Покрываются брачные комнаты пылью,
Облачаются в траур земные цари.

Даже тем, кто короной увенчан по праву,
Мишура золотая теперь не нужна.
Тщатся сбросить владыки презренную славу,
Ибо суетность славы им стала ясна.

Всем уйти суждено, никому не остаться,
Нам одно лишь даровано счастье судьбой:
Слезы лить по тебе, по тебе убиваться,
Лечь в могилу когда-нибудь рядом с тобой.

Григор Нарекаци

Григор Нарекаци родился в Васпуракане (Ванская область) в 951 году в семье Хосрова Андзеваци, ученого, выдающегося знатока церковной литературы, автора «Толкования церковной службы» и «Толкования таинств св. литургии». С раннего детства воспитывался в монастыре Нарек. Григор Нарекаци — автор религиозных гимнов и песен. «Книга скорби» — основное сочинение поэта, написанное им в конце жизни и принесшее ему широкую известность уже в средние века. Подлинник написан нерифмованным стихом, хотя Нарекаци владел рифмой и отдельные отрывки «Книги...» зарифмовал. В 25-й главе Нарекаци пишет, что, благодаря одним и тем же созвучиям в конце строк, то есть благодаря рифме, стих становится эмоционально выразительнее.

Умер Григор Нарекаци в 1003 году.

Сочинения: Книга скорби, Константинополь, 1858 (на древнеармянском языке); Книга скорби, Ереван, 1977 (перевод на русский язык и древнеармянский оригинал).

Теперь я — наг, и облачений всех,
Хоть и гордился ими, я лишился.
Как надо жить, чтоб вновь я приобщился
К тому, кем осужден за тяжкий грех?
Чтоб свет, хоть от него я отдалился,
Мне виден был сквозь тысячи помех?

Чего мне ждать? Ушедшего веселья?
Мечтать, чтоб снова светлой стала келья?
Молить, чтоб снова я душой обрел
Установленья, с коих я сошел?
Поверить ли в незыблемость скалы,
Что вдруг заколебалась подо мною?
Смешаться ли с толпой, что злой хулы
Достойна за стяжательство земное?

Могу ли в град, где первенцы, вступить,
Когда я, грешный, обречен чужбине?
О хлебе ли насущном мне молить,
Которого не заслужил поныне?

Молить, чтоб снова рядом очутиться
С людьми, с которыми я жизнь прожил?
Или кричать: «Пусть мука прекратится!»?
Но я еще греха не искупил.
Просить наград, чтоб ими возгордиться?
Но я наград довольно получил
И ни одной еще не оплатил,
И пробил час за это поплатиться.

Мне ль быть внесенным в книгу Бытия,
Когда уже я вычеркнут оттуда?

Мне ль вспоминать дары твои, как чудо,
Что не уберегла душа моя?

2

Как нить, моя надежда порвалась,
Мной завладела мерзкая проказа.
Сначала язвою, не больше глаза,
Отметила меня и расползлась.
Моя болезнь сокрыта милосердно
Под прежнюю личиной черт моих,
Что означать должно двойную скверну —
Души и тела, всё еще живых.
Померкло для меня сиянье славы,
Добро ушло, никто меня не спас,
И приближается мой смертный час,
И суд грядет безжалостный, но правый.
Разлился смерти яд в душе моей.
И в гавань вход закрыт для кораблей,
И сорваны покровы благодати,
Померкло благолепье прежних дней.
Но тернии хулы и гром проклятий,
Несправедливый суд земных судей —
Всё это стало участью людей,
Чтоб прежние надежды я утратил.
Стропила сгнили, рухнули столбы,
Упала кровля, повалились стены.
Разверзлась бездна огненной геенны
Как завершение моей судьбы.
Прощаясь ныне с жизнью земною,
Я с этим миром чувствую разлад.

И дух святой — дух, оскорбленный мною,
Корит меня, в том сам я виноват.

3

Ту чашу, что была мне суждена,
В теченье жизни я испил до дна.
Познал я всё: сомненье и смятенье,
Срам непостижный, вечное презренье,
Позор, бесчеловечное гоненье.
Днем не было еды, а ночью сна,
И не было в пути мне озаренья!
Лишь ты — надежда наша и спасенье.
Ты — милосердье, помощь, очищенье.
Единый сын того, чье мановенье
Твердь неба создало и твердь земли,
О господи, мольбе моей внимли!
Ты, сострадающий, благословенный,
Защитник наш, в заботе ночеденной
Сиянье зажигающий вдали,
Меня прими и мне даруй прощенье,
Направь на путь и дай мне наставленье,
Чтоб вновь в меня слова твои вошли.
Чтоб умиление, умиротворенье
Мой грешный дух очистить помогли!
Ты жаждущих поишь в краю пустынном,
Даришь надежду страждущим, невинным,
И мне свою десницу протяни
И, в облике представиши триедином,
Навек меня с собой соедини.
Аминь.

ГЛАВА 25

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

В печальных строках предыдущих глав
Свои не все назвал я прегрешенья,
В чей плен давно душа моя попав
Претерпевает тяжкие мученья,
Я изменил лишь форму изложения,
Оплакивать себя не перестав.

2

Всё то, что я терплю, о чем скорблю,
Недоброе напоминает море.
Моя душа, подобно кораблю,
Трещит и гибнет, со стихией споря.
Плывет корабль под ураганом злым,
Его несут валы, и нет им края.
И, как сказал пророк Исая,
Не так ли погибал Иерусалим,
Когда врагов когорты, наступая,
Разрушив город, овладели им?
Несчастливая душа моя в смятеньи.
И с кораблем уместно ей сравненье.
Пока я тихо плыл путем своим,
Не опасался горьких злоключений,
Трудился, чередуя сон и бденье,
И думал, что не будет путь иным.

Казалось мне: уже достиг я цели,
Но в ясный день вдруг волны налетели,
Бедя случилась с кораблем моим:
Переломились рукояти весел
И грозный вал его на скалы бросил.
Вот парусное рвется полотно,
Вот толстые канаты натянулись,
Борта водой морскою захлебнулись,
Они трещат с обшивкой заодно.
Вот мачты гнутся, вал смывает снасти.
И рвутся цепи якорей на части,
И судно гибели обречено.
Вода ломает клепки, чтобы с шумом
Во внутрь ворваться, и потечь
По трюмам,
И судно погрузить мое на дно!

Обломки корабля плывут, не тонут,
Подобно существам разумным, стонут.
Страшна им тоже эта маета,
И, корабельщик, я стою в смятеньи,
Гляжу, как гибнет всё мое владенье,
Но замыкаю я рукой уста,
Чтоб в час стихии этой беспокойной
Своею жалобою недостойной
Не осквернить молитвы и поста.
А тот, по чьей неизъяснимой воле
Всё совершается в земной юдоли,
За погибающим добром моим
Следит и вместе с воинством своим —
Стоит и плачет от великой боли:

Недаром нам в пример, жалея всех,
Он слезы лил над Лазарем любимым,
И над сметенным Иерусалимом,
И над Иудой, совершившим грех.
Тот город, и могучий и богатый,
Тот ученик, предатель тот проклятый,
Сравнимы с одиноким кораблем,
Среди стихии дикой поврежденным.
А Лазарь, мертвый, но непогребенный,
Достигнув дна в мучении своем,
Надежды не утратил и потом
Из гроба вышел, богом воскрешенный.

3

Сравню мое с ковчегом естество,
Увижу ль вновь его неповрежденным?
Увижу ль судно духа моего
После грозы и бури обновленным?
Ужель приду я к господу прощенным?
Не быть ужели сердцу омраченным,
И храму моему неразоренным,
Отеческому дому несожженным?
Там не осталось ныне никого.

Ужель, рабу, мне быть освобожденным,
Быть неотверженным, несокрушенным.
Непомнящим плохого ничего?
Ужель, о господи, мне быть прощенным
По воле милосердия твоего?

Ужели я смогу мольбу вознесть,
И ты, о боже, примешь покаянье?
Ужели я услышу не рыданье,
А посланную мне благую весть?
Ужель душа моя, какая есть,
Возрадуется, позабыв страданье?

Ужель разбитый многожды сосуд
Вновь невредимым станет, как сначала,
И перечень долгов моих порвут,
Чтобы моя душа возликовала?
Ужели дни тоски моей пройдут,
Настанут дни благого очищенья
И высохшие от поста и бденья
Все мышцы тела силу обретут?

О господи, пристыженный тобой,
Кричу я, как кричал во время оно
Китом проглоченный пророк Иона:
«Ужель я вновь увижу храм святой?»
Ужель во мгле я различу впервые
Земли обетованной берега,
Ужель почую капли дождевые
И оживут моей души луга?

Ужель я, многогрешный, наконец
Прощен тобою и собой принижен,
Не без толку разбредшихся овец,
А паству, верную тебе, увижу?

Передо мною было столько бед,
 Что я не мог пройти сквозь их тенета.
 Но, господи, хотя б на склоне лет
 Пусть милосердья твоего ворота
 Раскроются и состраданья свет
 Меня спасет от тягостного гнета!
 И пусть твои лучи распространятся
 На всё, что было пагубным вчера,
 И капли благодати просочатся
 Из твоего пронзенного ребра.

Пусть все дела благие совершатся,
 И древо сладостных твоих даров
 Пусть зацветет в тени земных садов,
 И мы услышим прерванный твой зов;
 Издалека он будет приближаться.
 И вместе с очищеньем от грехов
 Надежда и блаженство в нас вселятся.
 Всё, что виденьем будет, хоть мгновением,
 Останется в душе моей нетленным —
 Благим явленьем троицы святой.
 И с именем твоим неизреченным
 Я многотрудный путь окончу свой!

Увенчанный великим милосердьем,
 Господствующий в высях неземных,
 Ты властвуешь и над земною твердью,
 Оберегая всех рабов своих;
 Так дай мне силу, чтоб я мог с усердьем
 Тебе служить, покамест я в живых.
 Аминь.

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Не отвергай, господь, моих молений,
Избавь меня от всех грехов былых,
От нынешних и будущих сомнений.
Творец всего живого, всех живых,
Лишь ты один — безмерное величие,
Ты зришь и сходство наше и различье,
Всесильный совершитель дел благих.

2

Мне видятся в пределах отдаленных
Картины, непостижные уму.
Я вижу утро всех надежд свершенных.
А для таких, как я, приговоренных,
Для обреченных, вижу ночи тьму.

Мне, грешному, когда меня осудят,
Убежищем ничто уже не будет:
Ни летний зной, ни вьюга, ни мороз,
Ни впадины, ни пропасти бездонные,
Ни поле, ни ложбина, ни утес,
Ни русла рек, ни скалы расщепленные.
Ни погребя, ни ямы потаенные,
Ни келии, от мира отдаленные,

Ни горы, меж собой соединенные,
Ни волны моря, бурею взметенные,
Ни голос плача, ни потоки слез,
Ни длани рук, в моленьи вознесенные.

3

Вот, господи, мой жребий неминучий.
Но все, как есть, мы под твоей рукой,
И можешь только ты, никто другой,
Вмиг изменить мою презлую участь.
Так возврати моей душе покой,
Чтоб мне и жить и умереть, не мучась.

Взгляни, о боже, сколько бед кругом.
И пусть согреет нас твоя забота.
Переруби мечом — святым крестом —
Стянувшие всего меня тенета.
Стань, боже, мне целителем благим.
Меня, идущего путем кривым,
Обереги от пропастей опасных,
Избавь меня от казней ежечасных.
Рассей в меня проникший смрадный дым —
Подобие грехов моих ужасных.
Оборони от неких сил злосчастных,
Что завладели естеством моим.

Носитель зла, бесчестия носитель,
Я много грешен пред тобой, спаситель.
Настанет срок — и буду я судим.
Пусть, обреченному, мне будет худо,

Но всё-таки сверши благое чудо,
Подав надежду грешникам другим.
Избавь от зла путем, тебе угодным,
Меня, который создан земнородным
И озарен сиянием благим.
Прими меня в свое святое лоно,
Преобрази, чтоб я хоть отдаленно
Стал, господи, подобием твоим.
Лишь ты священен в образе едином,
Отец небесный совокупно с сыном
И с духом со святым.
Аминь.

ГЛАВА 46

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Я хмурый человек, суровый нравом,
Судим твоим судом, я буду правым.
Покуда же я сам себя сужу,
Я схож с презренным пастухом наемным,
За стадом всех грехов моих огромным,
Как свинопас, понуро я хожу.
Иль я другому пастырю подобен,
Своих пасу я козлиц много лет,
Не понимая, по чьему подобью
И чьею волей я рожден на свет.

На пару сильных сопряженных ног,
Как ангелы, поставлены мы с вами,
И каждый, чтобы из-под неба мог
Великий оглядеть земной чертог,
Был одарен широкими крылами.

Зачем же, о глупец, столь скудно мысля,
Ты опустился до земли, во прах?
Забываясь только о земных делах,
Зачем к онаграм сам себя причислил?

Ты, как светильник многоответвленный,
Увенчан головою, человек,
Затем, чтобы из праха сотворенный
Свой образец не забывал вовек.

И одарен ты разумом могучим,
Чтоб мыслил ты и внятным языком
В мольбе своей напоминал о том,
Кто даровал тебе благополучье.

Две сильные руки тебе он дал,
Чтоб ты трудился, не прося подмоги.
И, назидая, людям бог сказал:
«Сыны всевышнего, вы сами — боги!»

В тебе есть триста шестьдесят суставов,
Есть пять различных чувств — чтоб осязать,
Вкус различать, чтоб слышать, обонять,
Чтоб видеть мир создателю во славу.

Из членов всех, что господом даны,
Одни тверды и мягки остальные.
Те слишком грубы, прочие нежны.
Есть важные, хоть, может, и срамные,
Но, дар господен, все они нужны.

И если все исчислим мы и сложим,
Увидим: органов и чувств твоих
Как дней в году, что доказать нам может
Необходимость каждого из них.

3

И есть еще сустав — союз любви,
Единство церкви даровавший миру.
И малых и великих назови,
Кто носит рубище и кто порфиру,
Здесь равны все под сению Христа,
Тверда их нераздельность и чиста,
Хоть, может, те — всевластны, эти — сиры.

Когда отъять от плоти член любой,
Разрушится премудрое строенье
И станет безобразен облик твой,
Утратив совершенство единенья.

И хоть твой дальний предок преступил
Запреты рая божьего, но всё же
Ты, грешник, по крещеньи сохранил
И образ божий и подобье божье.

Так объясни, какой корысти ради,
Под действием каких недобрых сил
Ты божьей славы сам себя лишил,
Как предок твой в небесном вертограде?

Зачем молений жарких не вознес
И двери в рай замкнул перед собою?
Зачем однажды скверну горьких слез
Ты сам смешал с прозрачною водою?

Зачем ты чистых риз своих покров
Запахкал скверною греха былого
И скинутый хитон своих грехов
Распутством на себя напялил снова?

Зачем ты чистоту омытых ног
Испачкал грязью на пути коварства?
Зачем себя в преддверьи божья царства
От клятвопреступленья не сберег?

Зачем, свернув с тропы благого дела,
Как птица в сети, угодил в беду?
Зачем попался бесу на уду
Ты, причастившийся Христова тела?
И всё же на него лишь уповай,
Ты, с ног до головы покрытый скверной,
Молись, несчастный, кайся, умоляй.
Лишь он один благий и милосердный!
Аминь.

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Как ядовитый плод на древе ада,
Или враждебной ставшая родня,
Иль сыновья, предавшие меня,
Грехи меня терзают без пощады,
Всё неотступнее день ото дня.

2

Я сердцем хмур, устами злоречив.
Мой слух неверен, взор мой похотлив.
Моя рука готова смерть нести,
Моя нога сбивается с пути.
Мой смраден вздох, походка не тверда,
Я не оставлю по себе следа.
И воля к благу у меня шатка,
Зло крепко, добродетель не крепка.
Божественный завет я позабыл,
Указанный запрет я преступил.
Я — дичь, не избежавшая стрелы,
Бежавший раб, упавший со скалы,
Я — узник, чей конец наступит вскоре,
Морской разбойник, что утонет в море.
Я — робкий ратник, я — свидетель лживый,
Нестойкий латник, пахарь нерадивый,

Священник, презирающий амвон,
Законник, попирающий закон,
Звонарь церковный, невпопад звонящий.
Я — проповедник, смутно говорящий,
Я — взгляд, который неприятен людям,
Ужасен ликом я и сердцем скуден,
Я — прерванная трапеза хмельная,
Я — праздник жалкий, красота смешная,
Я — сад, который высох и заглох,
Я — жнец, который жнет чертополох,
Сажающий крапиву садовод,
Мышам доставшийся пчелиный мед.
Я — близкими покинутый старик,
В грехе упорствующий еретик,
Болтун пустой, гордец скотоподобный,
Хвостун и лжец, скупец, мздоимец злобный.
Я — лень, я — надменность, я — коварность.
Бесстыдство, черная неблагодарность,
Великолепье, жалкое обличьем,
Ничтожество, надутое величьем,
Величье, что пред низостью склонилось,
Могущество, чья сила истошилась.
Я — управитель-плут, советчик ложный,
Торгаш бессовестный, друг ненадежный,
Сосед злословящий, богатый скряга,
Чьей смерти ждут наследники как блага.
Бесчестный казначей, служитель-бражник,
Глашатай лживый, нерадивый стражник,
Я — нищий, жалкий, но высокомерный,
Правитель алчный, царь жестокосердный.
Я — вестник, с доброй вестью опоздавший,
Посредник, поводом раздора ставший.

Я — царь-изгнанник, царь, лишенный трона,
И царь-тиран, не знающий закона.
Я — воин, побежденный и несчастный.
Я — самовластный князь, судья пристрастный.
Я — полководец, робкий и бесславный,
Слуга лукавый, раб самоуправный.
Я — песня, сочинителя позор,
Для обвинителя я — приговор.

Когда-то раньше не творил я зла,
Мне отовсюду вслед неслась хвала.
Но всё прошло, мой мир перевернулся,
И ныне я — носитель многих зол.
К одним пришел я, ибо обманулся,
Другие я по слабости обрел.

3

Изо всего, что ныне перечислил,
Всего, чем ныне утрудил тебя,
Что тягостней тебе и ненавистней,
Каким грехом я погубил себя?

Что совершить и как тебя восславить
Рабу, который скорбию томим?
Как от грехов своих себя избавить,
Представ перед величием твоим?
Сколь, боже, велико твое терпенье,
И долго ль будешь ты меня прощать,

И долго ль будешь, господи, молчать,
Мои земные видя прегрешенья?

Тебе совсем мою презреть бы речь,
Тебе б не слушать слов моих ничтожных.
Не для меня ль карающий твой меч?
Я заслужил, чтобы меня обречь
На казнь, что ждет преступников безбожных.

Но ты меня, бредущего во мгле,
И прочих, мне подобных, на земле
Врачуешь добрым светом милосердия,
Чтоб душам нашим обрести бессмертье
Там, где мерцает неземная синь.
Нас, грешных, не по нашему усердию
Ты одаряешь, господи.
Аминь.

ГЛАВА 60

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Могу ли я, рыдая безутешно,
Читать псалмы, где правда столь светла?
Я, знающий: противна похвала,
Которая из уст исходит грешных.

Могу ль псалмы святые повторять я,
Несущие мне, грешнику, проклятья?
Могу ли я угрозу воспевать
И сам к себе укоры обращать,
И не лилеи, что мечтал срывать я,
А тернии с груди моей срывать?

Я не осмелюсь повторить гневливых
Слов псалтыря, страшась их правоты:
«Ты сокрушаешь зубы нечестивых!»,
«Врагов закона ненавидишь ты!»

Могу ли я, порочный и беспечный,
Грешней любого грешника вдвойне,
Сказать: «Суди меня по правде вечной,
По непорочности моей во мне!»?

Могу ль, сказавший столько слов прелживых,
Слова псалма прочесть от всей души:
«Да прекратится злоба нечестивых»,
Иль: «Мышцу нечестивца сокруши!»?

Скажу ли: «Вырвет бог, не пощадив,
Язык, что лжив или велеречив»,
Когда я сам в словах не знаю меру,
Скажу ли: «Бог прольет огонь и серу
На нечестивцев, что порочат веру»,
Когда я грешен сам и нечестив?

Скажу ль: «От помыслов моих — ты видел —
Ни словом отступить я не посмел,

От тех, кто гнал меня, кто ненавидел,
Хранил себя, как ты мне повелед!»?

Сколь буду я в словах своих неточен,
Сказав: «Я был пред богом непорочен,
И за безгрешность мне господь воздал!»
Я сам себя за ложь бы осмеял,
Сказав «Безвинный, руки я омою»,
Как я свою вину и грех свой скрою?
Каким бы жалким богу я предстал,
Когда б считал, что был для всех примером.
Что не служил вовек я маловедам
И что престолы грешных обличал?

Как это я, который проклят сам,
Могу к кому-то обратить проклятья?
Как, указав перстом, могу сказать я:
«Им, господи, воздай по их делам!»

2

Всё то, что перечислил я сейчас, —
Моих грехов лишь небольшая доля,
И гнева божеского грозный глас
В строках псалмов звучит который раз.
Когда своим слезам я дал бы волю,
То их потоки хлынули б из глаз.

Псалом сорок девятый псалтыря
Ко мне свой обращает голос грозный,

Как будто со стены монастыря
В меня бросает камень смертоносный.

Он, о моих злокознях говоря,
Последнюю надежду отнимает
И жалкие уста мне замыкает,
Чтоб, грешный, я не славословил зря.

Для нас беда — проклятие чужое,
Но клясть себя самих страшнее вдвое.
Скорбим, когда хулит нас враг иль друг,
Но ожидание от всеблагого
Хулы и осуждающего слова —
Претерпевание кровавых мук.

Но если ты, терзаемый страстями,
Осудишь сам себя и укоришь,
Ты со своими прошлыми грехами,
Благословенный божьими устами,
К нему при жизни путь свой обратишь
И горькопокаянными словами
Свое ты обращение озаришь.

Уместно вспомнить, как давным-давно
Недужная овца на божьем поле,
Чтоб исцелиться, обращалась к соли.
Сим тварям большего и не дано.

Людей же, ум и речь нам даровав,
Бог отличил; так что ж в грехе упорном
Находим мы на поле животворном
Лишь смертоносную из многих трав?

Я придаю значение словам,
 Я вижу в них пример, меня корящий,
 Зло умышляющий, порой я сам
 Ищу огонь, меня испепеляющий.

Как ни молился б я, как бы ни славил
 Слова святые, прок не столь велик,
 Пока я в них душою не проник,
 Как говорил о том апостол Павел.

Вслед за псалмом мне речь не подобает:
 «Изыдите все те, кто осквернен,
 Все те, кто беззаконье совершает!»
 Ведь я и сам из тех, кто нарушает
 И заповеди, и святой закон!

Могу ль сказать я вместе со святыми:
 «И раб храним законами твоими»?
 Нет, вместе с праведными повторять
 Мне пастырское слово не годится,
 Негоже господу благословлять
 Мне вместе с теми, кто его боится.

Я, многогрешный, тяжело согрешу,
 Мольбу Давида повторив сегодня:
 «Лишь одного у господина прошу,
 Чтобы и мне быть в скинии господней!»
 Я — грешник, и такое тяжело
 Произнести устами святотатца:

«Создатель против делающих зло!»,
«Свершающие зло, да истребятся!»
Но, нечестивец, я свершаю зло,
И на меня проклятья обратятся.

Я гибели своей могу ль желать,
Твердя: «Пусть гибнут те, что нечестивы!»
Язык мой недостойн, злоречивый,
Псалом благословенный повторять
И речь: «Я путь свой буду наблюдать,
Чтоб языком моим не согрешать!»
Могу ли похваляться я, хвастливый:
«Меня, о господи чадолюбивый,
Ты должен в непорочности приять!»

Как я скажу, неправедный и лживый:
«Неправедных и лживых осуди!»
Как я скажу: «Избавь и огради
От всех лукавых и несправедливых?»

4

В своем тщеславьи, в суетном бессильи,
Как за Давидом повторю я вдруг:
«Мы бога своего не позабыли,
К чужому богу не простерли рук?»

Я понимаю: тьмой и тьмой грехов,
Что я творю или творил когда-то,
Я рукотворных создавал богов —
Астарту ли, Милхома, Тарахата —

В обличы богомерзком — то ослов,
То женщин, коим ничего не свято.

Как может повторить мой грешный глас
С безгрешными, что стоны исторгают:
«Мы за тебя страдаем каждый час!
Нас, что ни день, за веру умерщвляют!»

Могу ли я, забыв и грех и блуд,
Сказать псалом себе же в назиданье:
«Уста мои премудрость изрекут,
Я, размышляя, обрету познания!»

Как мне постичь, опутанному ложью.
Суть повторенных дважды слов святых:
«Я, праведник, ходил пред ликом божьим,
Я жил безгрешно на земле живых!»?

Нет, грешный мой язык сказать не может
Тех строк священных, что страшат меня:
«Как тает воск от яркого огня,
Пусть грешники от рук погибнут божьих!»

Как я скажу, грешивший в жизни этой:
«Я душу изнурил свою постом!».
«Ходил и я, во вретисе одетый,
С главой поникшей, сумрачный челом?»

И, будь безгрешен, я бы укоренье
Иакову, быть может, обратил,
Но истину я принял вместо тени
И все его ошибки повторил.

Забыл я, что Христос рукой своей
Благих чудес нам, грешным, во спасенье
Свершил не менее, чем Моисей, —
Он был предвестьем божья воплощенья.

Тьма черных бесов не дает мне жить,
Как варварское племя, копошится.
Теперь я знаю, если говорится,
Что трупы отдаются хищным птицам,
Не птицам — бесам надо б говорить.

Я волю слил со злом, по воле злой
Могу ль я речь свою назвать святой,
Как семя, что упало при дороге?

Могу ли я роптать на бесов злых,
Замысливших против твоих святых,
Коль сам тех бесов лучше я немногим?

5

О боже, чтоб противились мы им,
Дай силы нам, даруй нам озаренье,
И окружи нас воинством своим,
И нас оборони крестом святым
От сатанинских ветров искушенья.

Пусть глубоко мое грехопадение,
И всё же я ни въяве, ни во сне
Не богохульствовал в своих реченьях,

И в гибели людей, подобных мне,
Ты вряд ли обретешь успокоенье.

Ты, боже, от того ли не страдал,
Что умерщвил неверных столь жестоко
И что потоп на землю насылал,
Хоть и в искоренение порока?

Ты всё же даровал нам благодать,
Сказав, чтоб мы запомнили вовеки:
«Я более не стану проклинать
Всю землю за изъяны в человеке!»
Ты, господи, прощаешь даже тех,
Кто за свои преступные деянья,
За совершенный самый тяжкий грех
Тягчайшего достоин наказанья.

И льется дождь, твоей послушен длани,
Ты исцеляешь тем дождем своим
Отступника, хоть он неисцелим,
Его спасенью радуясь заране.

Ты и меня, о господи, любя,
Вспой живой росой милосердно,
Чтоб, от грехов очистясь, я усердно
Мог славить триединого тебя!
Аминь.

Григор Магистрос Пахлавуни

Григор Магистрос Пахлавуни родился в 990 году. Ученый, философ и поэт. Основные труды посвящены философским и религиозно-дидактическим проблемам. Перевел на армянский язык сочинения Платона, Сократа и Эвклида. Основал в Армении (в Бжни и Тароне) академии. После падения Ани, столицы средневековой Армении, переселился в Месопотамию, где и жил до конца своих дней. Умер в 1058 году.

Писал Григор Магистрос сложным, зачастую непонятным языком.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения Григора Магистроса..., Константинополь, 1746; Письма Григора Магистроса, Александрополь, 1910. На русском языке: Армянская классическая лирика, том I, Ереван, 1977.

ПРИЗЫВ К БОЮ

(Послание к неизвестному)

В наш край, слышали мы, чудовище пришло
И алчет крови.

То птица тьмы ночной — сова,
Пес хищный, сединою убеленный,
Носитель всех пороков, евнухов глава,
Позорный мастер дел ночных,
Прислужник Мономаха,
Подагрика слуга и приближенный,
И разоритель, делающий зло,
Грабитель, славный низостью своею.

Так встань, надень броню, иди на бой.
Кто некогда любил единоборство,
Шел биться безоружным,
Ныне слонов гигантских в бой повел;
Лесной медведь готов с тобой сразиться.
Лук натяни широкий,
Отцовский лук,
И заостри трехкрылую стрелу,
И в бой иди.
И поспешай — то битва Айка с Белом,
И торопись, Арамов славный внук.

Идут халдеи,
Они вот-вот тебя настигнут.
Да укрепит тебя господь,
Хвала Иисусу.

Нерсес Шнорали

Нерсес Шнорали родился в 1102 году в Киликии в замке Цовк, области Мараш. Был одним из образованнейших людей своего времени. В 1126 году двадцатичетырехлетний Шнорали был посвящен в епископы, а в 1166 году — избран католикосом. Из многочисленных сочинений (политические, религиозные, педагогические труды, публицистические речи, письма, духовные песнопения, стихи и поэмы) особенно известны стихи на светские темы. Известны также стихотворные загадки Шнорали, написанные на основе фольклора. Определенное влияние на средневековую армянскую поэзию имела поэма Шнорали «Плач об Эдессе»; в средние века создавались подражания этой поэме.

Умер Нерсес Шнорали в 1173 году.

Сочинения: Стихотворения, Венеция, 1830 (на армянском языке). На русском языке: Армянская классическая лирика, т. I, Ереван, 1977.

НЕБО

Небо я, будучи раз навсегда сотворенным,
Неизреченно раскинулось сводом бездонным.

Отделены, как заметил еще Моисей,
Верхние воды от нижних стихией моей.

Соединило навечно пространство небесное
Оба начала: телесное и бестелесное.

Ибо, подобно стихии телесной, я зримо,
Как естество бестелесное — неощутимо.

Я покрываю собою четыре стихии,
Те, из которых возникли все твари живые.

Кроме всего, воплощаю я нечто такое,
Что различают не глазом, а только душою.

Я — полукругло, от прочих предметов отлично,
Хоть и в движеньи всегда, я всегда безгранично.

Сущему в мире — всему я конец и начало.
В пропастях я и на кручах — преград
не встречало.

Я неподвижным кажусь — неподвижность
обманна
Вдаль я стремлюсь, лишь в движеньи своем
постоянно

Горы высокие, что вас страшат крутизною,
Скаты, глубокие пропасти — всё подо мною.

Не прерывая движения ни на мгновенье,
Небо, я вечно в своем бытии и движеньи.

СОЛНЦЕ ИСТИНЫ

Солнце истины пламень любви запалило,
Лед неверия, камень греха растопило.
И ростки показались на древе сознанья,
Исторгая пьянящее благоуханье.

И на грешной земле зацвели, зашумели
Дерева, что в раю красовались доселе.
И доселе мерцавшие в небе светила
Провиденье на грешную землю спустило.

Призывает спаситель на пир свой небесный
Верных воинов рати своей бестелесной,
Но и смертные мученики и провидцы
К бестелесному сонму должны приобщиться.

Укрепили их дух, укротили сомненье
Муки господа, чудо его воскрешенья.

И явились на пир вереницы гостей
В одеяньях, окрашенных кровью своей.
Обессмертил великий господь естество
Смертных латников воинства своего.

Григор Тха

Григор Тха родился предположительно в 1133 году. Он — поэт Киликийской Армении (Киликийское княжество, позднее царство, возникло в конце XI века, пало в 1375 году, по другим сведениям — в 1424 году). Григор Тха — племянник (сын брата) Нерсеса Шнорали. С 1173 года и до конца своих дней был католикосом. Умер в 1193 году. До недавнего времени многие его произведения оставались в рукописях. Асатур Мнацаканян издал со своим обстоятельным вступительным исследованием древнеармянские тексты поэта: Григор Тха, Стихотворения и поэмы, Ереван, 1972; на русском языке: Армянская классическая лирика, т. I, Ереван, 1977.

СТИХОТВОРЕНИЕ ПОЛЕЗНОЕ И ЧУДЕСНОЕ

Знания есть у меня, но они скудеют,
Есть почтенье к добру, но оно слабеет.

Есть душа у меня, но теряет силы,
Есть и разума свет, но горит уныло.

Есть и пламень любви, но, как лед, спокоен,
Есть и ветра напев, но спаленный зноем.

Жар молитвы в душе, но и холод рядом.
Я ростки не взрастил, их побилло градом.

Скорбь, что мне суждена, я отвергнул, боже,
Радость, что суждена, я отвергнул тоже.

Потерял я пять чувств, а когда — не помню.
Побужденье к добру от тебя дано мне.

Но ему я не внял, не услышал зова,
Я вслепую блуждал, как лишенный крова.

Я служил суете, будто быть ей вечно,
Завязал я глаза, чтоб грешить беспечно.

Впал в греховные сны, полюбил прельщенья. . .
Пробуждения час — грозный час отмщенья!

Ужас бездны пойму — кану в мрак тяжелый,
Свет надежды не мерк, но к нему не шел я.

Восхваляя я грехи, долгий счет их полнил. . .
Возвестивший добро, свой завет исполнил.

И меня он учил верить светлым силам,
Ченавидеть грехи — и меня учил он!

Коль простишь должнику — и твой долг
Нас простит Иисус, если мы простили. скостили,

Ованес Ерзнкаци Плуз

Ованес Ерзнкаци (Плуз — псевдоним поэта) родился около 1230 года в г. Ерзнка. Ерзнкаци Плуз — автор работ по философии, космографии, грамматике. Известен другой Ованес Ерзнкаци — Тцорцореци, младший современник Плуза. Двух этих авторов в недавнем прошлом ошибочно принимали за одно лицо. Ов. Ерзнкаци Плуз был популярным общественным деятелем второй половины XIII века. Известно, например, что в 1280 году он составил каноны и предписания для ремесленников и торговцев. Подобная обязанность могла быть возложена на человека известного и почитаемого. О популярности Плуза говорят дошедшие до нас легенды о поэте, согласно которым его могила была местом паломничества.

Умер Ов. Ерзнкаци в 1293 году.

Сочинения: Арменуи Срапян, Ованес Ерзнкаци. Исследование и тексты, Ереван, 1958 (на армянском языке). На русском языке: Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

* * *

Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз
влечет судьба,
Верх падает, и вновь ему взнестись
настанет череда
Так плотник мастерит равно и колыбели
и гроба:
Приходит сей, уходит тот, а он работает
всегда.

* * *

Язык для речи служит нам, речь праведных —
что злата звон.
Бог людям дал один язык, язык у змия —
раздвоен.
И у кого два языка, один колюч, другой —
червлен,
Становится сродни змее, и всеми ненавидим он.

* * *

Подобен морю мир: сухим остаться, переплыв, —
нельзя
Как выплыл мой челнок в простор, того и
не заметил я,

Вот я почти у берегов, но страшно мне
 подводных скал,
Чтоб вдребезги мою ладью один удар
 не разломал.
Но господу я помолюсь — да ветер попутный
 он пошлет,
Осветит мглу и утлый челн в благую гавань
 приведет.

* * *

Я, все грехи свои собрав, оплакал зло
 прошедших лет.
Шел к небу караван, и я, сложив грехи,
 пошел вослед.
Но ангел мой, представ, сказал: «Куда идешь ты,
 дай ответ!
В раю для тех, кто предстает с подобным
 грузом, — места нет!»

* * *

О безрассудный человек, проснись, опомнись же
 скорей!
Ты душу вольную отверг и, низкий раб
 своих страстей,
Пируешь за столом греха, смешав часы ночей
 и дней,
Глотаешь всё, что б ни нашел, жир набирая
 для червей.

ОВАНЕС И АША

Что такое со мной случилось,
Что за тьма надо мной сгустилась?
Был я сталью, сталь искрошилась.
Был скалой, скала обвалилась.

Грудь колыша, стан изгибаю,
Шла красавица молодая.
Повстречала меня — обернулась,
Увидала меня — встrepенулась.

Я с субботы на воскресенье
Шел из верхнего храма в селенье,
Нес кадило с пахучим ладаном,
Ты меня ослепила негаданно.

Шел, шептал я псалом Давидов,
Задрожал я, тебя увидев.
Чуть заметно ты двинула бровью,
Я — осекся на полуслове.

Я увидел тебя — отвернулся,
Но ты бросила яблоко спелое.
Я рванулся к нему, нагнулся,
Поднял яблоко красно-белое.

Я живу по Христову завету,
Мусульманин родитель твой.
Что же значит яблоко это,
Наземь брошенное тобой?

Ты сказала мне: «Семя гяура,
Не смотри на меня так хмуро!
Ничего, что отец твой священник,
Мой отец — мулла и кади.
Всё забудем мы во мгновенье,
Лишь прижмешь ты меня к груди».

Молит господа мать Ованеса —
Пусть изгонят из сына беса.
Жжет она восковые свечи,
Шепчет в церкви такие речи:

«Пойте, дьяконы, «Бог, помилуй!» —
Может, сын опомнится милый.
Возгласите, отцы, «Аллилуйю» —
Жизнь спасите его молодую!
Он не знает божьего страха,
Повторяет лишь имя аллаха,
В прегрешеньях своих не кается.
«Нет спасенья мне!» — убивается!

Отступись, мой сыночек, сдайся,
Повинись, помолись, покайся!
Проповедник во храме божьем
Грех клянет твой, простить не может!»

«Мать моя, я, твой сын и наследник,
Говорю, что не прав проповедник.
Если раз на Ашу он глянет —
Сам, как я, он безумным станет».

«Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!

Слышишь, мать твоя плачет, старуха.
Неужель твое сердце глухо?»

«Мать моя, я твой раб до могилы,
Ты вскормила меня, вырастила,
Но не жди, чтоб я отступился,
От любви мой ум помутился!»

«Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Для тебя, любимого сына,
Присмотрю я дочь армянина.
Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Для тебя невеста найдется,
Что над верой твоей не смеется!»

«Примиришь ты, о мать дорогая,
Не гневись ты, меня ругая.
Тонок стан у Аши невинной,
Звонок голос ее соловьиный».

.. А Аша пред отцом стояла,
Слезы горькие утирала.
Бил ее и корил кади:
С армянином, мол, не ходи!

.. Ованес нашел ее вскоре.
«Ты, Аша, облегчи мое горе!
Я, стеная, в горах блуждаю,
Как свеча восковая таю».

Говорит Аша:

«Всё на свете
Я отдам, но чтоб быть с тобой.
Ты три раза вокруг мечети,
Взяв кольцо, обойди с муллой.
Примешь веру моих собратьев,
Станешь ханом в моих объятьях!»

«Нет, Аша, хоть в твоей я власти,
Нам не будет с тобою счастья.
Я, исполнив твое пожеланье,
Обреку и тебя на страданье!
Лучше ты от своих законов
Отступишь, Аша, а потом
Восемь выучи наших канонов
И псалмы в писаньи святом —
То, что, грешный, я сам позабыл
В час, когда тебя полюбил!»

«Ростом малый, умом великий,
Будь моим, Ованес, владыкой.
Поведи меня, молодую,
В день пресветлый в церковь святую!
Я, твоей подчинившись вере,
Не разувшись, открою двери,
И священник во храме божьем
Пусть венец на меня возложит!»

Костандин Ерзнкаци

Костандин Ерзнкаци родился около 1250 года в г. Ерзика. Сохранилось свидетельство Ерзнкаци о том, что, когда ему было 15 лет, он учился в монастыре. Исследователи полагают, что, рано сложившись как поэт, Костандин Ерзнкаци ушел из монастыря и стал вести светскую жизнь. Судя по стихам поэта, жизнь у него была трудной: неразделенная любовь, враги, преследовавшие его. Известно, что уже в 80-х годах XIII века Костандин Ерзнкаци был признанным поэтом: на его смерть Мхитар Ерзнкаци написал плач, который, к сожалению, не датирован.

Умер Костандин Ерзнкаци в начале XIV века.

Сочинения: Костандин Ерзнкаци, Стихотворения, Научно-критический текст, исследование и комментарии Арменуи Срапян, Ереван, 1962 (на армянском языке). На русском языке: Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

ВЕСНА

Веселье вокруг нас и веселье вдали,
Нам ветры веселую песнь принесли.
Великая благодать господня — внемли! —
Сегодня исходит с небес до земли.

Лежала земля и мрачна и темна,
Покрытая льдами, тверда, холодна,
Про травы, про зелень забыла она,
И снова сегодня она зелена!

Зима была темным вертепом тюрьмы,
Но снова вернулась весна на холмы
И всех нас выводит на волю из тьмы!
Вновь солнце на небе увидели мы!

Земля, словно мать, велика добротой,
Рождает все вещи, одну за другой,
И кормит и поит, питает собой. . .
Вот вновь она блещет своей красотой.

Дохнул ветерком запевающим Юг,
Из мира исчезли все горести вдруг,
Нет места, где мог бы гнездиться недуг,
И всё переполнено счастьем вокруг.

Тихонько гремя над землей свысока,
Под сводом лазурным плывут облака —
И падает вдруг водяная река,
Луга затопив, широка, глубока.

Мир весело праздновать свадьбу готов:
Веселье во всем для плодовых деревьев,
Цветами всех красок и разных родов
Раскрашены дали полей и лугов.

На море влюбленном — опененный вал,
И гад между волн, веселясь, заплясал;
Ключи, зазвенев, побежали из скал,
И быстрый поток по камням засверкал.

А реки, сбегая с возвышенных гор,
Гудят как могучий, торжественный хор;
Прорезав долины цветущий ковер,
Стремятся в морской, им любезный простор.

Спускаются телки и козы к ручьям,
Играют и скачут по свежим цветам;
И звери, что крылись зимой по лесам,
Сбегаются, рады свободным полям.

Слетаются птицы, поют над гнездом:
Вот ласточка нежно щебечет псалом,
Вот — луга певец, улетевший тайком,
Приветствует день в далеке голубом.

Зверям и скотам так приятно играть,
И множиться в мире, и мир наполнять;

Сзывает птенцов легкокрылая мать,
Их учит на крыльях некрепких летать.

И также цветы образуют гряду
В больших цветниках и в плодовом саду;
Другие вошли покачаться в пруду,
И облик их бледный похож на звезду.

Но вот наконец прилетел соловей,
Чтоб петь возрождение в песне своей;
Он строит шатер из зеленых ветвей,
Чтоб алая роза зажглась поскорей!

ПЕСНЯ ЧИСТОЙ ЛЮБВИ

Будь благословен твой лик сияющий,
Жизнь мою от счастья отдаляющий.
Ты — весенний ветер, я — миндаль.
Дует ветер твой не для меня ль?

Из того, к чему я здесь привык,
С чем сравню твой несравненный лик?
Ты — звезда, что светит моему
Сердцу, погруженному во тьму!

Ты идешь — прислужники вокруг.
Мне бы тоже стать одним из слуг.
Я готов служить, лишь призови,
Знак подай мне, пленнику любви.

Если б только чудо совершилось,
Если б я твою увидел милость,

Я бы распластался, жалкий раб,
Чтоб меня ты попирать могла б.

Говорят, любовь к тебе — темница,
Где немало юношей томится,
Где находят всё же добрый знак
Люди, погруженные во мрак.

Тот, кого не сжег твой взор небесный,
Для тебя что камень бессловесный.
Кто тобой пленен — тот человек.
Страшен плен, но кто его избег?

Ты — цветок, чьи лепестки горят.
Я вдали вдыхаю аромат.
Но шипы между тобой и мной:
Не сорвать мне розы неземной.

Я прошу, царица, об одном —
О свободе быть твоим рабом.
Говорю: возьми к себе в рабы.
Для меня счастливей нет судьбы.

Костандин — я раб смиренный твой.
Взгляд ловлю я несравненный твой.
Что же по примеру всех владык
От раба ты отверщаешь лик?

ИНЫЕ ЗЛОСЛОВЯТ ОБО МНЕ

Иные злословят обо мне из зависти: мол, каким образом я могу говорить такие слова, когда я не учился у мастера; но одно дело учиться, другое дело — дар духа. Я расскажу вам об одном удивительном видении, которое приснилось мне, когда я пятнадцатилетним юношей находился в монастыре и когда я увидел человека в солнечном одеянии, источающего свет.

Иные зависти полны и злого мне хотят
За то, что я пишу стихи, а в них — родник услад.
Твердят: «Как это он речам дает столь
нежный лад,
Что между нас ему никто не равен, не собрат?»

У них рассудок омрачен и слеп духовный взгляд,
Они не ведают, отколь мой дар во мне зачат.
Я только глиняный сосуд, а в нем бесценный клад
От бога вещею душой, как манна, восприят.

Кто посягнет на этот клад как дерзкий супостат,
Тот против бога восстает, пред богом виноват;
А кто захочет мне внимать и вникнуть будет рад —
Тому поведаю про то, как дух мой стал богат.

В монастыре, в пятнадцать лет, еще годами
млад,
Я был однажды в ночь, во сне, виденьем чудным
взят:

Пресветлый юноша сидел, как царь, среди палат;
Как солнце был прекрасен он, и свет — его наряд.

Пред дивной славою его я страхом был объят,
Не мог спросить: «Господь, кто ты?» — уста
не говорят.
Я пал пред ним, едва успев к нему возвысить
взгляд,
И, лежа ниц, спросил его, до трех спросил я крат.

Я молвил: «Грешен я, ты, царь, прости меня,
ты свят».
Я молвил: «Болен духом я, — уста твои целят».
Я молвил: «Беден я, язык безмолвием заклят,
Дай мне от дара твоего, насыть духовный глад».

Он сердцем милостивым внял все три мольбы
подряд,
Сошел с престола, подошел, ступил одной из пят,
Попрал меня, прошел по мне и повернул назад.
Я встал, ликуя, награжден сладчайшей из наград.

Я молвил: «Я узрел тебя, я был у райских врат,
И если грешника лучи святые осенят —
Я позабуду эту жизнь, где суета и смрад,
За то, что принял ты меня, последнее из чад».

И голос прозвучал в ответ, как сладостный раскат:
«Иди». И вздрогнул я, и сон раздрался, словно
плат.
Я встал и, препоясав стан, творил молитв обряд,
Проя, чтобы святого сна мне был сужден возврат.

И много дней, молясь в слезах, я ждал, что
буду внят,
Что снова светлые лучи мне очи озарят;
И ночью я не мог уснуть, и днем не знал отрад;
Никто не ведал, что за сны безумного томят.

Но то, что значил этот сон, мне было невдогад,
Его не понял я, затем что был летами млад;
И только позже, став мудрей и знаньями богат,
Постиг я таинства его и что они гласят.

И вдруг я начал говорить, я стал витиеват;
И самого меня дивил речей искусный склад;
Меня надежда и любовь влекли в их дивный сад,
И я в обмен на душу их свою вручил в заклад.

Как манна с горной высоты, слова во мне лежат,
Затем что видел я его сидящим средь палат;
И с той поры, как этот дар моей душой прият,
Мой дух и плоть моя во всем закон его творят.

Мой дух ликует, перед ним отныне нет преград,
Я пью без губ того вина сладчайший аромат;
Я этой страстью опьянен, мечты к нему летят,
И мне не надобно людей, не страшен злобный брат.

Я в этом мире — как глупец, мечты — мой
сладкий яд;
Иной толкует — он мудрец, иной — он
бесноват.

Иные злятся на меня, и зубы их скрипят,
А есть такие — и пускай, — что точат свой
булат.

**СЛОВО НА ЧАС ПЕЧАЛИ,
НАПИСАННОЕ О БРАТЬЯХ,
ОБИДЕВШИХ МЕНЯ**

О, доколь, сердцем скорбя, тяжко вздыхать
наедине
И всегда, день ото дня, грусть и печаль ведать
одне!
Незнаком душе покой, и не придет радость
ко мне,
Чтоб хоть миг вкусил я мир и отдохнуть мог
в тишине.

Как волна, бурно несусь, отдыха нет темной
волне,
Не доплыть до берегов, и нет пути к тихой стране.
Нет друзей, любимой нет, опоры нет внутри и вне.
Кто поймет, сколько скорбей в каждом моем
прожитом дне!

Для меня близкого нет среди чужих и в моей
родне,
Кто бы мог меня обнять и пожалеть мог обо мне.
Тот, кто был дорог душе, прочь отошел, стал
в стороне.
Как винить мысли чужих, если нам боль несут
оне?

Где найду мудрый совет, совет любви, ценный
вдвойне, —
Почему весь мир со мной в злобной вражде,
как на войне?

Тот, кому, дух мой раскрыв, я всё дарю, что в нем
на дне,
Тот всегда, как лицемер, ласков со мной только
извне.

О, доколь, сердце мое, будешь пылать в знойном
огне
И терпеть лживую жизнь у ней в плену, как
в западне!
Пробудись, забудь мечты; эти мечты снятся
во сне,
Соверши волю души, полно хмелеть в пьяном
вине.

Костандин, внемли совет, с правдой его чти
наравне:
От сует земных душу замкни в твердой броне.
Эта жизнь многих влекла, многие с ней слились
вполне;
Все они, словно свинец канув на дно, спят
в глубине.

Фрик

Биография неизвестна. Время жизни (XIII — начало XIV века) устанавливается по времени написания тех стихов, которые с достоверностью датируются концом XIII века. Полагают, что Фрик — псевдоним поэта.

Сочинения на армянском языке: Диван. Исследование, текст и комментарии Тирайра Мелик-Мушкамбаряна, Нью-Йорк, 1952. На русском языке: Армянская классическая лирика, т. I, Ереван, 1977.

ЖАЛОБЫ

Бог истинный, бог милосердный,
К тебе взываю, раб твой верный,
С тобой вступить дерзаю в спор
Я, твой слуга нелицемерный.

На сей земле, что многолюдна,
Твое любое дело чудно.
Но многие из дел твоих,
Немудрому, постичь мне трудно.

О господи, твои творенья —
Адам и Ева в райской сени
Вкушали мир, и был язык
Един до их грехопаденья.

Создатель, окажи мне милость:
Дай мне постичь, как получилось,
Что от единственной четы
Дванадцать племен родилось?

Теперь пестра юдоль земная,
И что ни местность — речь иная,
И все людские племена
Враждуют, устали не зная.

Свой сохранил язык библейский
Израильтянин иудейский,
Сберег сириец свой язык,
Свое наречье — курд халдейский.

Всем племенам язык подарен,
Но грека не поймет татарин,
Грек — славянина, гунна — перс,
Латинянина — внук Агари.

Татарина — далмат испанский,
Китайца — житель ханаанский,
Франк армянина не поймет,
Алана — тюрок самаркандский.

И, как наречья, вера тоже
У множества племен не схожа.
Иные племена не чтут
Креста святого, мать божью.

К святым словам их сердце глухо.
У них нет истинного слуха.
У них нет веры ни в отца,
Ни в сына, ни в святого духа.

Так почему ж на белом свете
Могучи нечестивцы эти?
Они святые церкви жгут,
Чтоб возводить свои мечети.

Те нехристи в великой силе,
Что христиан осиротили

И превратили жен во вдов
И столько бедствий натворили.

Вершится всё по божьей воле,
Но, боже, нам терпеть доколе?
Доколе будешь им прощать,
Не замечая нашей боли?

Ужель нашел ты оправданье
Тем, кто приносит нам страданья?
Доколе можем мы терпеть?
Мы — люди, а не иззянья.

Зачем, подобно травам сорным,
Людей, нас вырывают с корнем?
Зачем ломают, как тростник,
И жгут в неистовстве упорном?

Иль ввергли в гнев тебя армяне,
Как некогда израильтяне?
За это ль свой великий гнев
Нам обращаешь в наказанье?

К добру и праведности склонным,
Ты видишь сам, как нелегко нам.
Иль все погрязли мы в грехе,
Живя не по твоим законам?

Коль так, хоть я не всех мудрее,
Скажу: не будь ты к нам добрее
И многогрешный мой народ
С лица земли сотри скорее!

Нам жить иль гибнуть не иначе,
Чем так, как это ты назначишь.
По приговору твоему
И веселимся мы и плачем!

Не по твоей ли мудрой воле
Один живет сто лет и боле,
Другой является на свет
И вянет, как травинка в поле?

Скорбит отец, судьбой гонимый,
Был сын один — погиб любимый.
А у соседа десять душ —
И здоровы все, и невредимы.

Тот жив, хоть умереть мечтает,
Другому б жить — он умирает.
Старуха дряхлая живет,
Отроковица угасает.

Жизнь одному кошель раздула,
Другому лишь суму швырнула,
У одного — табун коней,
А у другого нет и мула.

Одним судьба дарит палаты,
Другим — на рукава заплаты.
Одним жалеет медяка,
Другим дарует горы злата.

Иным судьба дает поблажки.
Пути других бывают тяжки.

Один из нас одет в атлас,
Другой — в заплатанной рубашке.

Один в страданиях безутешен,
Плетется безоружный, пеший.
Другой гарцует на коне,
Оружьем дорогим обвешан.

И этот всадник с силой бычьей
Свой обнажает меч привычный.
Жену бедняги и детей
Берет как честную добычу.

Не ты ли разделил, владыка,
Весь мир на малых и великих,
Чтобы один в довольстве жил,
Другой чтоб вечно горе мыкал?

Кто в мире счастлив, кто беспечен?
Кто здесь удачею отмечен?
Хоть десять лет я проищу —
Счастливых я не многих встречу.

Кто ж те счастливы: царь на троне
Или священник на амвоне,
Придворный льстец, богач купец,
Писец, творящий беззаконье?

Беда и счастье — всё незряче,
Нас больно бьют, и горько плачет
Тот, у кого богатства нет,
Нет красноречья, нет удачи.

Несчастен муж, судьбой гонимый,
Не нужный никому, не чтимый,
Идет, терзаемый бедой,
И все-таки неколебимый.

Иной священник льстец бывалый, —
В день праздничный ему, пожалуй,
При целовании креста
Перепадает куш немалый.

Удел завидный у счастливца,
В почетный угол он садится,
И «Аллилуйя» не проймет
Нажравшегося нечестивца.

Богат неправедный священник,
А брат его и соплеменник
Пред ним сгорает, как свеча,
И унижается, как пленник.

Недобр священник к неимущим,
Им грех и малый не отпущен.
Он страждущего бедняка
Считает наказаньем сущим.

Того лишь встретит он с почтеньем,
Кто в силе, кто богат именем,
Пусть даже богачи — глупцы,
Он внемлет их пустым реченьям.

Создатель в этой жизни брэнной
Нас верой одарил священной.

Но блага все отмерил нам
Он мерою неравноценной.

Не всяк удачею отмечен,
Один угрюм, другой беспечен.
Не все красивы и умны
И обладают красноречьем.

Одним легко даются знания,
Другим способность созиданья,
Чтоб строить над рекой мосты,
И храмы, и другие зданья.

Иной хоть и творенье божье,
Но язвы у него на коже.
Иной, со скрюченной рукой,
И мула сам взнуздать не может.

Тот человек, как дьявол, злобен,
А этот ангелу подобен.
Он много добрых дел творит,
Приятен всем и всем угоден.

Прости меня, отец небесный,
Прости мой ропот, грех словесный, —
Чему на свете должно быть,
Лишь одному тебе известно.

Всему есть предопределение.
Мир — это божие творенье.
И всё, что суще в мире сем,
Шлет господу благословенье.

Хачатур Кечареци

Родился Хачатур Кечареци в 1260 году. Был настоятелем Кечарийского монастыря. Сведения о жизни Кечареци отрывочны. Его имя упоминается в рукописях 1299, 1314—1315 годов. Под рукописным документом 1295 года сохранилась собственноручная подпись Хачатура Кечареци.

Умер Хачатур Кечареци в первой половине XIV века, предположительная дата смерти — 1331 год.

Сочинения: М. Т. Авдалбекян, Хачатур Кечареци. Исследование и текст, Ереван, 1958 (на армянском языке). На русском языке: Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

ГОСПОДЬ СЛОВАМ МОИМ СВИДЕТЕЛЬ

Господь словам моим свидетель:
Всё в мире суета и ложь.
Лишь скорбь найдешь на этом свете,
А в гроб лишь саван унесешь.

В твоих усилиях мало толку,
Цена твоим стараньям — грош,
И это всё ты незадолго
Перед концом своим поймешь.

Всегда ликующий беспечно
Юнец на дерево похож,
Но расцветание не вечно,
Но листья пожелтеют сплошь.

Тебе зимою станет хуже,
Нагой, ты задрожешь от стужи.
Весна позор твой обнаружит,
Великий стыд перенесешь!

Я — тоже пленник заблужденья,
И мне много обвиненья
Не предъявляйте в осужденье:
Мне в сердце не вонзайте нож.

Мой взор померк, и нет спасенья,
Нет мне, больному, излеченья.
Я слышу смерти приближенье,
Она меня ввергает в дрожь.

Я, СМЕРТНЫЙ, СОТВОРЕН ИЗ ПРАХА

Я, смертный, сотворен из праха,
Из четырех стихий земных,
Во тьме я шел, дрожал от страха,
Слеза текла из глаз моих.

Кого-то пламенем сжигал я,
И сам терпел, сгорал дотла,
И зло кому-то причинял я,
Страдая от людского зла.

Мой дух был пламенем неложным,
Но канул я в глухую тьму,
Я знал почет, но стал ничтожным
По безрассудству моему.

Был родником с водой сладчайшей —
Грехом я сам себя мутил.
Блистал я, был звездой ярчайшей —
Свой свет я погасить спешил.

О Хачатур, дремать позорно,
Твой час последний предрешен
Жизнь — это снег на склоне горном,
Грядет весна — растает он.

Твой сон тебя страшит, кончаясь,
Влечет он в бездну, а не ввысь.
Заплачь, вздохни, промолви: «Каюсь!»
От сна греховного очнись.

ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ ПОДОБНА МОРЮ

Жизнь на земле была как море,
Мне выплыть было не дано.
Подобно морю, было горе,
Тянувшее меня на дно.

Любовь была темна, как бездна,
Меня влекла во мрак безвестный,
И дней моих цветок чудесный
Раскрылся и увял давно.

И смерть настанет, не обманет:
Мой взор навеки затуманит,
Лицо мое землистым станет,
И станет всё темным-темно.

Влекомые тщетой земною,
Пройдут живые стороною,
Все, кто при жизни был со мною,
Меня забудут всё равно.

Наапет Кучак

Достоверных сведений о жизни поэта нет. Считалось, что автор айренов тот самый Наапет Кучак, который жил в XVI веке в селе Хараконис близ Вана. Но еще в середине 1910-х годов эта точка зрения была подвергнута критике. По языку, по содержанию айрены никак не связываются с Ваном, они написаны на разговорном языке армян Акина. И по времени трудно отнести айрены к XVI веку. Как считают современные ученые, правильнее датировать айрены XIII—XIV веками (см. вступительную статью).

Издания: Наапет Кучак, Сто и один айрен, изд. 2, Ереван, 1976 (среднеармянские оригиналы и русские переводы).

* * *

Благословен ушедший с милой
за дальний перевал.
Мост перешли они,
и тотчас тот мост разрушил шквал;
Засыпало следы их снегом,
буран забушевал. . .
Он взял ее лицо в ладони
и — днем — поцеловал.

* * *

Когда ты была моей,
на деревьях листва была!
К другим ты теперь ушла, —
снег лежит, где листва была!
Вернись, образумься, друг;
будь снова здесь, как была, —
Я солнцем встану сам:
будет свет, где тень была!

* * *

Где была ты, откуда пришла?
Если ты не посланница зла —
Отпусти меня, сделай милость!
Ты сожгла мое сердце дотла,
Ты в душе моей поселилась
И дороги назад не нашла,
Ты в сознании моем заблудилась,
Ты моими слезами текла.

* * *

В мире две великих силы:
смерть и скорбь любви земной.
Влюбишься, потом уносит
ангел смерти в мир иной,
Ну а мертвые не плачут,
скрытые сырой землей.
Кто же этот несчастливец?
Он ни мертвый, ни живой.

* * *

Глаза твои — океан,
брови сумрачной облаков.
Взяла ты румянец щек
у розовых лепестков.

Куда б ни явилась ты —
там свеч не надобно жечь.
Сияньем твоих грудей
воскрешаешь ты мертвецов.

* * *

Ты хвалишься, луна небес,
что озарен весь мир тобой.
Но вот луна земная здесь,
в моих объятьях и со мной!
Не веришь! я могу поднять
покров над дивной красотой,
Но страшно: влюбишься и ты
и целый мир накажешь тьмой!

* * *

Вышла из-за гор луна
с голубой звездой вместе,
Обнял я мою любовь —
грусть ушла с бедою вместе.
Бог сказал:
«Люби ее, говорю тебе по чести!
Я не создавал ведь двух —
равных красотою — вместе».

* * *

Я в любви, как ребенок малый,
Силой отнятый от груди.
Погляди, что со мною стало,
Погоди уходить, пощади!
Ничего у меня не осталось,
Только тьма и тьма впереди.
Пожалей хоть самую малость:
Дай воды, мой жар остуди!

* * *

Ручною птицей на земле
я подбирать зерно не мог,
Под облаками я летал,
чтоб не настиг жестокий рок,
Но всюду — западня любви,
и я себя не уберег:
Не только ноги, как другим, —
опутал крылья мне силок.

* * *

Не нужна ты мне, не нужна,
Мне с тобой ни покоя, ни сна,
Обожгла ты меня стрелою
И осталась сама холодна.

Скажут мне: ты стала водою —
Пить не буду, рук не омою;
Скажут мне: ты стала лозою —
Не коснусь твоего вина.

* * *

Ради бога, что создал нас,
Не играй своими бровями,
Пожалей и лучами глаз
Не пронзай меня, как мечами.
Ради солнца, что светит над нами,
Не ввергай мое сердце в пламя.
Сирота я и так, что ни час,
Обливаюсь от боли слезами.

* * *

Видишь, как покраснела я,
Точно облачко в вышине.
Все на свете знают о том,
Как ты близок и дорог мне.
Виноваты мои глаза:
По тебе они слезы льют,
На других не глядят — тебя
Вовлекают в грех и зовут.

* * *

О красавица, жить мне дай,
Синей кофты не надевай,
Чтоб не стал я белее мела,
Поглядев на тебя невзначай.
Твой отец много доброго сделал —
Мост возвел, возродил наш край.
Сделай тоже доброе дело —
Страшной пыткой меня не пытай.

* * *

Что ты белые щеки румянишь,
Что ты жжешь меня, что ты манишь!
Что ты речь бровями ведешь,
То нечаянно в душу заглянешь,
То намеренно взгляд отведешь,
То вдруг пуговицу расстегнешь.
Белой кожей блеснешь и ранишь!
Знаю: ты всё равно обманешь —
Навсегда от меня уйдешь.

* * *

Как мне быть — не могу я боле
жить одна, от тебя отдалясь.
Поболтать бы с кем-нибудь вволю
О тебе, ничего не страшась.

От любви своей и от боли
Я совсем уже извелась.
Как травинка я в выжженном поле,
Смотрит в небо она и молит,
Чтоб хоть капля дождя пролилась.

* * *

От любви пробежит по мне,
Как по листьям осенним, дрожь.
И покатятся по щекам
Слезы, словно весенний дождь.
Видишь: гибну. Пусти к себе.
Дай приют для моей души.
Тело к телу льнет твоему.
Как мне жить без тебя, скажи!

* * *

Сад сажил я, но в том саду
Были саженцы на виду,
И пред тем, как им распуститься,
Их срубили, мне на беду.
Я — птенца потерявшая птица,
Всё ищу и никак не найду.
Есть капкан у тебя — коль случится,
Ты расставь, — а я попаду.

* * *

В далекий дол я побреду
По всей земле необозримой,
В чужом краю свою беду
Стерплю, презрением гонимый.
Расскажут, где я, — ты не верь:
В иных пределах путь мой новый,
А скажут мне, где ты теперь, —
Найду, сбегу, порву оковы!

* * *

Из дома выйди своего,
Как солнце из-за туч.
Сияй для взора моего,
Как саблевидный луч.
Святых отцов и то с пути
Глаза б твои свели.
Из дома отчего уйти
Готов, пропасть вдали.

* * *

Я прозрачнее ладана стал,
Пожелтел, как шафран, я, устал,
То ли так меня губит любовь,
То ли день моей смерти настал.

Зелье есть у тебя, говорят,
 Дай вдохнуть мне его аромат,
Оживи меня — или умру,
 И в убийстве тебя обвинят.

* * *

Черноброва ты, тонкостанна,
 Лоб высокий, лицо румяно.
Белизну ты внутри несешь,
 Грудь твоя словно два шамама, —
Что ж припасть мне к ней не даешь!
 Ведь и ты уйдешь в край туманный,
В край, куда красоты не возьмешь.
 Почему ж при жизни так странно
Ты со мною себя ведешь!

* * *

Я думал, ты грустишь по мне,
 Я навестил тебя, и вот
Сдается мне, что здесь меня
 Никто не помнит и не ждет.
Ну что ж, не хмурься, не сердись!
 Не нужно день считать за год.
Пришел я и опять уйду,
 Когда не в пору мой приход.

*

* * *

Ты — жемчужина, ты — светла,
Сколько горя ты мне принесла!
Что с тобою — не знаю — будет:
Мать родная тебя продала.
Пусть в армянском краю осудят
Ту, что в муках тебя родила.
В землях греков пусть знают люди,
Как ничтожна она и зла.

* * *

Белогрудой красоте
 платье синее идет,
Пуговицы расстегнет —
 юношу с ума сведет.
Пусть красильщик ни один
 синей краски не найдет,
Чтоб ей в синем не ходить,
 не сводить с ума народ.

* * *

Идя близ церкви, видел я
 у гроба ряд зажженных свеч:
То юношу во гроб любовь
 заставила до срока лечь.

Шептали свечи, воск струя,
и грустную я слышал речь:
«Он от любви страдал, а нам —
должно то пламя сердце жечь!»

* * *

Боже, что от меня хотят!
Что чернят с головы до пят!
Я люблю тебя, дорогого,
Что ж кольнуть меня все норвят.
Если так, — буду я другого,
Всех я буду любить подряд.
И тогда пусть снова и снова
Говорят, говорят, говорят!

* * *

Как нам быть — все про нас говорят.
Разве грех, если мы полюбили!
Что ж наш рай превращают в ад!
Где появимся я ли, ты ли —
Вслед глядят, источают яд.
В чем грешны мы, что преступили!
Полюбили мы — не убили,
Так чего же от нас хотят!

* * *

Мне пред тем, как совсем рассвело,
У тебя задремать случилось.
Шум на кровлю к нам донесло,
Там стропило под кровлей бранилось:
«Наша скромница осрамилась!»
Тут же с глаз моих сон смело.
Неужели и в дереве зло,
Как в людских сердцах, затаилось!
Это дерево в роще росло, —
Где злословию научилось!

* * *

Этот мир похож на базар.
Я единственный свой товар —
Сердце вынесла на продажу.
Милый мой, прояви свой дар.
Сбей с других покупателей жар,
Предложи всё, что есть, что нажил,
Если тот его купит, кто стар, —
Будет купля подобна краже.

* * *

Шла она с другим,
болтая по привычке к многословью,
Жалуясь ему на что-то,
поводя сердито бровью.

«Бог с ней, — сердце подсказало, —
отойди не прекословя,
Ведь любовь по принуждению
не считается любовью».

* * *

Шел по улице неторонливо.
А навстречу мне милая шла,
Опустивши глаза стыдливо.
Подбежал я — была не была, —
Обнял милую нетерпеливо.
Зашептала она боязливо:
«На виду, среди бела дня
Для чего позоришь меня?»

* * *

Боль и радость в сердце моем,
Я люблю тебя, дорогую.
Нет нам счастья, давай уйдем
Поскорее в страну другую.
Будем жить мы с тобой вдвоем,
Позабудем тревогу слепую.
Всё оставим: и отчий дом,
И врагов, и молву людскую.

* * *

Пророк Давид, тебя молю
Грехи мне отпустить.
Ту девушку, что я люблю,
Нельзя не полюбить.
Когда бы в келью среди тьмы
Вошла, как луч сквозь щель,
И ты б не стал читать псалмы,
А лег бы с ней в постель.

* * *

Вышел ночью навеселе,
Встретил милую у дверей.
Показалось, что грудь ее
Слаще яблочек и круглей.
Лишь дотронулся до груди,
Слышу: «С ветками всё унес!»
Но клянусь, я не силой брал,
Ни обид не хотел, ни слез.

* * *

Вчера по улице вели
красавицу куда-то,
Не то насильно увели,
не то прельстили платой.

На что мне жизнь,
 когда любовь меняется на золото?
Любовь берите как цветок,
 как спелый плод граната.

* * *

Утром, выйдя за порог,
 Я тобою ослеплен,
Ты подобна сотне лун,
 Вышедших на небосклон.
Слышу я в ответ упрек:
 «Любишь — и люби один,
А другому, видит бог,
 Знать об этом нет причин».

* * *

«Мы, любимая, не равны:
 Вы богаты, а мы бедны!»
— «Милый, в бедности нет вины,
 А расстаться мы не вольны,
Мы хотели, да не сумели.
 И богачки, когда влюблены,
Спят у бедных парней в постели
 И счастливые видят сны».

* * *

Как сладок этот поцелуй,
 Дарованный моим устам!
Он слаще всех земных плодов.
 Весь мир я за него отдам.
Адам сорвал запретный плод.
 Из рая изгнан был Адам.
Мой рай — в объятиях твоих,
 И не бывать мне больше там.

* * *

В эту ночь я блюла закон;
 Я спала на холодном ложе,
И луна, озарив небосклон,
 Одинок дремала тоже.
И приснился мне сладкий сон:
 Тот явился, кто всех дороже.
Я проснулась, исчез и он.
 Сны, как жизнь, мгновенны, о боже!

* * *

«На кровле ты легла уснуть,
 твоя созвездьям светит грудь.
Позволь же мне к тебе прильнуть
 иль укажи домой мне путь!»

— «Тебе нельзя со мной уснуть,
нельзя и дома отдохнуть,
Но так дрожи и жди, пока —
захочет утра свет блеснуть!»

* * *

О, длиться бы стократ поре ночной,
Чтобы заря не брезжила вослед!
Любимая пришла, она — со мной,
И словно в первый раз за сотни лет!
О утро, обойди нас стороной,
Пусть наших игр не озарит рассвет,
А то зальешь сияньем мир земной,
Придет разлука — и любимой нет!

* * *

Твердь небесная, твердь земная
Просветлели от края до края.
Ты встречала рассвета знак,
Из объятий моих ускользая.
Я молил, чтоб вернулся мрак,
Говорил: «Погоди, дорогая».
Но рассвет подкрался, как враг,
От меня тебя отрывая.

* * *

В ту долгую ночь лишь раз, лишь два
я пряжку повернуть могла,
Мне вспомнился желанный яр,
я встала, пряжу убрала,
И, сладким ковш налив вином,
я к двери яра подошла:
«Желанный яр! Открой мне дверь!
Стою в снегу, дай мне тепла!»

* * *

«Грудь твоя — белоснежный храм,
А соски — как лампы в нем.
Позволь мне молиться там
И стать твоим звонарем».
— «Уйди. Легкомыслен ты,
Не стоишь лампад моих:
Мой храм среди темноты
Оставишь для игр других».

* * *

Милая, если позволишь
платье твое расстегнуть —
Я с твоего разрешенья
в сад превращу твою грудь,

Благословлять его стану,
в этом уверена будь,
Сам сатана не посмеет
смертью прервать этот путь.

* * *

Эти волосы, брови и взгляд!
Умереть я за них был бы рад.
Пусть тебя лихорадит всю ночь,
Если ты не придешь ко мне в сад.
А придешь — и щекою к щеке
Я прильну, чтоб печали помочь,
Чтоб дыханье твое ощутить
У себя на душе в эту ночь.

* * *

На любимую бросьте взгляд —
Как к лицу наряд ей зеленый!
На всех пуговицах подряд
Отблеск звездных лучей зеленый.
Обнялись и вошли мы в сад,
Там петляет ручей зеленый.
Там большие деревья стоят,
Цвет листвы и ветвей — зеленый.

* * *

Художник обмер, написав
Одну-единственную бровь.
Взглянул прохожий и поник:
Остановилась в жилах кровь.
Так что же делать мне тогда!
Ведь сотворил мою любовь
Не живописец, а господь.
Влюбленного ты не злословь!

* * *

Взяли милой моей портрет,
по стране вдаль понесли,
Всех людей расспросили —
нет, равного не нашли,
И шесть тысяч пятьсот живописцев
со всей земли
Даже тени подобного
изобразить не могли!

* * *

С той поры, как рожден на свет,
мне спасенья в молитвах нет.
И пускай священник зовет —
сворочу, не пойду вослед.

А красавица поглядит —
 славословлю и шлю привет.
У колен ее — мой алтарь,
 я грудям ее дал обет.

* * *

Вино твоего румянца
 мне пить бы опять, опять.
Библейский рай — твое тело,
 ах, яблоко бы сорвать!
Уснуть на груди прекрасной —
 не высшая ли благодать?
За это ангелу смерти
 не жалко мне долг отдать.

* * *

Я ласкал бы твой нежный лик,
 озаренный лучом луны.
Целовал бы в губы тебя, —
 они сладким вином пьяны.
В темно-синих твоих глазах —
 перелив и качанье волн.
Словно розовый венчик,
 рот благовонной росой полн.

* * *

Я увидел на веревке
выстиранное белье,
Средь белья висит рубашка —
сердце замерло мое.
Рукава расшиты шелком,
на груди еще шитье...
Ах, купить ценою жизни
мне б владелицу ее!

* * *

Белогрудая в кофте белой,
По груди твоей нежной, незрелой
Я рукою легко скользнул,
Я губами к губам прильнул,
И в глазах у меня потемнело.
Поднял руки я: «Боже, сделай,
Чтобы я на груди этой белой
Вечным сном блаженно уснул!»

* * *

«Из чего ты создана?
Из рубина, изумруда?
Мылась розовой водой
из какого ты сосуда?»

— «Если это обо мне,
я и вправду белогруда,
Пуговицы расстегну —
погляди-ка, что за чудо!»

* * *

Ты ль не вырезана из лоз
Виноградника белого!
Не из самых ли лучших роз
Твое личико сделано!
Не боюсь я ничьих угроз,
Я с тобою смелее смелого.
Будь турчанкой, и то б вознес
Я тебя выше мира целого.

* * *

Ты — красива, ты — молода,
И твои поцелуи сладки,
Ты — как море, а море всегда
Исцеляет от лихорадки.
Вот нырнуть, поплыть без оглядки
И вернуться скорей сюда,
В тень ресниц твоих, чтоб украдкой
Задремать иль уснуть навсегда.

* * *

Ловчий сокол я с красным кольцом,
Ты — залетная голубица.
Я заметил твой след с трудом,
Я ловлю — ты не хочешь ловиться.
Человеческим языком
Говоришь ты: «Что зря трудиться!»
Не охоться за мною днем:
Будет ночь, я — ночная птица!»

* * *

Ослепительный блеск
И огонь твоих глаз
Может реку поджечь
И разрушить Шираз.
Если в город Дамаск
Голос твой долетит, —
Кто услышит его,
По тебе загрустит.

* * *

Пред тобою я, мой желанный,
Скатерть белую расстелю,
Куропатку с кожей румяной
Соком сливовым оболью,

И напиток хмельной и пряный
Я в две чаши для нас налью.
Облекусь в наряд тонкотканый,
Чтобы ты за дымкой туманной
Видел белую грудь мою.

* * *

Я, как скала, крепка:
Не раздробить меня.
Как туча, высока:
Не покорить меня.
Пусть будет лук упруг
И богатырь стрелок,
Коль о любви моей
Он вдруг подумать мог.

* * *

Я, как всякая птица, дика.
Я твоя, коль удержит рука.
Апустишь — в небе растаю
Иль смешаюсь с чужою стаей,
Не узнаешь издалека.
В клетку вновь ты меня не заманишь.
Станешь ладить силок — не обманешь,
Не боюсь твоего силка.

* * *

Было слышно: вода рокошет,
Ветерок играет травой.
Но отрадней всех звуков прочих
 Был мне голос моей дорогой.
Как безбожно любовь порочит
 Тот, кто спит в этот час неземной
Кто сберечь этой ночью хочет
 Поцелуй для ночи другой.

* * *

Гляну вниз иль гляну вверх я —
 краше не найду,
Затмеваешь ты подругу,
 как луна звезду.
Поздравляют с Новым годом
 только раз в году,
А меня сто раз поздравьте —
 к милой я иду.

* * *

О царица, пусть будет воспета
 Мать, что в муках тебя родила.
Ни луна, ни другая планета
 Не светлей твоего чела.

Ты — денница, ты — утра примета,
Блещешь где-то во тьме облаков,
Темноту отлучаешь от света
Возле греческих берегов.

* * *

«Высоко ты ходишь, —
милой передай привет, луна!»
— «Передам привет я милой,
но не знаю, где она».
— «Видишь дерево в саду,
где высокая стена!
Пьет из чаши голубой
там под деревом она
И армянской речью славит
сладость ласки и вина».

* * *

Скажи, мой милый месяц, мне:
куда ты ночью правишь путь?
Сквозь окна многих милых дев
ты видишь легших отдохнуть;
Они полураздеты все:
твой луч им падает на грудь,
И заставляет, отражен,
он звезды в свете потонуть!

* * *

Я молод, ты молода:
 нам любовь — для счастья и мук.
Твой стан — словно лук.
 Но нет, уступает в гибкости лук
Соски твои — виноград,
 грудь твоя подобна заре:
Чем больше ее открыть —
 тем светлее станет вокруг.

* * *

Мне б рубашкою стать льняною,
 Чтобы тело твое обтянуть,
Стать бы пуговкой золотою,
 Чтобы к шее твоей прильнуть.
Мне бы влагою стать хмельною
 Иль гранатовою водою,
Чтоб пролиться хоть каплей одною
 На твою белоснежную грудь.

* * *

Стан твой тонок, ты высока,
 Как тростиночка, ты гибка,
Говорят, что вода живая
 Наподобие родника

Из груди твоей бьет, исцеляя
Всех, кто выпьет хоть полглотка.
Счастлив тот, кто пьет, припадая
К бугорку твоего соска!

* * *

Пришла ты поздно за водой.
Я помню: ночь была темна,
Когда в родник с груди твоей
Скатилась полная луна.
Как я завидую теперь
Тому, в кого ты влюблена,
Кто губы целовал твои
В твоих объятьях допоздна!

* * *

«Что возьмешь за поцелуй,
молви, дивное созданье!»
Усмехнулась:
«А твое велико ли достоянье?
Если хочешь заплатить,
не получишь ты лобзанья,
Если любишь горячо —
утолю твое желанье».

* * *

«Вот гранат, разрежь,
ты видишь, сколько зернышек
внутри, —
За зерно по поцелую,
лишнего мне не дари».
— «Я тебя считала умным,
уходи и не дури.
Это слыханное ль дело —
целоваться до зари?»

* * *

Мне сказали сегодня под вечер:
Милой путь в нашу сторону лег!
Так давайте пойдём ей навстречу
И поможем взойти на порог.
Я её поцелую привечу,
Пыль дорог отряхну с её ног.
Я чудесный ей дам порошок,
Что от хвори и горестей лечит.

* * *

Поцелуй, обознавшись, просил
У дурнушки, но стала она
Говорить: «Опозорил меня!» —
И ломалась: мол, ты мне не мил.

Тут красавица крикнула мне:
«Что ты возишься с ней без конца!
На красавицу взор обрати,
Знаю, как оценить молодца»

* * *

Люди пришли и сказали:
«Стал твой любимый монахом».
В недоуменьи безмолвном
я размышляю со страхом:
«Как он смирится с горохом —
сладкое ел на пирах он,
Как власяницу наденет —
к тонким привык он рубахам?»

* * *

Мне месяц ясный говорит:
«Неправда ли, похож
Я на гариба твоего!»
— «Нет, месяц, это ложь!»
Он, чернобровый мой гариб,
Собою так хорош!
От золотых его усов
Очей не оторвешь».

* * *

Я персиковый саженец.
Не для моих корней
Земля возделанных долин.
Утесы мне родней.
Шербетом поят здесь внизу.
Расти мне всё трудней.
Испить бы снеговой воды
Среди родных камней!

* * *

Выбери четверостишье,
что на ум тебе придет.
Говори про наше время,
про людей, про жизни ход,
Только не хули без смысла
бездомников-сирот,
Полагая, что скитальцы —
необидчивый народ.

* * *

Самым худшим из проклятий
проклинала сына мать:
«Уходи в края чужие,
чтоб навек скитальцем стать,

С твердым камнем в изголовье
на песке ты будешь спать,
Встанешь рано и припомнишь
отчей кровли благодать».

* * *

Обидевший скитальца
пусть станет сам таким,
Пускай поймет, что значит
под небом жить чужим.
Хотя дождем там будешь
осыпан золотым —
Всё будет вспоминаться
родных селений дым.

* * *

Душа моя ушла из тела,
и горько плакал я:
«Душа, куда ты улетела,
в тебе вся жизнь моя».
— «Я думала, что ты умнее,
безумна речь твоя:
Когда разрушен дом,
хозяин уходит из жилья».

* * *

От долгих раздумий растут
и печаль и забота,
И сахар не сладок,
и жжется вода отчего-то,
И таешь свечою, страшась
до холодного пота,
Жизнь так непосильно трудна,
что и жить неохота.

* * *

Клеветы человеческой
пуще всего берегись.
Научи меня, господи,
как от нее мне спастись.
Лев бежит от злоречия,
прячется хищная рысь.
И орел поднимается
в неомраченную высь.

* * *

Спросили раз у мудреца:
«Зачем душе велела
Премудрость господи-творца
Быть пленницею тела?»
— «Затем, — услышан был ответ, —
Чтоб тело лучше стало,
Чтоб был в нем золотой отсвет
Бесценного металла!»

Ованес Тлкуранци

Биография Ованеса Тлкуранци неизвестна. Жил в XIV—XV веках. В одном из стихотворений поэт говорит, что ему 70 лет. Стихи Ов. Тлкуранци впервые были опубликованы Акопом Мегарттом в 1513 году в первом печатном песеннике на армянском языке. До недавнего времени ошибочно предполагали, что поэт Тлкуранци и католикос Ованес Тлкуранци, живший в XV—XVI веках, — одно и то же лицо. Отсюда делали вывод, что Тлкуранци — первый средневековый поэт, стихи которого были изданы при его жизни, в 1513 году. Однако, как теперь установлено, поэт Ованес Тлкуранци жил в XIV—XV веках и его нельзя отождествлять с католикосом Тлкуранци.

Сочинения: Ов. Тлкуранци, Стихи. Научно-критический текст, исследование и комментарии Эм. Пивазяна, Ереван, 1960 (на армянском языке). На русском языке: Армянская средневековая лирика, т. II, Ереван, 1977.

ЛИК ТВОЙ — СОЛНЦЕ

Лик твой — солнце, и не мудрено,
Что тобою всё озарено.
Любишь иль не любишь — всё равно
От любви мне гибнуть суждено.

Только что стояла здесь скала,
Ты прошла — взглянула и сожгла.
Гибнем, но не замечаем зла
Мы, чьи души сожжены дотла.

Дочери иной, тебе под стать,
Не могла родить другая мать,
Взор твой излучает благодать,
Божья на лице твоём печать.

Лоб твой ослепляет белизной,
Губы — словно алый мак весной,
С чем сравнить мне лик твой неземной?
Ты подобна лишь себе одной!

Я сгораю; больше нету сил;
Я за то страдаю, что грешил.
Чудо из чудес господь свершил:
Он тебя из праха сотворил.

Плачу я — безумный Ованес,
Я сгораю, мой покой исчез.
Ты — огонь мой, ты — мое страданье,
Кара, посланная мне с небес!

ВСТРЕТИЛ Я КРАСАВИЦУ НЕЖДАННО

Встретил я красавицу нежданно.
Глянув на пылавшие уста,
Замер я и рухнул бездыханно,
Понял: без нее земля пуста.

Я такое увидел впервые.
Очи — словно волны голубые,
Волосы — как нити золотые,
Брови — ночи зимней чернота.

Светел мир ее лишь благодатью,
Я пленен ее лицом и статью.
Душу за нее готов отдать я,
Столь она прекрасна и чиста.

И когда мы встретились глазами,
Как свечу, меня спалило пламя.
Обезумев, я на месте замер,
Ибо понял: я ей — не чета.

Ованес, не стоило влюбляться:
Наши дни не долго в мире длятся,
Чаще вспоминай, чтоб исцеляться,
Что не вечна в мире красота.

ПЕСНЬ О ХРАБРОМ ЛИПАРИТЕ

Прославим бога, вечен он
И в бесконечности сокрыт.
По воле бога стал силен
Слуга господень Липарит.
Мы чтим героев и святых:
Саркис, Торос, Мушег, Вардан...
Был Липарит храбрее их,
Сильней, чем Тырдат, царь армян.
Героя конь неукротим,
Копье качается в руке.
Враги трепещут перед ним,
Иноплеменники — в тоске.
Конца нет войнам. Каждый год
Их десять, двадцать. Гибнут вновь
И вновь войска. Не меньше вод
Реки Джиган пролилась кровь.
Зло накопилось, как вино
В мехах. Подходит к Сису рать.
Манчак, чье сердце злом полно,
Задумал Сис великий брать.
С Манчаком тысяч шестьдесят
В кольчугах выехали в ряд.
Их копыта гибкие блестят,
Их сабли и щиты горят.
Вот тысяч шестьдесят врагов
Подняли исступленный вой.
Военных труб грохочет зов,
Фанфары призывают в бой.
Скотов неверных рать стоит,
Но вид воинственный их лжив:

Им страшен храбрый Липарит,
Они дрожат, как ветви ив.
Святой король сказал тогда:
«Ради тебя явилась к нам,
О Липарит, врагов орда
И вон остановилась там.
Разила их твоя рука,
Ты конницу их брал в полон,
Пленил ты сына Манчака,
Ты нам принес султана трон».
И Липарит сказал: «Готов
Я на себя принять беду;
Не будем тратить лишних слов,
Пусть я на смерть сейчас пойду».
Коня седлает Липарит,
Кольчугой тело сжал свое,
Над головою поднял щит,
В руке — упругое копьё.
Склонился он у алтаря
И положил земной поклон.
Почтив небесного царя,
Земных князей восславил он.
Благословение небес
На сына шлет (вокруг отряд
Заплакал): «Сын мой, Ованес,
Прощай. И ты, Василий, брат.
Ты, госпожа моя, Манан,
Ты, солнцу равная лицом.
Я должен умереть от ран;
Вглядишь в меня перед концом».
И к королю, могуч и прост,
Он обращается потом:

«Храни, король, надежно мост,
Чтоб мог пройти я тем мостом».
Призвал Христа, рванулся львом
И конницу врагов рассек.
Бегут. Страх овладел врагом.
То мчится барс, не человек.
Там горы трупов, ужае, боль,
Кипит кровавая река.
Но позавидовал король
И вспять вернул свои войска.
Враги воспрянули, и взят
Был ими мост, и нет пути.
Вот скачет Липарит назад,
Но мост ему не перейти.
И копыа бьют его в упор,
Враги теснят со всех сторон;
Он вправо, влево бросил взор, —
Помощников не видит он.
Враги справляют торжество,
Им крови хочется святой.
Вот тело брошено его,
Но взяли голову с собой.
И страх над городом навис.
Напрасно горожан отряд
Сопротивлялся. Занят Сис,
Враги вошли, дома горят.
Церковных не щадили стен.
Разрушен город и сожжен.
Служителей церковных в плен
Угнали, увели их жен.
А тело павшего от ран
Струило свет. Конец таков:

Сам Липарит и сам Ован
Погибли от руки врагов.
И повторяют в наши дни
Священник, простолюдин, князь:
«Господь, героя помяни», —
За стол с молитвою садясь.
Тлкуранци я, Ованес,
Сложил вам жалобную речь,
Чтоб этот подвиг не исчез,
Чтоб память о бойце сберечь.

Мкртич Нагаш

Мкртич Нагаш родился в 1393 году в Западной Армении. Получил духовное образование в Мецопском монастыре. Сведения о его жизни встречаются в рукописях XV века. Иллюстрировал своими миниатюрами рукописные книги (отсюда и прозвище Нагаш, т. е. художник). Некоторые из миниатюр Мкртича Нагаша дошли до наших дней. Известно, что в начале XV века (в 1418 или 1419 году) Нагаш женился. Вскоре жена умерла. Тяжело переживая смерть жены, поэт навсегда покинул родное село Торр. Нагаш наблюдал жизнь своих сородичей на чужой земле, писал о пандухтах-скитальцах, об их горькой жизни под чужим небом.

Умер Мкртич Нагаш в 70-х годах XV века.

Сочинения: Мкртич Нагаш, Стихи. Исследование, критический текст и комментарии Эд. Хондкаряна, Ереван, 1965 (на армянском языке). На русском языке: Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

СУЕТА МИРА

О братья, в мире все дела — сон и обман!
Где господа, князья, цари, султан и хан?
Строй крепость, город иль дворец, иль бранный
стан —
Всё ж будет под землей приют — навеки дан.

Разумен будь, Нагаш, презри грехов дурман,
Не верь, что сбережешь добро: оно — туман,
Стрелами полный, смерть для всех — несет
колчан,
Всем будет под землей приют — навеки дан.

Мир — вероломен, он добра — нам не сулит,
Веселье длится день, потом — вновь скорбь
и стыд
Не верь же миру, он всегда — обман таит,
Он обещает, но дает — лишь желчь обид.

Тех, обещая им покой, — всю жизнь томит;
Тех, обещав богатство им, — нуждой язвит,
И счастье предлагает всем, — ах, лишь на вид!
Уводит в море нас, где бездн — злой зев
раскрыт.

Проходят дни: вдруг смертный день —
наводит страх.
И света солнца ты лишен — несчастен, наг.
Ах, отроки! ваш будет лик — истлевший прах,
Пройдете вы, как летний сон, — в ночных
мечтах.

Знай, раб! что и твоя любовь — лишь тень
во днях,
Не возлюбляй же ты мирских — минутных благ.
Не собирай земных богатств — с огнем в очах:
Одет и сыт? Доволен будь! — иное — прах!

Трудись и доброе твори, — бедняк Нагаш!
Свои заветы чтить: другим — пример ты дашь!
Поток греха тебя, пловца, — унес куда ж?
И, благ ища, стал — не добра, но зла ты —
страж!

СТРАННИК

«Я умоляю: слово «странник»
Ты всякий раз не повторяй.
В чужом краю скорбит изгнанник,
Хоть этот край кому-то — рай.
Несчастный странник — словно птица,
Которой к стае не прибиться,
Пока она не возвратится
В свой отчий, в свой любимый край».

«Не убивайся, бедный странник,
Минуют тяжкие года:
Не навсегда твое изгнание,
Не навсегда твоя беда.
Молись, господь тебе поможет,
На родину вернет, быть может,
Чтоб ты забыл по воле божьей
Чужие эти города».

«Я всех молю о сострадании,
Шепчу: «О боже, пощади!»
Чернее самого изгнания
Лишь сердце у меня в груди.
И от былых воспоминаний
Лишь множатся мои страдания,
И стеснено мое дыханье,
И нет просвета впереди!»

«Не причитай, не плачь, изгнанник,
Не победишь слезами зло.
На свете ни одно страдание
От причитаний не прошло.
От громогласного стенания
Не исполняются желанья,
И никого еще рыдание
В родимый край не привело!»

«Изгнаннику повсюду горе,
С бедой смирился он давно.
Он никогда ни с кем не спорит,
Ему надежды не дано.

В толпе чужих он горе прячет,
Для них он ничего не значит.
Кровавыми слезами плачет,
Всё перед ним черным-черно!»

«Увы, родимого предела
Для смертных нету под луной,
Мы странники на свете белом,
Не на земле наш дом родной.
Но так живи в своем изгнании,
Чтобы за все твои деянья
Ты новых не обрел страданий
В отчизне нашей неземной».

Григорис Ахтамарци

Григорис Ахтамарци родился в конце XV века. Был католикосом в Ахтамаре. В армянских рукописях начиная с 1515 года и до 1610-х годов упоминается «Григорис католикос Ахтамарский». Выяснилось, что было три Григориса Ахтамарских и все трое были католикосами и жили в XVI веке. Деятельность поэта Григориса Ахтамарци приходится на первую половину XVI века. Установлены даты написания некоторых стихотворений поэта: 1515, 1516, 1519, 1523, 1524 годы. Ахтамарци — автор историко-житийных поэм, любовных песен, принесших поэту популярность.

Сочинения: Григорис Ахтамарци, Стихи. Исследование, критический текст и комментарии Маис Авдалбекян, Ереван, 1963 (на армянском языке). На русском языке: Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

**ПЕСНЬ СКОРБНАЯ О ТОМ,
КТО ВЫСТРОИЛ ДОМ
И РАЗБИЛ САД**

Чуть свет — душе, чей сон был свят,
Архангел, гневен и крылат,
Гласил: «Уйди, оставь свой сад!»
Свой сад, расцветший час назад.

Со дна ущелий, с горных гряд
Принес я щебень для оград.
Прекрасен сад, цветник прохлад,
А мне твердят: «Оставь свой сад!»

Но как смогу свой бросить сад —
Зубцы ограды мне грозят.

Я прорубил скалистый скат,
Провел в долину водопад,
Но воды жар не утолят —
Мне говорят: «Оставь свой сад!»

Я поливал, растил гранат,
Плоды багровые горят,
Но не вкусить мне их услад —
Мне говорят: «Оставь свой сад!»

В дави́льных бродит виноград,
Кувшины винные бурлят,
Вина испить я был бы рад,
А мне твердят: «Оставь свой сад!»
Свой сад, расцветший час назад.

Хоромы новые стоят,
Украшен золотом, богат
Просторный зал моих палат,
А мне твердят: «Оставь свой сад!»

Рой белых роз и алых ряд,
Я не вдохнул их аромат!
Ковер цветочный полосат,
Желт, зелен, красен, розоват...

И вот цветами полон сад,
Я не вдохнул их аромат,
А мне твердят:
«Оставь свой сад!»

Пришел хранитель райских врат,
Язык окован, мозг разъят,
И слезы жгучие кипят...
И Гавриил, огнем объят,
Проговорил: «Оставь свой сад!»

Пустеет тело, глохнет сад,
Немыслим стал души возврат,
Из сада вынесен в закат,
Я молча оставляю сад.

И зеленеет в нем гранат,
И гроздья крупные висят,
Не гложет червь, не точит яд...
Шумит листва, цветы пестрят,
А мне твердят: «Оставь свой сад!»

И соловьи в нем голоса
Ночь напролет и все подряд,
И росы осыпают сад
И в утренней тиши звенят.

ТЫ — РАЙ ДЛЯ МЕНЯ

Ты — рай, что расцвел в начале времен.
Где солнца восход, раскинулся он.
Цветов и плодов сияние тут,
Сюда серафимы вход стерегут.

Ты — солнечный глаз, дарящий лучи,
Ты — шаг полнолуны, тихий в ночи.
Мерцанье звезды, блеск росы с утра,
Теплого юга благие ветра.

Ты — жемчуг среди сапфиров, на дне
Морей затаившийся в глубине
И вынесенный пловцом из волны;
Ты — яхонт, ты — изумруд без цены.

Величье небес, красота миров
И благоразумие — твой покров.

Ты — мирт, кипарис, янтарь и сандал,
Я б розой тебя раскрытой назвал.

Ты — цвет лимонный. В полуночный час
Я встал и бродил. Ты — светоч для глаз.
Мой нард и шафран. Мы вместе пойдем,
Вино я припас, и открыт мой дом.

Ты — золото и серебро. Смотря
На косы из черного янтаря,
Смотря на тебя, кто вздыхать с тоской
Не станет, утратив души покой?

Калиса лист, апельсина цветок,
Ты — пальма, шафрана свежий росток!
Павлиньего переливы крыла,
Ты столько мне радости принесла!

Ты — лилий благоуханье и роз,
Ты — дол, что цветами щедро зарос,
Фиалка, мускус, нарцисс, нунуфар,
Ты — ладан, ты — средоточие чар.

Разбит над тобой зеленый шатер,
Стою и руки к тебе я простер.
Уходишь — и вздохи теснят опять.
О, поговори и рядом присядь!

Волнуюсь всегда — и ночью и днем,
Где б ни был — вне дома я или в нем,
Желаний трепет в груди не уйму,
Тоскую по образу твоему.

Ахтамарци, о нет, не пустословь.
Что жизнь? Только прах. Вспомни это вновь:
Ты раб добровольный, ты славишь грех,
И будешь унижен ты больше всех.

Нагаш Овнатан

Нагаш Овнатан родился в селе Шорот Агулисской области в 1661 году. В начале XVIII века был приглашен в Тифлис к Вахтангу VI как придворный художник и поэт (Нагаш означает — художник). Судя по количеству рукописных сборников, в которых сохранились стихи Овнатана, он был очень популярен. Таких сборников только в Матенадаране (хранилище древних рукописей в Ереване) больше пятидесяти. Его любовные и сатирические стихотворения близки по языку, по мотивам народной лирике.

Умер Нагаш Овнатан в 1722 году.

Сочинения: Нагаш Овнатан, Стихотворения. Подготовка текста и вступительная статья А. Мнацаканяна и Ш. Назаряна, Ереван, 1952 (на армянском языке). На русском языке: Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Зажегся нынче новый свет,
От милой слышал я привет,
Расцвел в душе весенний цвет, —
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Когда любовь так разлилась,
Как жить, от милого таясь?
Тебе внемлю я, веселясь, —
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Когда в мой дом вошла ты вдруг,
Твоих речей вкусил я звук.
И выпало перо из рук.
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Не лги мне, золото надев!
Твоих молодых грудей, созрев,
Малы шамамы, как у дев.
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Откроем дверцу, вступим в сад...
Рукой сжать грудь твою я рад,
Бери цветок, а я — гранат.
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Здесь на ковре, средь луговин,
Расставим мы кувшины вин...
Целуй, и да цветет твой сын!
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Играй и мне цветы бросай,
С груди руки не отгоняй,
Дай сжать, души не отнимай, —
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Тобою мне цветочек дан,
Вина ты выпила, я — пьян,
Сожжен любовью Овнатан, —
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

ПЕСНЬ О ГРУЗИНСКИХ КРАСАВИЦАХ

Тифлис, хвала тебе, хвала!
Твоим красотам нет числа!
Любая дочь твоя мила, —
Кому грузинки не понравятся?

Природных бань твоих тепло
Их, белогрудых, привлекло.
Как плещутся — в глазах светло! —
Врастана дивные красавицы.

Их лица как цветы в саду.
На них взглянуть — с ума сойду.
Хотя сулят они беду —
Кому грузинки не понравятся?

Их брови загнуты дугой,
В глазах чудесный луч такой!
И носят пояс дорогой
Врастана дивные красавицы.

Их косы чудно сплетены.
Их лица сладостней луны.
Неописуемо нежны, —
Кому грузинки не понравятся?

Сходясь, поют и пляшут вмиг.
А как вкусны слова у них!
Пьют из пиалов золотых
Врастана дивные красавицы.

Пройдут как павы — смотришь вслед,
И оторваться силы нет!
От них исходит звездный свет, —
Кому грузинки не понравятся?

Сдеты в бархат и шелка,
Они взирают свысока.

Свежей, чем зелень цветника,
Врастана дивные красавицы.

Могучих дочери, они
Достойны славы искони.
Пред ними голову склони!
Кому грузинки не понравятся?

Я — океан греха, Нагаш,
Пленный вами! О, когда ж
Смогу воспеть я облик ваш,
Врастана дивные красавицы?

* * *

Тебе достойную воздам ли дань я?
О горе, горе, слишком ты сладка,
Мой озарило путь твое сиянье,
Твой взгляд пронзил меня издалика.

Любимая, твой взгляд огнем лучится,
Грудь — океан, и мне порою снится,
Что я руками легкими, как птицы,
По волнам сладостным скользнул слегка.

Прошу я: сжался над душой моею.
Ни с розой, ни с жасмином, ни с лилеей
Тебя, твой раб, сравнить я не посмею.
О горе, горе: ты нежней цветка.

У соловья язык ты одолжила,
И что б ты ни сказала, всё мне мило.
И кажется, что речь твоя продлила
Мое существованье на века.

Молю, истерзанный тоской великой:
Приди ко мне с раскрывшейся гвоздикой.
Поверь, что без тебя, без ясноликой, —
О горе, горе, — жизнь моя тяжка.

Блестит твой пояс с пряжкой золотою.
Готов идти я следом за тобою.
Мне ведать не дано, чего я стою,
Но стоишь царства ты наверняка.

* * *

Лик твой — как луна, глаза горят.
От кого ты родилась такую?
Золотые волосы до пят
Дай я поцелуями покрою.

Брови — две светящихся дуги.
Милая, меня побереги.
Понапрасну сердце мне не жги
Взглядом, затененным кисеею.

Двум подобны яблокам тугим,
Круглы груди под платком твоим.
Чтоб не увядать до срока им,
Мне дозволь коснуться их рукою.

Платье, пояс — всё тебе идет.
Что тебя в коварной жизни ждет?
Я боюсь — тебя обнимет тот,
Кто тебе не предан всей душою.

Красны губы, красны, как вино,
Но не мне испить его дано.
Я, Нагаш, тебя люблю давно,
Я хочу навеки быть с тобою.

Багдасар Дпир

Багдасар Дпир родился в 1683 году. Жил в Константинополе. Подробности биографии неизвестны. Деятельность Дпира многогранна: он выступал как поэт, композитор, издатель и филолог. В 1726 году им была издана «Книга скорби» Григора Нарекаци.

Умер Багдасар Дпир, как полагают, в 1768 году.

Сочинения: Багдасар Дпир, Песни любви и госки. Подготовили к изданию Ш. Назарян и А. Мнацаканян, Ереван, 1958 (на армянском языке). На русском языке: Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Приободренный весенним цветеньем
И ликованием вернувшихся стай,
Преобразился почти во мгновение
Сумрачный мир, превратившийся в рай.

О соловей, что желал ты, свершилось,
Роза твоя в цветнике распустилась.
Славь же великую Божию милость
И в безнадежной тоске не рыдай.

Роза, омывшись росинкой падучей —
Легкою каплей, оброненной с тучи,
Стала еще ароматней и лучше
И нанесла тебе боль невзначай!

Всюду весна подняла свое знамя,
Всюду зажгла изумрудное пламя.
Горные склоны покрыла цветами,
Вешней травой украсила край!

О богородица, дева святая,
Молим, к твоим мы стопам припадая:
Детям сего просветленного края,
Благословенье и счастье нам дай!

НЕ ПЛАЧЬ, СОЛОВЕЙ

Полно, не причитай, не сетуй и не скорби,
Ты мне забыться дай, ран моих не растрави.
Лучше не поминай горькой моей любви.

Слез горючих не лей, не плачь, печальная
птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Чья-то злая рука ставит мне сотни препон,
И далека, далека та, в кого я влюблен.
Боль и твоя тяжка: с розою ты разлучен,
И все-таки слез не лей, не плачь, печальная

птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Ты, улетая на срок, к розе вернешься опять.
День возвращенья далек, всё ж он должен

настать.
Я ж навсегда одинок, мне милой не увидеть.
Слез понапрасну не лей, не плачь, печальная

птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Зря ты грустишь, соловей, зря ты клянешь
весь свет.

Много на свете роз, и каждой прекрасен цвет,
А схожей с милой моей красавицы в мире нет.
Слез горючих не лей, не плачь, печальная

птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

К МАМОНЕ

Кто ты, откуда твой закон,
Что может нас обречь на муку?
Кому ты не протянешь руку,
Тот на злосчастье обречен.

Немилости твоей страшится
И тот, на ком златой венец.
Кто помощи твоей лишится,
Тот как без пастбища телец.

Ты гибельна для душ людей,
Ты порождаешь зло, и всё же
Порою мы свершить не можем
Добра без помощи твоей.

Ты с нами строго сводишь счета.
Ты, нас опутав, служишь злу.
Так почему же в кабалу
К тебе идут с такой охотой?

Страдая от твоей руки,
Порой тебя мы покоряем
И торопливо запираем
В окованные сундуки.

Дрожат могучие колонны
И стены разрушенья ждут,
Когда, тобою укрепленный,
Подходит к ним ничтожный люд.

Чем мы твоей послушной воле,
Тем мы свободней и сильней;
И чем сильнее мы — тем боле
Мы властью связаны твоей.

Ты труса превратишь в героя,
Его заставишь рваться в бой.
И дарит силу нам порою
Бессилие перед тобой.

И хоть ты, может, всех сильней,
Но все-таки порой бывает,
Что и слабейший из людей
Тебя с презреньем попирает.

Петрос Капанци

Петрос Капанци родился в конце XVII века в Сюнике. Подробности биографии неизвестны. Писал на древнеармянском языке. В 1772 году издал в Константинополе сборник своих стихов «Книжка, называемая „Ергараном“», то есть «Песенником».

Умер Петрос Капанци 20 марта 1784 года.

Сочинения: Шушаник Назарян, Петрос Капанци. Исследование и тексты, Ереван, 1969 (на армянском языке). На русском языке: Армянская классическая лирика, т. II, Ереван, 1977.

НАРОДУ МОЕМУ ЛЮБИМОМУ

Коль ты меня, народ мой, не наставишь —
Мне по миру скитаться круглый год,
А если ты мне светлый лик свой явишь —
На путь благой ступлю я, мой народ!

Как вешний дождь, твое веленье свято.
Когда пригреешь ты меня как брата,
Вновь становлюсь я тем, чем был когда-то,
А не пригреешь — мучусь от невзгод!

Нет без тебя мне счастья, я безроден,
Без твоего участия я бесплоден.
На что я годен и кому угоден?
Я словно древо, где не зреет плод.

Привечен ты владыками вселенной,
Отмечен в книге древней и священной.
Подобно солнцу вечный и нетленный,
Меня ты озаряешь, мой народ!

Ты, озаренный светом и весною,
Исполни всё желаемое мною.

Коль твоего благоволенья стою,
Благослови — и сад мой зацветет.

Но что ж ты допускаешь промедленье,
Зачем свои скрываешь побужденья?
Твое неторопливо пробужденье, —
Веди меня, мой праведный народ!

СТАИ

Печальный стон сегодня слышен мне
Над полем и над лесом в вышине.
Тоскуя о родимой стороне,
Летят куда-то стаи, стаи, стаи.

Цвели цветы, здесь был недавно рай,
Увял и сник цветущий этот край.
Здесь больше места нет для птичьих стай,
И улетают стаи, стаи, стаи.

Кто знает, будет доброй или злой
Судьба, всегда подернутая мглой?
Скорбя и плача о весне былой,
Летят куда-то стаи, стаи, стаи.

Простилась птица каждая с гнездом,
Сошла трава, повяло всё кругом.
Редуют тучи, бедные дождем,
И улетают стаи, стаи, стаи.

И ты спешишь, о жаворонок мой,
Ну что ж, лети дорогою прямой,
Но с вестью о весне вернись домой,
Не покидая стаи, стаи, стаи

ПОЭЗИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Микаэл Налбандян

Микаэл Лазаревич Налбандян родился в семье ремесленника 2 ноября 1829 года в г. Нор-Нахичевань (ныне один из районов Ростова-на-Дону). Учился в Нахичеванской школе Габриела Паткяняна. В 1853 году экстерном сдал экзамен при восточном факультете Петербургского университета. В 1854—1858 годах был вольнослушателем медицинского факультета Московского университета. Сотрудничал в издаваемом в Москве армянском журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»). В 1859-м и в 1860—1862 годах жил за рубежом (Париж, Индия, Лондон, Италия). В начале 1860-х годов сблизился с А. Герценом и Н. Огаревым. В июне 1862 года Налбандян возвращается в Нор-Нахичевань. Здесь его арестовали по делу «лондонских пропагандистов», отвезли в Петербург и заключили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В ноябре 1865 года тяжело больного Налбандяна сослали в г. Камышин Саратовской губернии. Умер Налбандян в ссылке 31 марта 1866 года.

Велико было значение Микаэла Налбандяна как соратника и единомышленника русских революционных демократов, писателя, публициста и

философа для развития армянской культуры, общественной мысли и демократического движения.

В 1940—1946 годах вышло в свет на армянском языке полное собрание сочинений М. Налбандяна в четырех томах. На русском языке: Избранные философские и общественно-политические произведения, М., 1954; Стихотворения, М., 1967.

СВОБОДА

Когда свободный бог в меня
Вдохнул дыханье человека
И брэнному созданию дал
Дар кратковременного века, —
Я, бессловесное дитя,
Не зная горя и невзгоды,
Ручонки слабые простер
К видению свободы.

Когда не спал я по ночам,
Спеленут, связан в колыбели,
И заливался, и кричал,
Пока не встанет мать с постели
И не развяжет детских рук
Ребенку малому в угоду, —
Наверное, тогда я дал
Обет любить свободу.

Когда от первой немоты
Освободил я голос звонкий
И радовались все кругом
Живому лепету ребенка,
Не «мать» и не «отец» тогда
Сказал я, как велит природа.

Нет, детские мои уста
Произнесли: «Свобода!»
«Свобода? — эхом прозвучав,
Судьба сурово спросила. —
Свободы воином навек
Ты хочешь стать, а хватит силы?
Тернист и тяжек будет путь
Отдавшего себя народу.
Мир узок, тесен для того,
Кто полюбил свободу».

«Свобода!» — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

1845—1847 (?)

АПОЛЛОНУ

Зачем ты дал мне, Аполлон,
Терзающую душу лиру?
Я недоволен, я смущен,
Я слышу горький ропот мира.

Ее ты в наказание дал,
Иль чтоб утешить скорбь глухую,

Иль чтоб сильнее я страдал
И чувства расточал впустую?

Возьми же лиру. Может быть,
Она нужней другим поэтам.
Ужели мог ты позабыть:
Однажды я просил об этом.

Приму я с твердостью в душе
Всё мне сужденное судьбою:
И желчь и яд в ее ковше,
Мне поднесенном злой рукою.

Но никогда у ног твоих
Не стану ползать я бесплодно,
Как те, чей разум не постиг,
Что люди на земле — свободны!

1859

ПЕСНЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕВУШКИ

«Растоптана лихим врагом,
Глумящимся над честью,
Шлет родина сынов на бой,
Во имя гневной мести.

Бездольная! Немало лет
В оковах, как в темнице,
Но волей смелых сыновей
Она освободится.

Вот это знамя, милый брат,
Сама я вышивала.
Над ним я ночи не спала,
Слезами омывала.

На нем три цвета — посмотри, —
Цвета отчизны нашей,
Чтоб сгинуть Австрии навек,
Пусть блещет знамя краше!

Чем может женщина в боях
Помочь своим любимым?
Тебе я отдаю свой труд,
Он был неутомимым.

Скорее на коня, храбрец,
Держи высоко знамя!
На помощь родине своей
Иди вперед с друзьями!

Смерть всё равно нам суждена,
Изменим ли природу? . .
Блажен, кто пал за свой народ,
За родины свободу.

Любовь народа верный щит,
Спеши, господь с тобою.
Везде тебе я буду, брат,
Сопутствовать душою.

Борись отважно, чтоб врагу
Твоей спины не видеть,

Чтоб итальянца словом «трус»
Никто не мог обидеть».

И протянула брату стяг
Заветный итальянка:
В три цвета вышила его
Искусная смуглянка.

И поклонился брат сестре
За доблестное слово.
Взял саблю, верное ружье
И сел на вороного.

«Спасибо, — молвил он, — прощай,
Любимая сестрица,
Верь, будет знаменем твоим
Вся армия гордиться.

А если я паду, не плачь
Над тихою могилой —
В загробный мир со мной пойдет
Враг — не один — постылый!»

Навстречу австриякам брат
Помчался в непогоду —
Ценою крови купит он
Италии свободу.

О, как болит моя душа,
Когда я вижу ныне

Такую жаркую любовь
К родной земле в кручине.

Хоть вполовину б так любил
Народ мой униженный!
Но где же, Егише, тобой
Прославленные жены?!

Рыдания теснят мне грудь,
Невмочь писать мне далее,
Раз итальянки таковы —
Ты не жалка, Италия!

1869

ОТВЕТ ВЕЛИКОГО ВАГАНА МАМИКОНЯНА

Мы вновь — говорим? Говорим и теперь,
Когда единенья меж братьями нет,
И каждый на каждого смотрит, как зверь,
Когда попираем мы предков завет,
Когда раздружились с народом своим?
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? Но не с тысячью ль пал
Вардан наш из тысяч шестидесяти,
А персов остался лишь полк и бежал
От наших, от тысяч шестидесяти?

Мы стали небрежны, добра не храним,
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? А не видите: брат
Кровь братскую пьет; хуже пришлого свой,
Вновь идолов чествуют Двин, Арташат
И дымом задернулся крест храмовой?
Когда мы себе же худое творим,
Мы вновь — говорим?

• • • • •
Мы вновь говорим? А на родине власть
У гнусных ласкателей в грязных руках?
Сидит раболепник на шее у нас,
Что мы перед сильным? Ничтожество, прах!
Лижи ему ногу, склоняйся пред ним. . .
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? А презренный пришлец,
Сынам Просветителя крылья связав,
Сам пастырей ставит для наших овец,
Как хочет его зложелательный нрав,
И мы «Многи лета пришельцу!» кричим. . .
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? Подойдя, поклонясь,
Любому ничтожеству руку мы ждем, —
Собакам дворовым! Они же при нас
Не смеют явиться с открытым лицом,
Под масками прячутся. . . Мы же их чтим!
Мы вновь — говорим!

Иль совести нашей святая вода
На лбу не оставила капли стыда?
Нет! Пропадом мы не хотим пропадать!
Пора нам мечи вражьей кровью обдать!
Народ свой и веру спасем! Победим!
И — заговорим!

1862—1864 (?), (1868)

Мкртич Пешикташлян

Мкртич Пешикташлян родился в семье ремесленника 18 августа 1828 года в Константинополе. Окончил в 1845 году школу конгрегации мхитаристов в Падуе. (В 1717 году Мхитар Себастиани организовал в Венеции центр по изучению армянской культуры.) Вернувшись в Константинополь, занимался педагогической и общественной деятельностью. Пешикташлян — один из основоположников армянского театра в Константинополе, он — автор исторических трагедий «Аршак II», «Ваган Мамиконян» и др. В своей лирике, а также в трагедиях Пешикташлян выразил идеи национально-освободительной борьбы.

Умер Пешикташлян 29 ноября 1868 года в Константинополе.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1961; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

МЫ — БРАТЬЯ

Пусть как один святой напев
Природы голоса поют;
Иль пусть — прекраснейшей из дев
Персты по струнам пробегут;
Все эти песни не звучат
Милее звуков слова: «брат»!

Мы — братья! Руку мне подай:
Лишь буря разлучала нас!
В лобзаньи братском исчезай
Всё зло, что создал Рок на час.
Везде, где очи звезд блестят,
Что есть желанней слова: «брат»!

Пусть мать седая Айастан
Друг с другом видит сыновей
И боль целит глубоких ран
Слезами сладкими очей!
Везде, где звезд огни горят,
Что есть прекрасней слова: «брат»!

Мы прежде шли путем одним...
Мечты — вновь вместе быть — зовут!

Печаль и радость соединим,
И плодотворен будет труд!
Везде, где звезд нетленен ряд,
Что есть священной слова: «брат»!

Ах! Вместе сеять, вместе жать,
И вместе лить на нивах пот,
И жатву блага собирать, —
Твой, твой расцвет, родной народ!
Какие ж звуки прозвучат
Милей желанных звуков: «брат»!

1862

ЗЕЙТУНСКИЙ АРМЯНИН

Навис утес над кручей гор. . .
Там бледный юноша сидит.
По скалам вдумчиво скользит
Его угрюмый, мрачный взор.
«О чем скорбишь, печальный сын
Скалистых гор, дитя долин?»

Иль хочешь ты, чтоб синий вал
Тебе на сумрачных волнах,
Как на грохочущих струнах,
Свою мелодию сыграл?
О чем скорбишь, печальный сын
Скалистых гор, дитя долин?»

Иль, может быть, хотел бы ты,
Чтоб небосвод тебе дарил

Улыбку ласковых светил
И улыбались бы цветы? . .
 О чем скорбишь, печальный сын
 Скалистых гор, дитя долин?

Иль, может быть, ты ждешь, что мать
И та, которой предан ты,
Придут в печали утешать,
Рассеют мрачные мечты?»
 — «Я жажду пуль, кровавых встреч,
Хочу в руках держать я меч!»

Рафаел Патканян

Рафаел Габриелович Патканян родился в семье священника-педагога 8 ноября 1830 года в Нор-Нахичевани (ныне один из районов Ростова-на-Дону). Учился в Москве в Лазаревском институте восточных языков (1843—1849). Окончил также восточное отделение Петербургского университета (1866). В 1855—1857 годах издавал в Москве литературные сборники «Гамар-Катипа». В 1863—1864 годах издавал в Петербурге и редактировал журнал «Юсис» («Север»). С 1866 года жил в Нор-Нахичевани.

Творчество Патканяна, его стихи, его рассказы, пронизано идеями патриотизма и национально-освободительной борьбы. В 1877—1879 годах, во время русско-турецкой войны, когда со всей остротой встал вопрос об освобождении западных армян, Патканян создал высокие образцы гражданской поэзии.

Умер Патканян 22 августа 1892 года в Нор-Нахичевани.

В 1963—1974 годах вышло в свет на армянском языке собрание сочинений Патканяна в восьми томах; на русском языке: Певец гражданской скорби. Избранные стихотворения Рафаэля Патканяна, М., 1904; Антология армянской поэзии, М., 1940.

СЛЕЗЫ АРАКСА

По берегам твоим заснувшим
Брожу, Аракс, в тоске моей.
Я уношусь к векам минувшим,
Взываю к теням славных дней! . .

Но волны бурные несутся,
Не внемля, пенясь и шумя;
О берег с плачем горьким бьются
И мчатся в дальние края. . .

Поведай мне, Аракс могучий,
По ком рыдаешь ты порой?
Зачем объят тоскою жгучей
Ты даже чудною весной?

И слезы горькие струятся,
Из гордых падают очей,
И волны к морю вдаль стремятся
От грустной родины моей? . .

О, не мути же в гневе воды!
Забудь волнение и печаль!
О, вспомни вновь былые годы! . .
Зачем спешишь ты к морю вдаль? . .

Пусть снова розы украшают
Сады прибрежные твои,
А ночью песней оглашают
Заснувший берег соловьи!

Пусть ивы свежестью отрадной,
Сгибаясь, дышат у воды —
И в жаркий день в струе прохладной
Купают нежные листы.

Пускай пастух с свирелью бродит
По берегам твоим порой,
И стадо мирное приходит
К тебе в жару на водопой! . .

Аракс запенил гневно воды
И влагу бурей всколыхал, —
И в шуме диком непогоды
Я голос грозный услышал:

«Зачем с желаньем безрассудным
Пришел, безумец, ты ко мне, —
Тревожить вновь виденьем чудным
Меня в тяжелом полусне?»

В тоске по муже, в тяжком горе,
Ужель вдову, средь грустных слез,
Ты встретишь в праздничном уборе,
Как в годы счастья, годы грез?

И мне . . . зачем мне украшаться?
Красою чей мне тешить взгляд?

Мои сыны в плену томятся,
Мои враги везде царят. . .

А были дни, в краю свободном
Я в чудном блеске протекал,
И к морю вдаль в просторе водном
Спокойно шел за валом вал.

В те дни я гордо украшался,
Сверкали, искрились струи. . .
А утром ранним отражался
В них отблеск пламенной зари.

Но что же случилось с древней славой
Моих роскошных берегов?
Где храм иль замок величавый?
Где блеск старинных городов? . .

Лишь Арарат не забывает
О славе скрывшейся моей,
И влагой нежно он питает
Мое русло, как мать — детей. . .

Но влаги вечной и священной
Достойны ль мертвые поля,
Где турок властвует презренный
И стонет древняя земля?

Мои сыны. . . Их нет со мною!
Но сколько их в стране чужой,
В борьбе с гнетущею нуждою,
В борьбе за хлеб насущный свой!

Моих сынов враги изгнали,
Отчизну душит низкий плен,
И в дрезний край они прислали
Толпы неверных мне взамен!

Для них ли пышными цветами
Теперь украшу берег свой,
И мне ль пред дикими очами
Блестать чарующей красой?

Пока сыны мои томятся,
Пока для них отчизны нет,
Я буду скорби предаваться, —
И свят да будет мой обет!»

И, белой пеной одеваясь,
В ней скрыл Аракс свою печаль, —
И, точно змейка извиваясь,
Понес он волны к морю вдаль.

1855

**ИЗ ПОЭМЫ
«СМЕРТЬ ХРАБРОГО ВАРДАНА
МАМИКОНЯНА»**

И теперь нам молчать, о друзья, и теперь,
Когда враг нас терзает, как яростный зверь,
Прямо в грудь направляет свой меч роковой,
Не смущаясь рыданьем и скорбной мольбой?
О братья армяне! пора отвечать:
И ныне молчать?

*

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Захватил ухищреньем наш отчий очаг,
Имя Гайка низверг, что блистало в былом,
И великий в веках, обесчещен Торгом,
Лишил языка, отнял скипетр и рать?

И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Отнял меч-оборону, унизив наш стяг,
У работников плуг вырвал дерзко из рук,
Переделал на цепи тот меч и тот плуг?
О горе! в плену мы должны изнывать!

И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Поднимая оружие, как гибельный знак,
Нас танть заставляет рыданья невзгод,
То, что душу гнетет, нам сказать не дает?
Чтобы плакать, где свой нам Евфрат

отыскать?

И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Совершая с надменностью каждый свой шаг,
Голос правды в душе у себя заглушив,
Гонит нас из страны, от родных наших нив?
Скитальцам, нам некуда, братья, бежать.

И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Равнодушно взирая на толпы бродяг,
Нагло руку простер и, преступно глумясь,
Оборвал между братьев последнюю связь?

Так близко погибель армян! Что начать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Нас лишает последних, божественных благ?
Нашу церковь гнетет, чтоб сломить нас верней,
Волка в шкуре овечьей поставив над ней.
Нет храмов, где б нам принимать благодать.
И ныне молчать?

И теперь нам молчать? Что же скажет весь свет,
Если камни и скалы застонут в ответ?
Скажут все, что армяне достойны судьбы,
Что они по заслугам в плену и рабы!
Умели отцы край родной защищать!
Доколе ж молчать?

Пусть молчит тот, кто нем, чей недвижим язык,
Или тот, кто в ярме видеть сладость привык!
Но в ком сердце мужчин, кому честь дорога,
Пусть бесстрашно идет против злого врага!
Кто славой сумел свою смерть увенчать,
Тот вправе молчать!

1856

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ МУЩЕВ

Когда для жизни трудовой
Средь мук рождает сына мать —
Ему точеный, острый меч
Отец в подарок должен дать!

Когда ребенок подрастет,
К игрушкам вкус проснется в нем, —
Пусть привыкает он играть
Бесстрашно гибельным ружьем!

И пусть, когда пора придет
В ученье мальчика отдать,
Он прежде учится мечом
Владеть, — а после уж читать!

Читать, писать — полезно всем. . .
Но мало грамоты одной!
Пролить готов ли ученик
Всю кровь за честь страны родной? . .

И лишь тогда иной удел
Придет для нас в краю родном. . .
Кто сердцем горд и духом смел, —
Не будет нищим и рабом!

(1879)

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

«Ступай, мой сынок, и весь мир обойди,
И, признан великим, назад приходи».

Отправился сын, много поту пролил
И деньги большие, богатство скопил.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»

— «Нет, нет! Ты большое богатство снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

И снова пошел он — к земным мудрецам,
Ученым и гением сделался сам.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»
— «Нет, нет! Ты великую мудрость снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Пошел в монастырь он, укрылся в леса,
Вериги надел и творил чудеса.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»
— «Нет, нет! Ты великую святость снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Он стал полководцем, был ловок и смел,
И много земель покорить он сумел.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»
— «Нет, нет! Ты великую славу снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Пошел он в страну, где гнезился дракон;
Дракона убил исполинского он.
Вернулся к отцу, говорит с похвальбой:
«Не стал ли великим твой сын дорогой?»
— «Нет, нет! Ты великую доблесть снискал,
Но всё же великим доныне не стал».

Он вспомнил тогда, что в плену его брат.
Что братскую руку оковы тягчат.
И вновь он на подвиг тяжелый пошел
И, выручив, брата свободным привел.
Вдруг горы и доли, и море кругом,
И люди, все люди, вскричали о нем:

«Себя позабыв, ты о брате взыскал!
Великим, великим отныне ты стал!»

1880

ЖАВОРОНОК

«Жаворонок, в небо ты зачем летишь.
Песней серебристой в облаках звенишь?»

Отчего не хочешь петь среди цветов,
Там, где ты выводишь маленьких птенцов?»

«Ах, есть много, много горя у меня!
Друг меня покинул, жизнь свою кляня;
Земледелец мирный этим другом был:
Страх перед врагами мир его смутил.

Стал наш край родимый пуст и молчалив,
И растет репейник вдоль армянских нив.

На земле отныне нет покоя мне,
Оттого стремлюсь я к ясной вышине.

Целый день и вечер в небесах я вьюсь,
Целый день я песней господа молюсь,

Чтоб благой десницей нас он защитил,
Чтоб армянский пахарь снова мирно жил,

Чтоб светило счастье нам в родном краю;
Вот о чем под небом грустно я пою».

1880

Геворг Додохян

Геворг Додохян родился в 1830 году в селе Годенлу близ Симферополя. Окончил в 1859 году Дерптский университет. В период учебы в университете написал свое знаменитое стихотворение «Цицернак» («Ласточка»), ставшее популярной народной песней. После окончания Дерптского университета учительствовал на Северном Кавказе. С 1867 года жил в Симферополе. Долгие годы преподавал здесь в семинарии.

Умер Геворг Додохян в 1908 году.

Додохян известен как автор одной-единственной песни «Цицернак», хотя в 1930-х годах были обнаружены и изданы на армянском языке многие его стихотворения (Тбилиси, 1939).

ЦИЦЕРНАК

Цицернак, цицернак,
Гость пернатых ватаг,
Ты куда же летишь,
За зигзагом зигзаг?

Чрез поля, чрез овраг
Мчись в родной Аштарак
И под кровлей родной
Свей гнездо, цицернак!

Там, далеко, с тоской,
Мой отец, весь седой,
Сына милого ждет
С каждой новой зарей.

Мой привет в этот дом
Передай перед сном
И скажи: «Ах, старик,
Плачь о сыне своем!»

Расскажи, сколько бед
Я терплю много лет;
Что все дни я в слезах,
Что полжизни уж нет.

Для меня небосклон
От зари затемнен,
На глаза мои в ночь
Не спускается сон.

Ах, без пользы вдали
Силы сердца ушли.
Я — красивый цветок
Без родимой земли.

Улетай, цицернак!
За зигзагом зигзаг,
Мчись к армянской земле,
В мой родной Аштарак!

Газарос Агаян

Газарос Агаян родился в крестьянской семье 4 апреля 1840 года в селе Болнис-Хачен, близ Тифлиса. В 1853 году поступил в Нерсисяновскую семинарию, которую из-за нехватки средств не окончил. Работал наборщиком в Тифлисской типографии. В 1862—1867 годах работал наборщиком в Москве (типография Лазаревского института восточных языков) и в Петербурге (типография Академии наук). Занимался самообразованием, изучал русскую и европейскую литературу. Вернувшись на родину, всецело отдается литературной и педагогической деятельности. Агаян — автор учебника «Родной язык», мемуарной книги «Главные события моей жизни». Написал роман «Две сестры», стихотворения и сказки для детей. Из лирики широко известно стихотворение «Прялка».

Умер Газарос Агаян 20 июня 1911 года.

В 1939—1950 годах были изданы на армянском языке сочинения Г. Агаяна в четырех томах; на русском языке: Избранное, Ереван, 1941.

ПРЯЛКА

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая, тянись:
Нужд немало впереди!

Масла я влила в ушки,
Прикрепила рукоять;
Ну, пряди, пряди мотки,
Двигай крыльями опять!

Прялка, ты вертись, вертись,
Колесо свое вращай,
Нитка толстая, тянись,
Веретена оплетай!

Тиграник мой к пастуху
Ходит в поле босиком.
Габриэл продал чуху,
Плачет ночью, плачет днем.

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая, тянись:
Нужд немало впереди!

Ни мешка нет, ни ремня,
Ни веревки, ни сумы;
Не бывало прежде дня,
Чтобы так нищали мы!

Ах, невестой я ткала
И паласы и ковры;
Замуж вышла — продала
Даже войлок с той поры!

Красный день мой почернел,
Тот пришел, кто в долг давал;
С черным сердцем, что хотел,
Всё унес, всё отобрал.

Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая, тянись:
Нужд немало впереди!

Смбат Шахазиз

Смбат Симонович Шахазиз родился в семье священника 5 сентября 1841 года в селе Аштарак, близ Еревана. Окончил в Москве Лазаревский институт восточных языков (1860), получил в Петербургском университете степень кандидата восточных языков (1867). Первый сборник стихов «Часы досуга» (1860) отмечен романтическими настроениями. Испытал воздействие Микаэла Налбандяна, что отразилось в новом стихотворном сборнике «Скорбь Левона и различные стихотворения» (1865). Лирика зрелого Шахазиза гражданственна и социально значительна. В последний период жизни занимался преимущественно публицистикой: «Голос публициста» (1881), «Летние письма» (1897), «Воспоминания о празднике Варданидов» (1901), «Несколько слов моим читателям» (1903).

Умер Смбат Шахазиз 24 декабря 1907 года в Москве.

Литература на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1961; на русском языке: Юрий Веселовский, Армянский поэт Смбат Шах-Азиз. Критический этюд и избранные произведения Шах-Азиза, М., 1905.

СОН

Я услышал нежный голос,
К старой матери склонен,
Сердце с радостью боролось...
Горе! Это был лишь сон.

Там журчал ручей струистый,
Жемчугами опенен,
Как хрусталь прозрачно чистый...
Горе! Это был лишь сон!

Грустной песнею волнуем,
Был я детству возвращен.
Мать приникла поцелуем...
Горе! Это был лишь сон.

Мать отерла мне в печали
Взор мой — был он затенен.
Ах, но слезы всё бежали:
Почему то был лишь сон?

2 января 1864

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВЯТОЙ ТРУД!

Была пора любви беспечной. . .
 На струнах лиры молодой
Я пел о страсти бесконечной,
 Объятый пламенной мечтой. . .

И муза неги самовластно
 Внушала песни мне свои,
О чудных снах шептала страстно,
 О сладких грезах, о любви. . .

Я возмужал — и сбросил смело
 Ревнивой музы власть и гнет. . .
И честный труд, святое дело
 К себе мечты мои влечет!

Я услышал рыданий звуки
 И вздохов тяжких в грустный миг. . .
Я горечь слез познал и муки,
 Мольбы народа я постиг. . .

И дал обет служить всецело
 Я ближним песнею своей. . .
И честный путь прославит смело
 Певец трудящихся людей!

1 июня 1864

АШТАРАК

Листвой деревьев осенен
Мой Аштарак родной. . .
Там воздух чист и небосклон
Сияет голубой. . .

Кругом поля, как изумруд,
Душистые цветы. . .
И травы пышные растут
Там редкой красоты.

Село родимое лежит
Над быстрою рекой.
Форель резвится и шалит
В волнах ее порой. . .

Разлит волшебный аромат
В приветливых садах,
И воды ласково журчат,
Что вдаль несет Касах.

Но мрак невежества гнетет
Там робкие умы.
И задыхается народ
Под игом вечной тьмы!

Грущу я часто в тишине,
Красу твою любя. . .
О Аштарак! Подобно мне
Любил ли кто тебя?

Когда весь мир в объятых сна, —
 Как прежде, я томлюсь. . .
В полночный час душа грустна,
 Я за тебя молюсь.

2 июня 1864
Богородск

Дживани

Дживани — псевдоним Сероба Бинголяна-Левоняна. Родился в крестьянской семье в 1846 году в селе Карцах (Ахалкалакский район Грузии). Начальное образование получил в родной деревне. Зарабатывал себе на хлеб тем, что сам исполнял свои песни в Александрополе (ныне Ленинакан), Тифлисе... Песни Дживани в его собственном исполнении пользовались огромной популярностью. Его лирика пронизана народным мироощущением и близка к песенному фольклору. Лучшие стихотворения Дживани стали народными песнями и по сей день любимы в народе. Дживани был крупнейшим представителем так называемой ашугской поэзии.

Умер Дживани 20 февраля 1909 года в Тифлисе.

Сочинения на армянском языке: Лира Дживани, Ереван, 1959; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

В ЭТУ НОЧЬ

Виночерпица! дай мне вина в эту ночь.
Я томлюсь, и душа так мрачна в эту ночь.
Чем-нибудь пусть замлеет она в эту ночь,
Чтоб недаром страдать мне без сна
в эту ночь!

Сделай милость, красавица, сядь, отдыхай!
О хвалимая, боли моей сострадай!
Что в седых погребях, то вино мне подай,
На огонь мой лей воду до дна в эту ночь!

Дай мне, милая, руку: тобой — я пленен;
Мы в одно съединим нежный звук двух имен;
Ведь ты видишь: ко мне не придет уже сон.
Выйдем в сад, даль — чиста, даль — ясна
в эту ночь.

Сколько раз, милый друг, я делил твою боль.
Покориться тебе, быть рабом мне позволь.
Любишь, нет ли, скажи! ах, солгать —
хорошо ль?!
Доскажи до конца, всё сполна — в эту ночь.

Ах, внемли! в эту ночь можешь ты мне помочь!
 Постарайся смущенье свое превозмочь;
 Если нам друг для друга цвести, — цени прочь!
 Будет данная клятва прочна — в эту ночь.

1882

* * *

Как дни зимы, дни неудач недолго тут:
 придут — уйдут.
 Всему есть свой конец, не плачь! Что бег минут:
 придут — уйдут. . .
 Тоска потерь пусть мучит нас; но верь, что беды
 лишь на час:
 Как сонм гостей, за рядом ряд, они спуют:
 придут — уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение племен,
 Как караваны, что под звон в степи идут:
 придут — уйдут.
 Мир — сад, и люди в нем — цветы! но много
 в нем увидишь ты
 Фиалок, бальзаминов, роз, что день цветут:
 придут — уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись! итак, ты, слабый,
 не грусти!
 События должны идти, творя свой суд:
 придут — уйдут.

Смотри: для солнца страха нет скрыть в тучах
свой палящий свет,
И тучи, на восток спеша, плывут, бегут:
придут — уйдут.

Земля ласкает, словно мать, ученого, добра,
нежна;
Но диких бродят племена, они живут:
придут — уйдут...
Весь мир — гостиница, Дживан! А люди —
зыбкий караван!
И всё идет своей чредой: любовь и труд, —
придут — уйдут.

1892

ЛЮДИ

Славнее тварей всех земных, — кто выше нас,
людей?
Но сотни тысяч раз, увы! — как низок
нрав людей!
Ни бодрости, ни верных дружб, ни дней
веселых нет.
Как разгадать причину бед, откуда грусть
людей?

От них самих такая боль, и муки, и тоска.
Изнашивает их юдоль, и жизнь их коротка.
Умы людские — черных туч бездомные пути.
Они не знают, что творят, куда, зачем идти.

Хозяева зверей и птиц, ремесел господ,
Властители вещей и сил, — крепка людская
власть.

Навек закреплена их связь, порука их тверда,
Не распадется никогда, да и не в силах пасть.

Да, человечесий облик юн, о Дживани-ашуг!
Не ярк свет людских лампад и вверх
не вознесен.

Мы — как подростки. Долог наш
младенческий досуг.

Мы будто в колыбели спим, и сладок
ранний сон.

1899

АШУГ

Хоть не крылат певец-ашуг, —
Сегодня тут, а завтра там,
Пернатым брат певец-ашуг, —
Сегодня тут, а завтра там.

То хочет пить, то хочет есть,
То слышит брань, то слышит лесть,
И так весь век ему провесть, —
Сегодня тут, а завтра там.

Ашуг родился светляком,
Разносит вести, всем знаком,

Он облако под ветерком, —
Сегодня тут, а завтра там.

В надежде тщетной он бредет,
То в город, то в село пойдет;
Он вдруг, как молния, падет, —
Сегодня тут, а завтра там.

Дживан! Ему покоя нет,
Пчелой летает много лет;
Так и покинет белый свет, —
Быть может, тут, быть может, там.

1902

НАРОДНЫЙ ГНЕВ

Гнев народа — как поток ужасный,
Спорить с ним, бороться — труд напрасный.
Коль восстанет, беспощадный, страстный,
Он утес-громаду разнесет!

От огня, гордец, ты станешь черен,
Коль умен — будь пламени покорен.
Рой пчелиный в ярости упорен —
И вишала страшного убьет.

Человек комочком теста мнится,
Но могучий порох в нем таится.
Не шути с народом: коль сплотится —
Горы сдвинет, в море их сметет.

Тяжела пощечина народа,
Гнев его страшнее год от года.
Будет день, и сокрушит свобода
Всех — кто ныне прахом нас зовет.

1905

Петрос Дурян

Петрос Дурян родился в семье бедного кузнеца 20 мая 1852 года в Константинополе. После окончания школы (учился с перерывами — надо было зарабатывать на жизнь) перепробовал ряд профессий: ученик аптекаря, приказчик, актер.

Жизнь Петроса Дуряна была недолгой, он заболел туберкулезом и умер 21 января 1872 года, не прожив и полных 20 лет.

Дурян оставил после себя исторические пьесы («Арташес I», «Падение династии Аршакидов», «Взятие Ани, столицы Армении», «Тигран Второй» и др.), проникнутые духом патриотизма. Славу поэта составили, однако, его лирические стихотворения.

В 1971—1972 годах издан двухтомник сочинений Петроса Дуряна на армянском языке. На русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

МОЯ СМЕРТЬ

Если смерти ангел бледный
Мне предстанет, взор склонив,
Свет скорбь рукой победной, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если светом бледным свечи,
Ложу смерти озарив,
Мне зальют лицо и плечи, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если друг, в слезах, быть может,
Льдистым саваном обвив,
В черный гроб меня положит, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если колокол застонет —
Смерти смех, ее призыв,
И мой гроб в толпе потонет, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если близкие, с рыданьем
Гроб в могилу опустив,
Не промедлят с расставаньем, —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если ж та могила станет
Всем чужой и навсегда
Память обо мне увянет. —
Знайте, что я мертв тогда!

1871

МОЯ СКОРБЬ

Я не о том скорблю, что, в жажде сновидений,
Источник дум святых иссякшим я нашел.
Что прежде времени мой нерасцветший гений
Сломился и поблек под гнетом тяжких зол:

И не согрел никто горячим поцелуем
Ни бледных уст моих, ни бледного чела:
И, счастья не познав, любовью не волнуем,
Смотри: уж предо мной зияет смерти мгла. .

И не о том скорблю, что нежное созданье,
Букет из красоты, улыбки и огня,
Не усладит мое последнее страданье,
Лучом своей любви не озарит меня. . .

Я не о том скорблю. . . Нет, родине
несчастной —
Все помыслы мои. . . О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской
напрасной,
Безвестно умереть, — о, как мне жаль, как
жаль!

1871

РОПОТЫ

Прощайте, бог и солнце, — мир лучей,
Горящий знойно над душой моей!
Собой умножу в небесах огни.
Что звезды? Не проклятье ли они
Несчастных, неповинных душ, чело
Браздящих неба горько и светло?
О, ружья огненные бога, вы —
Основы молний. перлы синевы!

Что я сказал? Испепели меня,
Разбей, о боже! Атом жалкий, я
Осмелился стремиться к небесам!
Желал взнестись к божественным огням!
Молюсь тебе, о боже, в дрожи мук,
Цветение и луч, волна и звук,
О, снявший розу с моего чела,
Огонь — с счей, с уст — трепет, блеск —
с крыла!
Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму!
Сказал, что в смерти я тебя пойму.
За гробом жизнь, о верю, для меня

Ты сохранил: молитв, цветов, огня!
А если мне исчезнуть суждено,
Беззвучно, безответно пасть на дно, —
Дай бледной молнией теперь же стать,
Над именем твоим, восстав, кричать,
Что ты — «бог мести», впиться в грудь твою
Проклятием, подобно острию!

Ах, я дрожу, я бледен, я заклят,
Во мне вся внутренность кипит, как ад...

Меж стонов кипарисов черный вздох,
Я — лист осенний, что поблек, иссох.
Мне искру дайте, искру, чтобы жить!
Как после грез холодный гроб взлюбить?
О боже, как судьба моя черна!
Могильной сажей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени в нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мне в душу падайте, огни небес,
Чтоб ваш любовник горестный воскрес!

Весна челу ни розы не дает,
Ни луч с небес улыбкой не скользнет:
Ночь — гроб мой; звезды — факелы; уныл,
Блуждает месяц, плача, средь могил.
Для тех, над кем никто не сронит слез,
Ты этот месяц в небеса вознес.
Кто к смерти близки, всё же нужны тем
Сначала — жизнь, и плакальщик затем.
Писали тщетно звезды мне: «Любовь!»,
Пел тщетно соловей: «Люби же вновь!»

Твердили тщетно ветры о любви,
И отражали ясный лик ручьи!
Напрасно лес при мне был молчалив,
Молчали листья, тайну затаив,
Чтоб не смутить мечты святой моей,
Напрасно я всегда мечтал о ней,
Напрасно вы, весенние цветы,
Струили ладан на мои мечты!
Нет, всё смеялось в злобе торжества,
И этот мир — насмешка божества!

1871

Иоаннес Иоаннисиан

Иоаннес Мкртичевич Иоаннисиан родился 26 апреля 1864 года в Вагаршапате (ныне — район Эчмиадзина). С 1877 года учился в Москве, вначале в гимназических классах Лазаревского института, а затем на историко-филологическом факультете университета (окончил в 1888 году). Долгие годы учительствовал (Эчмиадзин, Тифлис, Баку), преподавал русскую литературу, а также историю всеобщей литературы. С 1912 года по май 1918 года был председателем училищной комиссии при Бакинской городской управе. В дни Бакинской коммуны продолжал работать в качестве члена Городского совета и заведующего Отделом народного образования.

Иоаннес Иоаннисиан приветствовал Октябрьскую революцию и установление советской власти в Армении. С 1922 года работал в Законодательной комиссии при Совнаркоме Армянской ССР.

Умер И. Иоаннисиан 29 сентября 1929 года на даче под Ереваном.

Три стихотворных сборника Иоаннисиана (1887, 1908, 1912) имели большое значение для новоармянской поэзии.

Сочинения на армянском языке: Собрание сочинений в четырех томах, Ереван, 1964—1966; на русском языке: Лирика, М., 1963.

ПЕВЕЦ

Когда в родной стране моей
Места украсятся святые,
И небо хмурое над ней
Очистят звезды золотые,
И солнце светом и теплом
Народное развеет горе,
И из руин восстанет дом,
И тишиной заблещет море, —
Тогда настрою я свою
Давно заброшенную лиру
И то, что я в душе таю,
Отдам воспрянувшему миру.
Я воспою отчизну вновь,
Меня цветами доли встретят.
Восславлю к родине любовь —
И звезды радостней засветят...
Но время трудное идет,
А вы в сетях молитв живете,
Певца не слушает народ.
Вы только чуда с неба ждете.
Я тоже верю небесам,
И с вами я готов молиться,
Но если бог откажет нам —
Я буду сам за счастье биться.
1879

*

УЗНИК

Меня оставил солнца свет.
И мрак всё небо заволок. . .
Надежда лжет — возврата нет,
А вольный мир далек, далек.

В углу, покрытом темнотой,
Влачу я дней моих беду,
Печаль и скорбь всегда со мной,
Нет радости, кого я жду?

Свобода светлая, когда ж
Мои мечты тебя найдут, —
Когда же ты, свобода, дашь
Опустошенному приют?

1880

ПУТНИК

Студеный ветер мечется, гудит
По тополям и по кустам безлистным
И хлопья снега в воздухе кружит,
Окутав горы покрывалом мгlistым.
Шатает путника и хлещет по глазам,
И не видать дороги преходящей, —
Он подымает взоры к небесам,
А небо смотрит женщиной скорбящей.

Но скоро солнце радостно взойдет,
Подымеется с улыбкой золотою.
Природа, как ребенок, ласки ждет,
Чтоб заиграть весеннею листвою.

1883

* * *

Пусть солнце сегодня закрыто тьмой,
Пусть раны души без конца горят
И, словно мачеха, перед тобой
Судьба ставит кубок, где только яд, —

Придет когда-нибудь твой рассвет,
Забудешь ты горечь годов былых,
В душе засияет надежды свет,
Сверкнет вдохновение слез живых.

1886

ДВА ПОЦЕЛУЯ

Когда по жилам кровь бежит, бурля,
И силам юным нет конца и края,
И вся в цветах нам видится земля,
И жизнь чарует нас блаженством рая, —
Тогда любовь нам поцелуй дарит.
Ее уста смеющиеся ярки.

Но поцелуй коварен — он горит,
И жжет, и лжет, как бред безумца жаркий.

Но в грозный час, когда сказать «прости»
Ты должен всем мечтам неутоленным,
Всему, всему, что встретилось в пути.
И даже скорби, даже горьким стонам, —
К немым устам приникнет в этот час
Немая смерть холодным поцелуем.
Тот поцелуй уж не обманет нас,
Он верен, бесконечен, неминуем.

1886

ЦАРЬ АРТАВАЗД

Легенда

Бей молотом по наковальне, кузнец!
Бей молотом: звенья да крепнут цепей!
Врага ненавистного звенья цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

Угрюмые тучи пришли, собрались,
Седого Масиса чело облекли.
И буря ревет, словно звери сошлись,
Свистит, стонет, буйствует ветер вдали.

Бей молотом! Ну! Дикий рев повторя,
Ужасные вопли из бездны звучат,

И молния блещет со взоров царя,
И искры от гнева высоко летят!

Он, мстительный, хочет вернуться опять,
Чтоб яд смертоносный страданий своих
По лону земли без конца разливать, —
Но крепко он стиснут в цепях роковых.

Пусть верные псы те оковы грызут,
Грызут беспрестанно оковы царя, —
Страданья твои, Артавазд, не пройдут, —
Последняя в мире — далеко заря!

Твоей обессиленной злобы порыв
Под молотом нашим опять упадет!
Мы верим: наш край еще будет счастлив,
И грешный народ еще благо найдет!

Но если будем подобны камням,
Расслышать не сможем призывов души, —
Спасенья купель не откроется нам:
Наш молот тогда, Артавазд, сокруши!

Когда перестанем мы молотом бить,
Вы, псы, разгрызите железо оков:
Пора наступила — царя отпустить,
Он ринется в мир, и жесток и суров. . .

Но нет! Не пришла роковая пора!
Нам с нового неба затеплился свет!
То — радуги в семь переливов игра:
Свободной и светлой судьбины завет!

Бей молотом, бей неустанно, кузнец!
Бей молотом: звенья да крепнут цепей!
Царя ненавистного тяжесть цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

1887

ПЕВЦУ

Пусть прелесть песенных созвучий,
Родившись в глубине сердечной,
Своей гармонией певучей
Разбудит дремлющих беспечно.

Зажги в нас пламень благородный
Больших страстей, большого чувства —
И мы поклонимся свободной,
Бессмертной правоте искусства.

1887

* * *

Я знаю: горе найдет меня,
Куда бы я ни посмел уйти,
И жизнь, за собою всегда маня,
Жестоко обманет на полпути.
Я знаю: призраки злых надежд
Душе приносят одну печаль.

Не разомкну я усталых вежд,
Чтобы взглядеться в пустую даль.

Я знаю. . . Но ты об этом забудь
И снова мне прежнюю дай мечту.
Пусть в ней заблещет утраченный путь
И солнце, зовущее в высоту.
Скажи, что застенчивая луна
Улыбкой своей ко мне снизойдет,
Что будут глаза — как море, без дна,
Чтоб думать о них всю ночь напролет.

1887

АРАЗ

Бежит Араз, плеща волной,
О скалы бьет седой волной.
Где утопить тоску мою, —
О камни биться головой?

Ты быстро воды мчишь, Араз,
Видал ли милую хоть раз?
Я отыскать ее не мог,
Быть может, ты нашел, Араз?

Ах, ветер стонет, как живой,
Брожу от страсти сам не свой.
Хотя бы весточку подай,
Река моя, не будь немой!

Покоя ночью не найду,
Пишу любимой, как в бреду;
Араз, едва блеснет заря,
К тебе с тоской своей приду!

На голый камень луч упал,
Огнем убит я наповал.
Огнем бровей и темных глаз
Испепеленный, я пропал!

Бежит Араз, плеща волной,
О скалы бьет седой волной,
Где утонить тоску мою, —
О камни биться головой?

1887

* * *

Умолкли навсегда времен былых народы,
Родились новые народы в смену им;
И с пальмой нежною зиждительной свободы
Склонилось счастье к народам молодым.

И слава прадедов, забрезживши звездою,
Роняет им свой луч и светом гонит зло;
И, добытый трудом, печалью и борьбою,
Венок бессмертия венчает их чело.

Лишь только ты одна, Армения родная,
Лежишь как труп живой; мне горестно взглянуть:

В цепях тоскуешь ты, прекрасный лик склоняя,
Разметана твоя истерзанная грудь.

Из-под твоих руин не глянет ветвью новой
Зеленый мирт любви — спасения символ;
Возложен на тебя тоски венец терновый,
Венец немых скорбей и вековечных зол!

Но нет, ты не умрешь! Я верю в обновленье;
Оно должно прийти, — оно к тебе придет!
Во мраке вековом горит звезда спасенья!
Проснись, близок час, о родина, — он ждет!

Всё то, что некогда в душе твоей боролось,
Пусть вспыхнет вновь! Воспрянь во прахе
и пыли!
Хоть полумертвая, услышь, подай свой голос, —
Твои сыны придут со всех концов земли! . .

1887

* * *

Дорогая, усни! Сладкий сон призови,
Чтобы очи сомкнуть у меня на груди.
Полнозвучной волной песнопений любви
Очарованный слух до зари услади.

Благовонными розами я уберу
Твои кудри и грудь, колыбель всех отрад.

Спи, царица моя, спи, пока поутру
Стаи радостных птиц в небеса не взлетят.

И едва только золото первых лучей
Заиграет, горя, над твоей головой,
Пусть разбудит тебя голос страсти моей —
На багряных губах поцелуй огневой.

1891

* * *

Всё вперед, всё наверх! Бесконечен мой путь,
Истомилися руки, о где же конец?
Где удастся коленам моим отдохнуть?
Всё вперед, всё наверх, непреклонный боец!

Пусть твердеют уступы нахмуренных гор,
Пусть грозней предвещают стремнины конец,
Есть дыханье в груди, и ногам есть упор,
Всё вперед, всё наверх, неустанный боец!

Пусть далеко вершина, светла и чиста,
Пусть еще не сегодня страданьям конец,
Завтра будет, наверно, победа взята.
Всё вперед, всё наверх, вдохновенный боец!

1896

Не тоскуй, мой брат, не страшись, мой брат,
Этой черной тьмы, полонившей взгляд.
Это — света весть, это — клич добра,
Эта тьма — зари молодой сестра!

Иль не видел ты, как за бурей вслед
В небесах горит победивший свет
И сияет вновь солнце над землей,
Обнимая мир, расточая зной?

Ты еще несешь крест нелегкий свой,
Но спасенья час — он не за горой.
На Голгофу кровь щедро пролилась —
Лишь тогда настал воскресенья час.

1896

НОВАЯ ВЕСНА

Некому ждать тебя, —
Зачем ты идешь, весна?
Некому петь тебя, —
Напрасно идешь, весна!

Над миром — полночи гнет,
Кровь по горам течет,
Горе принес нам год, —
Зачем ты идешь, весна?

Соловей прилетит — но что ж?
На радость ли ты придешь?
Чье сердце почувет дрожь?
Напрасно идешь, весна!

Да и розы на свете нет,
Украшенья юдоли нет.
Нет сердца без боли, нет!
Зачем ты идешь, весна?

Вот ты возвратила птах.
Как жить им в своих домах?
Вся моя родина — прах...
Напрасно идешь, весна!

Сомкнулись ашуга уста,
Саз-кяманча заперта,
Душа огнем залита, —
Зачем ты идешь, весна?

Некому ждать тебя, —
Напрасно идешь, весна!
Некому петь тебя, —
Зачем ты идешь, весна?

1897

* * *

Он лежал на холодной постели,
И вздыхал, и внимал он, как звонко
Буря выла и вихри шумели
И стонали стенаньем ребенка.

Мрак чернел в одиноком оконце. . .
Он, простерт на холодной постели,
Воздыхал о пылающем солнце,
И стонал он, и вихри шумели.

1908

* * *

Лучами растопило снег,
И зеленеет на приволье
Под солнцем пламенным весны
Пшеницы молодое поле.

Ручей струится, и журчит,
И убегает торопливо.
В струю прозрачную его
Глядит безлиственная ива.

1911

В. БРЮСОВУ

Где раньше — глыбы руин
Видали люди в ночи
Да между голых вершин
Слыхали — плачут сычи, —

Обрел ты, скорбный поэт,
Поющий в дальнем краю,
Седого прошлого свет —
В слезах отчизну мою.

И понял — можем мы петь.
Хотя пока мы рабы.
Хоть суждено нам терпеть,
Но жребий нашей судьбы —
От древних кладбищ найти
К свободе светлой пути.

1916

НА БЕРЕГУ МОРЯ

На берегу стою один,
Тоски не в силах побороть я...
А море рвется из глубин,
Над головою туч лохмотья.

Поднялись волны, как холмы,
И с ревом рушатся на скалы,

А я с утеса, как с кормы,
Гляжу, смятенный и усталый.

Валы спешат к моим ногам,
Им скользкий камень не помеха,
И далеко по берегам
Победный рев разносит эхо.

О чем поете вы, о чем —
Сурово, ласково и грозно?
Кого разите, как мечом,
Кого жалеете так слезно? . .

Моя смятенная душа
В том море, буйном и суровом, —
Своей печали не глуша,
Свой плач с его сливает ревом.

1916

Александр Цатурян

Александр Овсепович Цатурян родился в бедной семье 11 апреля 1865 года в г. Закаталы (Азербайджан). Учился в местном церковно-приходском училище, а затем — в трехклассном уездном училище. В начале 1890-х годов переехал в Москву, где и прожил большую часть своей жизни. Начал писать в юношеские годы. Первый сборник «Стихотворения» вышел в свет в 1891 году. Поэзия Цатуряна глубоко демократична. Лучшие свои стихотворения поэт посвятил жизни трудящихся людей, их чаяниям и их борьбе. Известен Цатурян и как переводчик русских и европейских поэтов. Он издал два тома стихотворных переводов «Русские поэты» (М., 1905).

Умер Александр Цатурян 18 марта 1917 года в Тифлисе.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1958; на русском языке: Стихотворения, Л., 1958.

К ЧЕРНИ

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет? . . .»

Пушкин

Чего ты хочешь, чернь тупая,
От лиры вольного певца?
Зачем, камнями осыпая,
Его ты травишь без конца?

Чего ты требуешь? Того ли,
Чтоб, душу пылкую смирив,
Он от своей отрекся воли,
Колена пред тобой склонив?

Того ль, чтоб чистую, святую
Он песню вынес на базар
И пел смиренно аллилуйю
Тому, кто платит за товар?

Иль, словно раб, лишенный чести,
Чтоб он простерся ниц в пыли,

В твоих рядах, с тобою вместе
У ног властителей земли?

О злая чернь, ты мне презренна!
Твои страдания — жалкий бред!
Сияет солнце неизменно,
И тьме не пересилить свет!

Знай, если к небу рвется пламя
Из самых недр земной груди, —
Его не угасят струями
Унылой осени дожди!

Знай, если высоко в лазури
Орел могучий держит путь, —
Его не остановят бури,
Его на землю не вернуть!

Так дай мне руку, чернь слепая,
Дели с певцом его мечту,
И ты прозреешь, познавая
Добро, и свет, и красоту!

Июнь 1889

* * *

Довольно призраки блаженства обещали
Усыпать розами мой скромный, грустный путь!
Довольно сны любви покой души смущали,
Несбыточной мечтой мою тревожа грудь!..

Цветущей юности беспечным наслаждениям
Я говорю теперь последнее прости!
Я песни в дар принес невздам и мученьям,
И новому, тернистому пути! . .

1890

ТЕБЕ МОЕ СТРАДАНИЕ

О правда, идеал святой,
Тебе мое страданье!
Я посвятил тебе одной
Мое существованье!

В борьбе житейской сколько раз
Я был твой верный воин!
Зато каких бывал подчас
Насмешек достоин!

Меня хотели затравить,
Ничтожества старались
Мой честный голос заглушить,
Но, злые, просчитались!

Когда же черных их сердец
Коснулся меч мой правый,
Пытался не один подлец
Мой хлеб смешать с отравой!

Но ты зови, зови меня,
О правда, в гущу боя!
Ты щит мой, ты душа моя!
Я не хочу покоя!

1893

ПРОДАЖНАЯ ПЕЧАТЬ

В газете читаю
Хвалу негодяю,
Который народные деньги сосет.
Я всё понимаю
И только не знаю:
А сколько ж газета за строчку берет?

(1896)

* * *

Мрачна, темна душа моя!..
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем.

О беспредельной зыби даль!
Ты тоже мечешься, бушуй,

Тебе сродни моя печаль,
Ты ропщешь, как и я, тоскуя.

Внемли же мне, поплачь со мной
И отзовись на голос друга!
Быть может, сблизившись душой,
Мы позабудем боль недуга.

Иль пусть, как сестры, навсегда
Печали наши и томленья
В волнах исчезнут без следа
И там найдут покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя!
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я —
Тоскою поделиться с морем! . .

1896

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Окована цепями ледяными,
Лежит земля безмолвствуя и ждет,
Что день весенний чарами своими
Былую жизнь и радость ей вернет.

Вот так и мой народ, — терпя гоненье,
Ты ждешь, надеясь долгие года,
Что новое восстанет поколенье
И цепи рабства сбросит навсегда!

1898

ВОЛНЫ И ДУМЫ

Волнуется море. Вздогают горами
Мятежные волны — гиганты седые,
И стонут, и бьются о берег валами,
И рвутся вперед боевыми рядами,
И падают снова в объятья стихии.

Безумны вы, с вечной судьбиною споря:
Нет жизни у вас за пределами моря!

Волнуется сердце. За думою дума
Вздыхаются в нем, рвутся к свету свободы,
Кипят, словно волны, и снова угрюмо,
Под говор зловещий житейского шума,
В груди замирают, не видя исхода...

Безумны вы, думы о вольной отчизне:
За гранями сердца нигде нет вам жизни!

1898

ПЕСНЯ ВОИНА

Лети, мой конь, лети скорей
В разгар давно желанной битвы, —
Падем в бою — так помянут
Нас бедной родины молитвы!
Неси меня в тот славный край,
Где бились прадеды и деды,
Где мой народ и день и ночь
Свои оплакивает беды!

Прошли года, века прошли, —
Он жил лишь светлыми мечтами,
Не видя проблеска надежд
И под родными небесами.
Клонясь покорно пред судьбой,
Он долго ждал расцвета силы,
А лютый враг его сынам
Копал кровавые могилы.
Ценою смерти я готов
Купить хоть день свободной жизни
Стране, томящейся в плену,
В цепях страдающей отчизне!

Лети ж стрелой, лети, мой конь,
В последний бой, на поле брани —
Туда, где смерть в рядах бойцов
Сбирает дерзостные дани! . .

1898

МОЛИТВА АРМЯНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Не прошу у тебя я, о боже, венков,
Телеграмм, адресов, юбилеев, речей;
Ни посмертной любви, ни надгробных цветовъ.
Всё я буду иметь от отчизны моей.

Одного лишь прошу я, о щедрый господь, —
Что от родины мне не дается в удел:
Иль пошли мне насущного хлеба ломоть,
Или дар, чтобы воздухом жить я умел.

1901

БЕДНЫЙ ВОР

Ко мне проник однажды вор. . .
С какой надеждой он, несчастный,
Перелезал через забор,
Не знаю. . . (не совсем мне ясны
Воров расчеты). Но, гляжу,
Он в комнате тихонько бродит
(А я, уже раздет, лежу)
И медленно ко мне подходит.
Я притворился, будто сплю,
Но не свожу с пришельца взора
И каждый шаг его ловлю.
Что, думаю, приманит вора? . .

Подробно рассмотрел он всё,
Вплоть даже до пустых бутылок,
И, видя лишь старье, тряпье,
С досадой почесал затылок.
Увидел: нет нигде монет,
Всё скромно, бедно и убого,
И даже ценных стульев нет.
Вот только книг уж очень много.
Сообразив, что делать, вмиг
Он ряд забрал, подкравшись к полкам,
Моих покрытых пылью книг
И, грустный, вышел тихомолком,
А я, в раздумье погружен,
Подумал: «Право, жаль детину!
Армянских книжек связку он
Продаст навряд ли армянину!»

1901

ЗАСЕДАНИЕ

Собрались армяне решать дела.
Царил в заседание порядок особый:
Председателем Страсть у нас была,
Секретарем — Вражда, оратор — Злоба.

Всё сразу смешалось в общий рев,
И Драка взяла последнее слово.
Так мы разошлись в конце концов,
Но толку не было никакого.

И только при выходе, у дверей,
Мы встретили скрюченное создание,
И это была Справедливость — но ей
Не дали доступа на заседание.

1901

К МАМОНЕ

Однажды Мамоне я задал вопрос:
«За стол твой обильный, меж лавров и роз,
И мне бы хотелось когда-нибудь сесть. . .
Какие пути для этого есть?»

Ответил Мамона: «В объятья мои
Тебя приведут лишь кривые пути.
На свете их много, и каждый хорош,
Как только с прямой дороги свернешь!»

1901

Я ПУТНИК УСТАЛЫЙ

Я путник усталый. Я одинок.
Так много прошел я в жизни дорог.
Прошел я, сестра, по гóрам и дóлам,
И счета не знал я дням невеселым.

Я путник усталый. Я одинок. . .
И вот предо мной твой милый порог.
Сестра, я не ведал конца ненастью,
Ужель не откроешь мне двери к счастью!

1908

ЗАВЕЩАНИЕ АРМЯНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Когда умру, — во имя неба,
Не воздвигайте мне гранитных глыб!
А положите корку хлеба
И напишите:
«С голоду погиб. . .»

1910

МАТЬ

С весенних дней, отцветших навсегда,
Твою любовь, о мать, я вспоминаю.
В тумане жизни, через все года,
Ее печальный светоч сохраняю.

Как сказка с недосказанным концом,
Как песня недопетая, быть может,
Она о счастье говорит былом
И струны сердца горестно тревожит.

С весенних дней звучит мне голос твой,
О мать моя, в тоске воспоминанья.
Как свет зари — была мне жизнь с тобой,
Жизнь без тебя — холодный мрак страданья!

1912

ОТЧИЗНА

Еще в младенчестве, мечтая безмятежно,
Отчизна грустная, тебя любил я нежно;
И тихо пела мать, склонившись надо мной,
На языке твоём, заветный край родной.

Когда же вырос я, с твоей судьбой печальной
Сроднился я навек, мой край многострадальный!
Гонимый с давних пор, священный твой язык
Мне в душу, как псалом торжественный, проник.

Твоих невзгод ашуг, я пел не умолкая
Про скорбный твой удел, отчизна дорогая,
Про тяжкий гнет оков, про море жгучих слез, —
И светлый рой надежд и прелесть тайных грез!

О край мой, вековым прославленный страданьем,
Твой образ окружен немеркнувшим сияньем!

Пусть в наши дни кипит кровавый, грозный бой, —
Я верю, родина, что день уж близок твой!

Я верю. . . Как дитя счастливое, ликуя,
Из песен радостных борцам венок плету я,
И славит голос мой рассвет в родной стране,
Как жаворонка песнь — в лазурной вышине.

1916

Шушаник Кургинян

Шушаник Кургинян родилась в семье ремесленника 18 августа 1876 года в г. Александрополе (ныне Ленинакан). Начальное образование получила в родном городе. Занималась самообразованием. Начала печататься в 1899 году. В 1903 году переехала в Ростов-на-Дону. Здесь исключительно благотворным было влияние революционных событий на формирование мировоззрения поэтессы, на ее творчество. Кургинян пишет стихи, проникнутые пафосом революционной борьбы. Ей вместе с Акопом Акопяном суждено было стать зачинателем армянской пролетарской поэзии.

В 1920 году Кургинян создала во Владикавказе армянский рабочий клуб им. Степана Шаумяна. С 1921 года жила в Ереване.

Умерла Шушаник Кургинян 24 ноября 1927 года в Ереване.

Литература на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1947; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

ПАНИХИДА

Ни креста, ни плиты: лишь земли бугорок
В беспредельной степи, молчалив, одинок,
 Безмятежно стоит.

Кто-то спит под землей, и разбитую грудь
Вихри огненных дум неспособны взметнуть:
 Беспробудно он спит!

Он прильнул головой к мать-родимой земле,
Но рыданий земных он не слышит во мгле,
 Он уснул, он забыл.

Как лампы, горят сонмы звезд в вышине,
Фимиамы струят волны трав в тишине, —
 Миллионы кадил.

Над могилой шумит ветер с тихой тоской:
Как напев гробовой, говорит: «Упокой»,
 Полон сумрачных грез.

Ни креста, ни плиты. . . В свой торжественный час
Он свой крест роковой, ради всех, ради нас,
 На Голгофу понес.

2 октября 1906

ГАСИТЕ ЛЮСТРЫ...

Ночь... Мрак... В зените, едва мерцая,
Льют звезды бледный, печальный свет,
Во мгле трепещут, изнемогая,
И вскоре гаснут — и вот их нет.

Земля вздыхает; с дыханьем тленья
Объемлет траур поля страны.
В полете ветра звучат моления,
Рыдания, вопли. И нет луны.

Но вы хотите с небес огнями
Сравняться блеском во мгле земли,
И вот мгновенно вдохнули пламя,
В несчетных люстрах вы жизнь зажгли.

Во мрак полночных, безлюдных улиц
Из ваших пышных дворцовых зал,
Из ваших окон лучи метнулись,
И сумрак ночи свет пронизал.

Вы веселитесь, вам вечный праздник
Средь муз, в богатстве, в игре мечты,
И ваших пиршеств любой участник
Исполнен ласки и доброты...

Вы веселитесь и дни, и ночи,
Вам вечный праздник, вам невдомек,
Что о погибшем под ним рабочем
Здесь каждый камень сказать бы мог,

Что кровью каждый кирпич набухнул...
Вы веселитесь, — и смех, и визг
Взлетают в стенах, с которых рухнул,
Сломавши ногу, голодный вниз.

И ярко в люстрах сверкает пламень,
Сиянье льется из ваших глаз,
Но ваша совесть черства, как камень,
И мрак извечный в сердцах у вас.

Гасите люстры! ..

И пусть за стол ваш, в разгаре пира,
Сойдутся толпы со всех концов —
Бездомных, жалких, голодных сирот,
Лишенных вами своих отцов... .

И пусть, босые, в грязи, в отребье,
Сойдутся толпы их матерей,
Что тянут руку с мольбой о хлебе,
Бродя с сумою вокруг дверей;

И пусть разыщут в дворцах могилы
Тех, что свалились без сил, мертвы,
Вздымая стены, кладя стропила
Дворцов, в которых замкнулись вы... .

И пусть, в увечьях, в кровавых клочьях,
Ворвется в залы, за рядом ряд,
Гроба покинув, толпа рабочих,
Свой смертоносный вперяя взгляд,

Люди труда — батраки богатеев,
жиром богатый оброс,
золота горы лежат перед ними,
ну, а трудящийся — бос,
дружит он с горем, слезами ночными,
с ссылкой, железной тюрьмой. . .
Дешево проданы мы со своими
силами рук и ума
здесь, на торгу кровопийцев и змеев,
страх нас за жизнь обуял.
Продали, очи нам мраком заклеив,
продали, головы страхом овеяв,
продали нас. . .

О душегубы, пиявки болота,
жизни высасывающие соки,
оцепенелыми кротоми
ночи проводите в грязном пороке;
роющие могилу руками
дивной, святой и великой свободе
и припадающие губами
к кубку с густой человеческой кровью.
Лица измучены вечной работой,
им не ласкать ваши нежные нервы,
наша забота — не ваша забота,
вам лишь насытить пузо охота.

Каждую каплей крови рабочей,
каплею пота соленой,
горьким дождем слез бесконечных,
нашей судьбою согбенной,
злой угрозой смертей бессердечных,

силою рук работающих
и беспокойством тревог вековечных
вы набиваете брюхо...
Вы до наживы страшно охочи,
нам же — гроши за работу,
трудимся дни мы, трудимся ночи,
труд наш тяжел и бессрочен.
Мы, словно пасынки, чахнем от боли.
Вы же — избранники дьявольской доли.
Да, мы идем, —
слышен наш шаг из глубокого ада,
рабства далеких веков,
слышен наш шаг из бескрайнего гнета
в звоне оков;
вышли мы, чтобы разрушить с налета
зла и насилия трон.
В жизни проложит дорогу свобода
нам и собратьям навек.
Равенство, — вот, что сегодня нам надо,
тем, кто достоин его.
Так мы идем, рабочей громадой! . .
Так мы идем, — и зреет расплата!
Так мы идем!

Сиаманто

Сиаманто — псевдоним Атома Ярджаняна. Родился в семье мясника 1 января 1878 года в Западной Армении в г. Аки (Турция). В 1892 году переехал в Константинополь, а в 1896-м — в Каир. С 1897 года учился в Женевском колледже, а затем в Сорбонне. Изучал естественные науки, глубоко интересовался различными литературными течениями, творчеством Э. Верхарна и М. Метерлинка, а также поэзией армянского средневековья.

Поэзия Сиаманто полна тревог за судьбы народные. Он стал очевидцем трагедии родного народа — турецкая реакция осуществляла свой чудовищный замысел физического истребления армян. В 1908 году Сиаманто возвращается из Европы в Константинополь. 24 апреля 1915 года он был арестован турецкими властями и в августе того же года — убит.

Литература на армянском языке: Избранные сочинения, Ереван, 1957; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

ГОРСТЬ ПЕПЛА -- РОДНОЙ ДОМ

Увы! Ты, как дворец, велик был и богат,
И с плоской высоты твоих беленых крыш,
Звездоточивой лишь настанет ночи тишь,
Внимал я, как внизу, шумя, бежит Евфрат. . .

Я плакал, плакал я, узнав, что ныне ты —
Развалина, лежат обломки лишь одни. . .
То был день ужаса, и крови, и резни. . .
А около тебя цвели в саду цветы.

Теперь спаленная, там комната была
Вся голубая. В ней я ползал на ковре.
Там детство проводил в веселье и в игре,
И за спиной росли два радостных крыла.

Увы, то зеркало разбито, чей кристалл,
Сиявший золотом, в своих лучах таил
Мои мечты, любовь, и чаянья, и пыл,
Где воля красная, где разум мой блистал.

Ах, умер ли родник, поющий во дворе?
Ах, ива сломлена ль и мой зеленый тут?
И под деревьями ужели не текут
Источника струи, стекая по горе?

И клетку помню я, и куропатку в ней. . .
Напротив — розы куст. . . Когда горел восток,
На утренней заре журчащий голосок
Дремоту с глаз сгонял мне песенкой своей.

О дом мой, верь! Едва засну я вечным сном,
Душа свободная к развалинам родным,
Как голубь, прилетит, чтоб волю дать своим
И песням, и слезам. О, верь, родимый дом!

Но кто, когда умру, кто принесет с собой
Святого пепла горсть от пепелищ твоих
И бросит на парчу покровов гробовых
И с ним смешает прах певца земли родной?

Горсть пепла, отчий дом! О, с прахом горсть
твоим,
Горсть пепла из немой развалины твоей,
Из прошлых дней твоих, от горя и скорбей
Горсть пепла, чтоб мое осыпать сердце им! . .

МОИ СЛЕЗЫ

Я с грезой один меж родимых долин проводил свой
младенческий день.
Был легок мой шаг, как на горных лугах
белокурый прекрасный олень.
Я, радостный, бегал, была моя грудь от лазурного
неба пьяна.
В глазах было золото, в сердце — надежда, душа
была богом полна.

Пришел и роскошный, дарующий блага румяного
 лета, закат,
 И мне, и земле за корзиной корзину дарил
 плодородный наш сад.
 И молча я срезал со стройного стана ветлы
 из прекрасных ветвей,
 Одну — для свирели, для тайной свирели,
 для будущей песни моей.
 Я пел, и ручей, алмаанта светлей, и знакомые
 птиц голоса,
 И ропот источников с чистой волной, и шумящие
 вечно леса,
 И утренний ветер, зефир легковейный, нежнее,
 чем ласка сестры, —
 Мне всё отвечало на лепет певучий, на звуки
 свирельной игры.
 Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной
 свирели моей.
 К губам трепетавшим прильнула она поцелуем
 утраченных дней, —
 Но память проснулась, прервалось дыханье, и,
 скрытая тьмою ночной,
 Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась
 слеза за слезой.

ЧАЯНИЯ НЕВЕСТКИ

Годами одна у окошка сижу я,
 Смотрю на дорогу твою, мой далекий.
 А в этом письме — тихий трепет души,
 И тела, и дум; мой и больше ничей ов.

Не помнишь ты солнце в день нашей
разлуки?

Оно было щедрым, как слезы мои,
И было горячим, как мой поцелуй,
И добрым, родной, как твои обещанья,
И светлым, родной, как твое возвращенье.
Молитву мою ты не помнишь, не помнишь?
Кувшин синеокой воды — ты не помнишь? —
Пролила на тень я коня твоего.
Чтоб даже моря пред тобой расступались
И суша легко под ногами цвела. . .
Ах, солнце разлуки давно закатилось
И черною ночью сменилось, родной. . .
Я плакала, шиблена лавою лет,
И слезы катились на щеки, как звезды,
И розы сжигали, сжигали, родной. . .
Я жажду тебя — ну хоть волосы рви.
Еще так хмельна от вина твоего я.
И траурна — нету и нету тебя. . .
И памяти вслед я вздыхаю, как ветер.
И возле церковных дверей на колени
Встаю, обративши на запад глаза.
И раню колени, и тихо молю. . .

Пусть высохнут сразу моря-океаны
И хоть на мгновение два мира сомкнутся.
А после — не нужно ни царства, ни солнца! . .
К родному порогу вернись, мой далекий!
Рука моя долго пуста без твоей.
Я в черном — я жду твоего возвращенья.
Вернись! Словно плод, переспела любовь.
Хранит поцелуй для тебя она сладкий.

А чресла мои материнства не знают.
Я свадебной, золотом тканной фатой
Украстить еще колыбель не сумела,
Не пела над люлькой — не пела, не пела
Небесную песнь матерей я армянских.
Вернись! Нету сил у тоски у моей.
И черная ночь расстилает свой саван.
И совы, родной, во дворе причитают.
И горькие слезы мешаются с кровью.
Невестке покинутой невольно.
Руками своими уже начинаю
На голову сыпать холодную землю —
Холодную землю могилы моей. . .

Я С ПЕСНЕЙ УМЕРЕТЬ ХОЧУ

1

Со сладостью Надежды, Ожиданья
я был наедине в тот вечер.
И взвешивал весами Спасенья и Странья
я Родины судьбу. . .
Но в дверь мою в полночный страшный час
вдруг сильный стук раздался.
Вошел с улыбкой друг — красив, как жизнь,
и добр, как брат, и грозен. . .

2

Он молод был. А искра глаз его
была опавшей искрою звезды.
И выточен был стан его из мышц
прекрасных мраморов.

А мысль рвалась из пламенных страниц
 великой справедливости людской...
А на челе цвели цветы
 и доброты его, и боли.

3

И, сидя рядом, мы, близкие друг другу, говорили
 о муках Родины.
И голова его под грузом дум всё больше походила
 на сердце траурного полубога...
А взгляд его в моем всё больше находил
 предначертаний родственной судьбы...
Улыбки мягко освещали души.

4

Он длительно молчал. И я молчал.
 Воспоминанья увлажняли очи...
Свет лампы голубой, стоявшей на моем столе,
 струился вниз очищенной кровью...
Я побледнел.
 Исчезла греза с появлением утра...
Но он вдруг встал с осанкою героя,
 ладонь мою в свою вобрал и так сказал:

5

«Знай, этот вечер, друг,
 был вечером прощания и веры.
Конь мой оседлан. У ворот твоих
 он ржет в упругой лихорадке боя.»

Ты видишь: меч мой обнажен.

В нем нагота сверхчеловеческих решений.
Приблизь свое чело к моим устам...

Час нашего прощания и веры!..

6

А ты воспой и боль, и мощь народа
на этих чистых трепетных страницах

В дар будущим счастливым поколениям,
в дар нашей прошлой золотой печали.

Я сир, мятежен. Мне — потерянных искать...

Прощай, мой друг...

Дай песнь одну мне, песнь одну мне дай —

я с песней умереть хочу!..»

Ваан Текеян

Ваан Мигранович Текеян родился 21 января 1878 года в Константинополе, там же получил образование. С 1906 года жил за рубежом (Ливерпуль, Марсель, Гамбург). Подолгу жил в Египте. Первый стихотворный сборник вышел в свет в Париже в 1901 году. Текеян занимался общественной, издательской деятельностью. Издавал в Каире и Константинополе армянские журналы и газеты. Текеян — автор повестей, рассказов и критических статей. С неизменной любовью писал он о Советской Армении как о родине всех армян.

Умер Ваан Текеян 4 апреля 1945 года в Каире.

Литература на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1958; на русском языке: Поэзия Армении. . ., М., 1916.

ХАНУМ

Ее скрыл тусклый черный шелк, всю
с головы до ног,
И поступь оттого легка и шелково шуршит,
Что лиры бедер я сквозь шорох слышать мог,
Ханум идет, и вслед за ней плеск мускуса
спешит.

Оставив пышных кружев плен, блеснет ее рука,
Ревниво полускрыт тот блеск перчатки чернотой,
И сквозь вуаль, с прямого лба что падает,
мягка,
Сурьмой украшенных очей горит огонь густой.

И через мост, лишь облака закатом зацветут,
Из горизонта в горизонт проходит так ханум,
Рог Золотой затмив собой, чаруя вечер дум,
Великолепна и строга, ханум проходит тут,
То женщина иль дух на миг покинул свой
дворец,
Дух города, что мил и горд, чудесен, наконец.

1906

ЕГИПТЯНКА

Смуглый ангел,
я ради красоты твоей без сожаленья
Белых ангелов гордо покинул,
стремясь
к тебе жадно.
Перед аспидным светом твоим
я стою в изумленьи,
Словно путник,
в ночи разглядевший окрестность
нежданно.

Мне так сладостен зной
твоих взоров и гибкого
стана:
Голос твой не утратит
надо мной замечательной
власти.
Запах кожи твоей
я готов обонять неустанно
И погибнуть готов
под песками зыбучими страсти.

Как тростинку от берега,
оторву от земли я,
лелея,
Твое тело прекрасное —
унесу тебя вдаль,
как святыню.
И душа будет
в юном и жарком согласьи с твоею.

Мне всё кажется:

жили когда-то великие
бог и богиня.

Был он бык — чернобок и упрям,
и была она трепетной ланью.

Сотворило тебя
сладолюбивое их сочетанье. . .

Как священное чудо,
почитаю тебя я отныне.

1921

МАЧТЫ

Всё мачты, мачты, мачты на домах —
Дома плывут без паруса куда-то.
То рябь, а то девятый вал и крах.
А тонкий шест — награда и расплата.

Свой курс у дома, выбор свой и след.
И пассажиры, кажется, в порядке:
Сидят — меланхоличен в окнах свет —
Средь рева волн, средь их гремячей схватки.

Я вверх смотрю на эту суету,
Шестов прогнувшуюся пестроту, —
Их волны тупости и крови моют.

И к мачтам мудрости приник мой взор:
Людское око проколов в упор,
Пускай для высшего его раскроют.

1943

* * *

Тебя мы чтили, мщения клинок...
Ты был в земле, когда тебя подъяла
Рука бойца и сталь твоя сверкала...
Приникнуть к горлу деспота ты смог,
Но он дрожал лишь краткую минуту...
Ты разломился, ржавый и погнутый,
Осмеянный, ты лег у наших ног...
Тебя мы чтили, мщения клинок...

Мы любим вас, о цепи униженья,
Зовете вы, звенящие, восстать...
Вам велено нам шею обвивать.
При каждом шаге каждое мгновенье
Наш горбится от яркой муки стан...
Но мы следы полюбим наших ран,
Когда цветами станут ваши звенья...
Мы любим вас, о цепи униженья...

ПАДУЧИЕ ЗВЕЗДЫ

Сонет

Мои глаза падучих звезд полны,
Я собирал их летними ночами,
Когда, скользя средь сонной тишины,
Они сверкали кроткими лучами.

Я их собрал в полночном летнем храме,
Пока они, в паденьи с вышины,

Цвели еще над дальними холмами
И, взрыв любовь, не умерли, как сны.

Моя душа отсель всегда светла.
Мои глаза — ларцы с лучистым кладом.
И в день, когда мне слишком тяжела

Скорбь нищего и с горестным разладом
Тревога мрака входит в жизнь мою, —
Из этих звезд я солнце создаю.

ПЕСНЯ ОБ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ты мне, язык армянский, мил, как пышный сад.
Средь древней чащи нашего былого,
Где — только мрак, твое любое слово —
Как сочный плод, что я срывать, блуждая, рад.

Как пышный сад, ты люб певцу, язык армян.
Честь наших храмин, рощею зеленой,
В борьбе столетий, цвел ты, полный звона,
И будешь цвести в веках, и сок твой будет
брян.

В тени твоих деревьев я плетусь сам-друг,
Гляжу, в слезах, на ветви их и корни
И лишь дивлюсь, как жив твой шелест
горний
Там, где гроза не раз сметала всё вокруг.

Груз сочных пестрых гроздий — вот твои слова!
Твои слова, что в дивном зное зрели,
Слова, что здесь поют в моей свирели,
Звон сочных слов твоих, чьим медом гудь жива.

КАРАВАН

На горизонте караван в пути,
Я жду. Изгиб кривых горбов
Качается всё ближе меж холмов
И начинает серебром цвести
Своих уздечек. Жду я. Как недуг,
Пустынь неизъяснимый жажды зов
При звоне тех горбов и голосов
Встает в душе. . . Но гаснет солнца круг.
Во тьме бушует море предо мной,
Я то внимаю грустным бубенцам,
То женским и ребяческим сердцам.
Я плачу, что ушло всё, что ушло,
И след его ветрами замело,
А что ушло, то не придет назад,
Как этот отгорающий закат.

БАЛАНС

Баланс! Что осталось, что от жизни осталось мне?
То, что давал я другим, странно, только оно!
Благословенья без смысла, умиленья во сне,
Истощение сердца, беззвучный плач заодно.

Но вернулось, как сладость, что роздал
на стороне.
Чтоб окрепшим осесть на большие года,
Что любовь унесла, нет, то не погибло на дне,
Бог вернул мне всё, дав сиять в моих днях
навсегда.

И сейчас вот, о боже, страданьям моим вопреки,
Пусть счастья ручей пересох, наслаждаюсь
вином,
Могу опьяняться обильно я старым вином,
Не ропщу: что осталось? В яму легли тростники.
Пали дубы. Что осталось, что истинно верно?
Лишь утешенье, что солнца испили безмерно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Всё в прошлом: город, краски сада
И часа ласка золотая.
И то, как ты прошла куда-то,
Благословенно молодая.

Ты шла нарядна и надменна.
И не ступала — уплывала!
Как будто небо вдохновенно
Тебя для глаз наколдовало.

Иду с лицом отяжелевшим
Туда, где жил твой шаг и шепот.
Душа моя меня торопит!

Иду к шагам твоим ушедшим.
Где ты когда-то проходила,
Погребены навек светила...

ТРИДЦАТИЛЕНИЕ

Тридцать мысов лежат предо мною.
Мой корабль, паруса напрягая,
К ним спешит. А под ловкой волною
Пасть акулы зияет, пугая.

Старый парус в нелепых заплатах.
Руль кривой — повернуть его трудно.
Ради мысов, зеленых, покатых,
Подновил я усталое судно.

Нас не тронули бури лихие —
Зыбь незримое делала дело
И проворнее грозной стихии
Разрушала мне душу и тело.

Я порою надежды лишился —
Несмотря на небесную ясность —
Тридцать мысов достичь... И решался
Мне предсказывать некто опасность.

Огибал я коварные рифы,
Но пришлось мне изведать и горе:
Растащили желанья грифы,
Вера канула в темное море.

За любовью любовь умирала
На руках моих, медленно тая.
Грез попадало за борт немало —
Я над ними молитву читаю.

Лишь надежду растил я прилежно —
Я вскормил ее сердцем певучим.
И росла, и мужала надежда,
Разгоняя внезапные тучи.

С нею сам я царил над собою.
Только билась она безуспешно
С изнурительной странной судьбою...
Злые души сгубили надежду.

Она маялась в тягостной муке.
Уложил ее с горькой любовью
И сложил я бессильные руки,
И стою у ее изголовья.

Тридцать мысов лежат предо мною.
Беспокойна стихия живая.
И акулы плывут под волною,
Труп надежды моей ожидая.

МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ЖИЛ ДАВНО

Мне кажется, я жил давно в Элладе,
Имел Сократа разум и обличье.
И тайну бога самого постичь я
Умел, разгадки сокровенной ради.

Вот лучшие ученики под сенью
Акрополя мне преданно внимают,
Вникают в речь мою и увлекают
Меня навстречу саду и цветенью.

Владею речью мудрою и краткой.
Душа моя в их взорах отразится!
Лиричны эти трепетные лица,
Как островки, омытые загадкой.

О мудрость! Ты прекрасной и нетленной
Являешься в холмах мне сиротливых,
Ты в небе нежном, в юношах пытливых.
Они же — обновление вселенной!

Неважно, что камнями и хулою
Толпа меня встречает. Обреченный,
Испить я должен чашу смерти черной. . .
Ученики отторгнуты толпою.

О мудрость! Преклоняю седину я
Перед твоей всезнающей улыбкой.
Она на горных склонах, в дымке зыбкой
И на земле живет, меня волнуя. . .

БАШНЯ

Чтоб душу защитить от злых ветров,
Чтоб волны лет ее не источили,
Пока был в силе я, пока был в силе,
Построил башню — гордый, прочный кров

Над морем, под жестоким небом... В этом
Укрытии живет моя душа.
Не спит мой разум, душу сторожа,
И дверь закрыта перед белым светом.

Пусть волнами стучится белый свет.
Но с моря путника давно не жду я —
Ни для кого здесь места больше нет...

А если буря, с башнею враждуя,
Хлестнет волной и кинет мне предмет,
Обломок прошлого в нем разгляжу я...

* * *

Зима и злая стынь кругом.
И жизнь в ладу с календарем:
Короткий день и долгий холод.

Дороги голые. И голод.
Следов весны мы не найдем
При всем усердии своем.

Но, вопреки календарю,
Вчера была весна и лето.
Душа и тело помнят это...

А впрочем, что я говорю!
Густые сумерки. Зима.
И на пороге — только тьма.

Даниел Варужан

Даниел Варужан родился в крестьянской семье 24 апреля 1884 года в Западной Армении в селе Багрник. В 1896 году семья переехала в Константинополь. Учился в Венеции (с 1902 года). В 1906 году поступил в Каннский университет. Писать начал с 13-ти лет. В поэзии Варужана отразилась трагедия армянского народа Западной Армении. Даниел Варужан также автор стихов, воспевающих крестьянский труд и жизнь рабочих. Он одним из первых в армянской поэзии писал о трудной жизни рабочих людей. О своем сборнике «Песни хлеба» (начал писать в 1912 году, книга вышла в свет в 1921 году) Варужан говорил: «В этом сборнике будет воспета родная земля, труд пахаря и спокойное величие сельской жизни».

Даниел Варужан был арестован турецкими властями 11 апреля 1915 года; убит 13 августа 1915 года.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1955; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

КОЛЫБЕЛЬ АРМЯН

Есть хата; в ней — колыбель;
Из кипариса она.
Вкруг дико воет метель
И сов насмешка слышна.

Со сводов виснет седых
Бус синих, синих овал.
То слезы неба, но их
Жестокий холод сковал.

Там копоть, сырость, капель...
И там безмолвно в тиши
Качается колыбель,
Как мечь в глубинах души.

То — место, где армянин
Мятежных кормит детей,
Где цвет лобзаний — один:
Кровавой розы алей.

Там нежных слов не слышать,
Под песнь любви не уснуть:
И мгла там — строгая мать,
А молний вспышка там — грудь.

В слезах, лишенный всего,
Ребенок должен там жить;
Там случай зыблет его
И друг приходит кормить.

Но там, под синью тех бус,
Герой, быть может, сокрыт,
Как в яслях спал Иисус,
Освободитель там спит!

ПЕРВЫЙ ГРЕХ

Каждый день на горах и в ущельях пасла
Своего синеглазого козлика дева;
И на лилии ноги босые ее
Наступали в уверенном шаге. . .
И струились по белой открытой груди,
Как шафран, золотистые косы;
И ни мирт, ни жасмин на ее голове,
Как ланитные розы не вяли.
Дева пела всегда, и смеялась в душе
Ее песня. Из краешка неба
Было сшито лазурное платье ее.
И пастушечий посох в безгрешной руке —
Древний змей, превратившийся в камень, —
Веткой персика стал. . .
И когда на прохладный ручей ввечеру
Пригоняла козленка она,
Сквозь деревья украдкою месяц
Пробирался следом за ней.

Он, наверное, — глаз вожделений
Иеговы, любовника дев.

Но однажды услышала голос она,
К роднику ее звавший в долину.
Он, как звучная песня, ее чаровал,
И внимал ему белый козленок,
Шею вытянув, с длинной травинкой во рту.
Ибо песня та новою песней была:
«Вниз сойди, о невинная дева!
И под тенью смоковницы мне принеси
Синеглазого козлика в жертву!
Принеси его в жертву и ведай, что я —
Этих гор всемогущий владыка,
Что моим дуновеньем, по воле моей
Серебром заструятся потоки,
Чистым золотом станут ручьи;
Там, где я поцелуем к земле прикоснусь,
Дрожь желанья по ней пробежит;
Станет лилия розой на персях моих
И царицею девушка станет.
Я цветами наполню луга, превратив
В них горячую кровь твоей жертвы.
И тогда не козленка ты будешь пасти,
А пастушкой бабочек станешь!»
Долго слушала дева, и эти слова
Будто в сердце ее говорили,
И под звездами молча вздохнула. Потом
Посох свой подняла, подчинясь
волшебству,
И козленка по склону холма погнала
К вожделением полной долине.

Здесь ручей, здесь смоковница,
чувствуешь ты
Дух Самца, что шафрана и тмина
Благовонием плотно окутал тебя?
Принеси твою жертву немедленно!
И на гладких и светлых камнях у ручья,
Там она положила козленка;
И рожок его в мокрый зарылся песок.
О, каким сладострастным и сладким был миг!
И казалось ей, белый козленок ее
Будет так же резвиться и прыгать
На покрытом цветами лугу.
Ведь она никогда не слыхала про смерть,
И запела она об одном
Наслаждении, что обещает
Принесение в жертву себя.
О весне своей юности пела она,
О своем гармоническом теле.
И ее миновал умоляющий взгляд
Синеглазого козлика. К шее,
Опьяненная страстью, приблизила нож
И вонзила с веселою песней.

Так у ног Соблазнившего Духа она
Принесла свою первую жертву.

Но от жертвы ее не раскрылись цветы,
И не стала пасти мотыльков...
Замутилась от крови струя родника,
И козленок не мог уж в холодной воде
Выпить звезды блестящего неба.
В травах посох покрылся опять чешуей,

Став шипящей змеею, как прежде;
И за темными скалами скрылась луна.
А она, окруженная тьмою,
Над убитым козленком стояла одна
И, рыдая, омытою кровью рукой
К мокрым векам своим прикоснулась...
И пока на челе ее вянул жасмин,
О грехе своем плакала дева...

МЕРЦАЮЩАЯ ЛАМПАДА

Ночь победы нынче, невестка моя, —
засвети лампаду скорей.
Сын вернется с войны в родные края, —
засвети лампаду светлей.

Кони ржут у ворот в предутренней мгле, —
поднеси лампаду к двери.
Сын приехал с лаврами на челе, —
поднеси лампаду, смотри!..

На телеге темный плат кровавой...
Посвети среди темноты...
Ранен прямо в сердце мой сын — герой, —
погаси же лампаду ты.

ПЕРВОЕ МАЯ

Мир от Востока до Запада! Нынче
я созываю лирой своей
людей
сырых, не знающих солнца
лучей.

Первого мая себя я увидел
в зарослях роз, распустивших бутоны...
Сок земли
жадно я выпил, песни гнездовой в душу
вошли.

Люди, приблизьтесь, — ведь я чародей,
пот превращу в россыпь ценных камней,
в росы полей.
Влить в ваши кости солнечный жар
в воле моей.

С мрачных заводов идите ко мне вы!
Мир трачен молью. Мира основы
новы, —
создали вы их. Ко мне, мукомолы,
седы от половы.

С верфей идите ко мне, корабелы!
Трюмы ведь вашими станут гробами.
Рядами
из чрева болот восстаньте и двиньтесь
полями.

Идите ко мне вы, ко мне все идите!
В сердце моем столько света без меры,
что я из серой
пыли слеплю Человечество внове,
полное веры.

Хватит томиться в подвалах безглазых,
воздух хватая жадными ртами,
жить кротоми. . .
Голод, как ржа, липнет к людям
годами.

Пусть не стучит молот о наковальню,
пусть затупятся зубья пилы
о стволы,
и пусть ржавеет вонзенный топор
от смолы.

В день Первой машины — сироты.
Надо ль сегодня стоять за станками,
руками
вертеть колесо и следить
за ремнями?

Скиньте рубахи, пропахшие потом,
бросьте шапчонки рваные следом, —
при этом
головы ваши окутаю солнечным
светом.

Братья, идите ко мне вы, идите!
Все мы сегодня с праздником Маем,

славим,
землю творящую с кровью творящей
смыкаем.

Ветер овеет страждущих души.
Раны откройте его дуновенью,
как исцеленью.
А родниковое благословенье
словно свеченье.

С персиков цвет осыпается ливнем.
Руки в благоухающем цвете.
В эти
минуты кедр затоскует
обо всех нас на свете.

Солнце на небе. Смотрит на вас лишь,
к вашим лишь лбам прикоснулось
устами.

Правящих вами
солнце обходит в презренье
лучами.

Поле и город — ваши владенья.
Улицею, непреклонны и яры,
юны и стары,
стяг поднимая, пойдете, и грянут
звонко фанфары.

Птица для вас запоет над вершиной,
буду на лире я петь, не струну
я натяну,

крепкие нити жилы орлиной, —
гром на страну!

Пусть вам пороги усыпят цветами.
А лишь луна дивный лик свой покажет, —
ласку окажет
и ваши двери сладким бальзамом
помажет.

ОДА

Славу я воспел тростниковым пером.
Посвящаю тебе, отчий край.
Средь платанов его вырезал я ножом.
Посвящаю тебе, древний край.
Я жрецов тростниковым пером воспел.
Свет из горла его заблестел.

Тростниковым пером я воспел тоску.
Посвящаю скитальцам родным.
Этот стебель растет на чужом берегу.
Посвящаю смиренным моим.
Я воспел тростниковым пером невест.
Плач из горла его плыл окрест.

Тростниковым пером воспел я кровь.
Посвящаю вам, жертвы резни.
Оно, словно феникс, возродилось вновь.
Посвящаю погибшим в те дни.
Тростниковым пером я воспел язвы ран.
В тростнике жило сердце армян.

Тростниковым пером я воспел свой дом.
Посвящаю тебе, отец.
Я его нашел над засохшим ручьем.
Мать свою воспел я, певец.
Тростниковым пером воспел свой порог,
Шел из горла пера дымок.

И воспел я борьбу за честь и добро.
Посвящаю армянам — бойцам.
Мех в горниле сердца — перо.
Посвящаю моим храбрецам.
Торжество тростниковым пером я воспел.
Огонь из горла пера летел.

ПОСЛЕ ПИРШЕСТВА

Безмолвье в зале. Гости разошлись.
Светильники сияют утомленно.
Бесшумно и тягуче каплет вниз
Густая кровь из вен их воспаленных.

Струна замолкла. В обмороке стон
Тут бродит. Тяжкий сон нетрезво дышит.
Над ртами и глазами машет он
Крылами крупными летучей мыши.

Средь хаоса стола, среди безмолвья
В кувшине грезит капелька вина.
Зубами раненный, покинутый гранат
Под свечкой — с нею — истекает кровью.

Вдруг звон в тиши — и вдребезги стакан,
Убитый наповал недавней трещиной.
Надкусан был он опьяненной женщиной —
В нее он страстью хмеля истекал.

А в вазе вянут голубые лилии.
Их духом был гусан и пьян, и сыт.
И мертвой бабочкою пышнокрылою
На стуле веер кем-то позабыт.

А из двери, в ночи открытой настезь,
Вздых мускуса еще не отсверкал.
Сообщничество хохота и страсти
Мертвеет где-то в глубине зеркал.

Служанка и уродливый слуга
Тут убирают и пируют ныне.
Опивки вин глотнув, хмельной слегка,
Исподтишка целует раб рабыню.

ПЗВАЯНИЮ КРАСОТЫ

Я хочу, чтобы мрамор твой белый
Из нутра Олимпа был вырыт.
Мой резец явит зрячему миру
Хмеля полное женское тело. . .

В глубь очей твоих падая, истину
И бессмертье находят там люди.
Лик твой чист. Совершенные груди
Соком жизни томятся таинственно.

Будь нагой, как душа у поэта.
И языческой той наготой
Нам терзаться, не смея при этом

Прикоснуться к тебе. Пред тобой
Убиенным мне быть — быть мне жертвой.
Выжжет кровь мою мрамор твой щедрый.

О, ТАЛИТА...

Красным светом горит и горит во тьме
Погребок твой, о Талита!
Пива мне! Пусть по пальцам твоим
бежит

Пены пышная пустота.

И неважно, что я тебе князем кажусь —
Весь холеный и тонкий весь.
И неважно, что всякий простолюдин
Будет принят тобою здесь.

Ненавижу я женщин, что прячут лицо
Под назойливый липкий грим.
Будят похоть они в дряхлом теле
вельмож —
Только золото любо им.

Ненавижу я женщин, что вырастил «свет», —
Только деньги в почете у них.
Услаждают себя они страстью собак
И любовников мучат своих.

Ты неси мне пива, неси, Талита!
Сядь ко мне на колени скорей!
Пусть покажутся икры в черных чулках
Под короткою юбкой твоей.

Пусть огонь ночников до утра догорит,
Пусть поет захмелевший ашуг
И слепые зрачки устремляет на нас,
И струны замирающий звук.

Распусти золотистые косы свои —
Оразит их хрустальный бокал.
Опустись — не спеши — на колени мои,
Чтоб желання миг созревал.

И неважно, что губы твои матросня
Искусала, — скорей забудь,
Что пролился пот вождельня густой
На твою молодую грудь.

Я хочу захмелеть на твоей груди,
Как беспечный пьяный солдат.
Выжму кружку до капли последней, а ты
Выжми душу мою, как гранат.

Я хочу в этом доме, где красный свет,
Святотатствовать, чтоб не рыдать.
И плебейке принес я душу свою,
Чтоб за кружку пива продать!

Рубен Севак

Рубен Севак — псевдоним Рубена Чилинкаряна. Родился Севак 15 февраля 1885 года в селе Силври близ Константинополя. Начальное образование получил в Константинополе. Окончил медицинский факультет Лозаннского университета. Работал до 1914 года врачом в одной из больниц Лозанны. Многие стихотворения Рубена Севака посвящены национальной трагедии армян Западной Армении, в лучших его стихах преобладают гражданские и социальные мотивы. Севак писал о жизни и борьбе европейских рабочих. Рубен Севак — автор дидактических рассказов «Страницы, вырванные из дневника врача» (1913—1914).

Рубен Севак был арестован турецкими властями в 1915 году и убит в Константинополе 26 августа 1915 года.

Сочинения на армянском языке: Сочинения, Ереван, 1955; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

ТРУБАДУРЫ

Взгляни на трубадуров — вот они!
Беспечны, ветру вольному сродни,
На площади теперь они играют.
И люди ставни полуоткрывают —
Послушать их. Невыносимый зной.
Но всё поют слова любви смешной
Трубадуры.

Необычайны лица у мужчин,
А спутницы в отрепьях. Им — один
Удел бродяжничества и лишений.
Брезгливой улицей унижен гений.
Но вдохновенен их заветный труд.
От голода, но с песнями умрут
Трубадуры.

Ветра, невзгоды — жизнь горька, грустна,
Печалью черной до краев полна.
Познание жизни в их улыбке томной.
Но есть и радость в их судьбе бездомной.
Взъерошенных волос каскад седой
И смех бунтарский, вечно молодой
У трубадуров.

Ведет искусство их тропой одной
От лоз веселых, что возделал Ной,
До желтизны медлительного Нила
И до Урала, где их поманила
Гряда багряной Огненной земли.
Друзей похоронили там, где шли,
Трубадуры.

Железный и машинный этот век
Их радостного духа не рассек.
В столицах, там, где золото кумиром,
Свои сердца они вверяют лирам,
В труде возвышенном пылают дни.
Природы вольной сироты они,
Трубадуры.

Меня возьмите — из страны в страну.
Я жизнь иную, новую начну.
Рыдая, петь и равнодушие бычье
Осмеивать; познать земли величье,
Опасности стремнин и горных рек!
Мы — пилигримы скорбные навек —
Трубадуры.

Мы — пилигримы, мы — поэты, мы —
Свободные и гордые умы,
Владыки песни. Мы — в туниках рваных,
Нас душит голод, наше тело в ранах,
Мы непонятны, мы — трагедий весть,
Поэты и пииты! Мы и есть
Трубадуры.

Из раны сердца наша песнь взошла.
Судьба забывчива, коварна, зла.
Другим она сулила ликование,
Стол пиршества. Дорогою изгнания,
На три тысячелетья опоздав,
Идут, готовы к смерти у канав,
Трубадуры.

Но не скорби! Ужель ты не богат?
Всё наше; вдохновение — твой сад.
Всё наше — росный луг, закат безмолвный,
Цветенье розы, и морские волны,
И кладбище с могилою в тени.
Похожи на былых богов — одни
Трубадуры.

Мы едко осмеем с пером в руке
Коварство мира в краденном венке.
Мы смертники, но не умолкла лира:
Мы — не рабы у властелинов мира.
Свободу слова защищай, как лев!
В нас яд, но мы бессмертны, умерев,
Трубадуры.

Ужель необходимо нам на торг
Нести сердца, чтоб вызывать восторг?
Нет, служим цели мы одной, великой,
Слагая наши песни для рамика.
Кто «смерть однажды лишь» — изрек? День
Тьмы —
Наш каждый день. Так умираем мы,
Трубадуры.

Смех соглядатаев нам нипочем.
Пусть подступает голод к нам с ножом.
Как пастыри, живем высокой целью
И человечество своей свирелью
Ведем вперед, неся свободы весть.
Искусства мертвого живая ветвь —
Трубадуры.

Ах, дожили мы до худых времен!
Кто благороден, — погран и казнен.
Во гробе сердце схорони живое!
Повсюду золота коварство злое.
Лишь мы одни всё те же. И сейчас
Любить желаем. . . Кто же любит нас,
Трубадуры?

Ты умерло, искусство славных дней,
Когда сливались жизнь и песнь. О ней,
О жизни, пело столько безымянных,
Шагавших в их плащах багряных .
Из замка в замок, с лирою в руках.
И эта песня не умрет в веках,
Трубадуры!

Гомер, ты трубадуров всех — отец!
Хвала тебе, божественный слепец,
Восславивший героев громогласных.
Моя мечта о всех творцах прекрасных
В любом столетии и в любом краю.
В певцах гоxtанских вас я узнаю,
Трубадуры!

Мне душно — сердце кто-то сжал в кулак,—
Когда смотрю сквозь ставню на бродяг.
Поют с натугой, вяло, как попало...
На плаху песню золото послало.
Свободное искусство — прах глухой.
Теперь поют с протянутой рукой
Трубадуры.

На площади, где беспощадный зной,
Канючит голос хриплый, жестяной.
Под эти звуки просит подаянья,
Проходим шляпу протянув в молчаньи,
Старик в морщинах резких, как рубцы.
Мы новой эры новые творцы —
Трубадуры.

1910

Мисак Мецаренц

Мисак Мецаренц — псевдоним Мисака Мецатуряна. Родился в январе 1886 года в селе Бинкян (Западная Армения). В 1894 году семья будущего поэта обосновалась в городе Сваз. Здесь Мецаренц учился в местном училище. С 1896 года учился в Анатолийском колледже. В 1902 году на Мецаренца напали бандиты, избили его и нанесли ножевую рану. Вскоре у поэта началось кровохарканье и были обнаружены первые признаки туберкулеза.

Умер Мисак Мецаренц 22 июня 1908 года в Константинополе. За год до смерти поэта вышли в свет в Константинополе два стихотворных сборника Мецаренца «Радуга» и «Новые песни», принесшие ему известность как тончайшему лирику-гуманисту.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1956; на русском языке: Антология армянской поэзии, М., 1940.

ТРЕПЕТ

Рой абрикосовых бликов
Жалит ночную вуаль.
С моря уходит печаль
В отблесках лунного лика.

Чары неверно и зыбко
Прячутся под синеву.
Душу мою наяву
Вдруг озаряет улыбка.

Трепетны, неуловимы,
Воспоминанья любви
Быстро восходят в крови,
Если проходишь ты мимо.

Чувство кристальное это,
В радужной млея тиши,
Роет во тьме, близ души,
Теплые борозды света.

(1903)

НА РАССВЕТЕ

Сонет

В горах, в монастыре песнь колокола плачет;
Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный аромат,
Пьян ветер над рекой и кружится, и скачет:

На тропке караван по склону гор маячит,
И стоны бубенцов, как ночи песнь, звучат;
Я слышу шорохи за кольями оград
И страстно солнца жду, что лик свой долго
прячет.

Весь сумрачный ландшафт — ущелье и скала —
Похож на старого гигантского орла,
Что сталь когтей вонзил в глубины
без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно шлет заря;
Мечтаю меж дерев, томлюсь, мечтой горя,
Что пери явится — венчать мои желанья!

(1905)

СОНЕТ С КОДОЮ

Цветы роняют робко лепестки,
Вечерний ветер полон ароматом,
И в сердце, грезой сладостной объят,
Так сумерки жемчужны и легки.

Акации, опьянены закатом,
Льют нежный дух, клоня свои листки,
К ним ветер льнет, и вихрем беловатым,
Как снег, летят пахучие цветки.

Как гурии неведомого рая,
Сребристых кудрей пряди распуская,
Их белый сонм струится в водомет;

Вода фонтана льется, бьется звонко,
Чиста, прозрачна, как слеза ребенка,
Но сладострастно песнь ее зовет...
Чу! осыпается коронка за коронкой...

(1905)

СУМЕРКИ

Деву заката
 пурпурный красит наряд.
Но отчего я один
 с грезой печальной своею?
И отчего я теряюсь
 в объятьях ее и немею?
А над моей головою
 благоухает гранат.
О лучезарный цветок!
 Мимо прошла ты легко.
Что-то в душе моей
 дрогнуло песней неспетой.

СОЛНЦУ

Юг прохладен и мягок, как поцелуй,
а душа моя жаждет нежных дней,
сладострастный поток сияющих струй,
о, пролей в мою душу, солнце, пролей,
в горькой мгле сокрыты муки мои,
бродят думы среди лесов и камней.
Солнце, болен я, —
лаской меня согрей. . .
У окна, ощутив полуденный зной
пламенной вечнозеленой мечты,
я, раскинув руки,
жду встречи с тобой.
В своей огненной сети сожги меня ты.
Обжигают твои поцелуи меня,
и пронзают они мою душу насквозь.
Я пойду по дороге страстей в свете дня.
Солнце! Болен я, — жить нелегко мне пришлось.
А душа моя — птаха летает в тоске,
истомившись по емеху, по песне простой.
Из гнезда песня взмыла невдалеке, —
задохнувшись, полет окончила свой.
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной!
Пока в ясном и сладострастном тепле
вижу я сумасшедший танец шмелей
и пока цветы и кусты на земле
замирают от жажды, —
душою своей
ощущаю покой я безоблачных дней,
ощущаю покой,
опьяненный весной. . .

*

Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной. . .
А колдун влажной ночи меня стережет,
только сумрак падет, — он меня уведет.
Так последний уж раз,
так последний уж раз
ты обвей меня, солнце, горячей волной,
иступленной и страстной,
в последний мой час.
Солнце, доброе солнце, сияй, — я больной. . .

(1906)

В КАКОМ ОПЬЯНЕНЬЕ. . .

В каком опьяненье деревья и в зной,
И в холод, в тени, под дождем свежи.
Нацелившись ввысь листвою вырезной,
Молодые совсем еще деревца,
Стоящие вдоль пшеничной межи, —
Все деревья пьют лучи до конца.

В каком опьяненье трава на земле
Отражает свет росинками глаз.
В каком опьяненье цветы, замлев,
Сияя росой, от неожиданных ласк
В любимых руках тускнеют, спалась.

В каком опьяненье украсить готов
И солнечный луч, и холм-исполин
Свой лоб золотой венцом из цветов.
В каком опьяненье с невест-долин

Красноногий журавль, взлетая, берет
Вечернюю грусть в обратный полет.

В каком опьяненье зяблики пьют
Без усталости свет, как солнечный мед,
Забравшись тайком в садовый уют.
В каком опьяненье, как снег белы,
Встречая восход среди розовой мглы,
Сон парят, золотясь в высоте.

В каком опьяненье, дрожа до конца,
На свою постель в кисейную тень
Невеста-горлинка ждет самца.
В каком опьяненье бражник раскрыл
Над озером, где сиренева мгла,
Паруса своих млечно-белых крыл.

В каком опьяненье к макам полей
И к белым цветам стремится пчела,
Чтобы сосать сосцы медоносных фей.
В каком опьяненье синеют моря,
И реки текут, и бурлят ручьи,
Голубеет глубь озер, усмирясь.

В каком опьяненье хотят уронить
Тяжелые тучи, сгрудясь вдали,
Молоко дождей, чудесную нить
В золотой урожай голодной земли.
В каком опьяненье пьют этот хмель,
От зноя изныв, в сухоте земли,
И каждый росток, и каждая щель.

В каком опьяненье душу томит —
С деревьев в цвету летучий настой
То базиликов диких, то мят, —
Как ладанный дым, аромат густой.

В каком опьяненье от торжества —
Все краски, цвета, все формы вокруг,
Элементы все и все существа,
Отражая в себе, как радуга дуг,
Неведомый свет и блеск божества.

(1907)

ДАЙ МНЕ, ГОСПОДЬ

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
словно цветы, соберу среди ярких полей
радость во взорах женщин, детей и мужчин.

Дай мне, господь, к радости ясной прильнуть,
в бликах улыбок ощутить ее добрую суть, —
как разноцветные спички, блики горят.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
как колокольцы, она прозвенит от дверей
и, как венок, увенчает каждую дверь.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
тусклые окна домов во мраке ночей
я разукрашу созвездиями ее.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
но водопадом звонких и праздничных дней
не заглушу я плачи и скорби земли.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
в холодной обители души омраченной моей
да не сокроется песни торжественный звук.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
хлеб на столе, — приглашу я в застолье друзей,
и осенит скромную трапезу крест.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
посохом радости гряну, примерясь верней,
в камень души моей, — хлынет блаженства вода.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
радость, как сеть, я раскину над гладью морей
иль, как сохой, борозду проложу по земле.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
вылью ее на поля из кувшина дождей
или, как солнце, всем окоёмам отдам.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
я превращу ее в плот, — в океане страстей
буду я плыть, обретая в пути идеал.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей, —
каменщиков, землелашцев и косарей
в душу приму я свою, как братьев своих.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
долю, недолю, мглу и сиянье лучей —
всё, что в душе человеческой можно найти.

Дай мне, господь, почувствовать радость людей,
что родились среди чаш, среди горных камней,
или в крестьянском жилье, или в дали дорог.
Дай мне, господь, почувствовать радость людей.

(1908)

* * *

Ночь сладостна, ночь знойно-сладострастна,
Напоена гашишем и бальзамом;
Я, в опьянении, иду, как светлым храмом:
Ночь сладостна, ночь знойно-сладострастна.

Лобзания дарит мне ветер и море,
Лобзания дарит лучей сплетенье,
Сегодня — праздник, в сердце — воскресенье,
Лобзания дарит мне ветер и море...

Но свет души, за мигом миги, меркнет,
Уста иного жаждут поцелуя...
Ночь — в торжестве; луна горит, ликуя...
Но свет души, за мигом миги, меркнет...

РАССВЕТНОЕ

Над крышами туман постлал клочки шелков, свой
убор,
По-над дорогами, весь в дымке золотой, солнца
лик.
А у стены ведет свирель певучий свой перебор,
А на стене уже петух предутренний поднял
крик,
И за стеной девичья песнь плетет любви
разговор.

Как разноцветные платки, порхает рой голубей,
Чуть развеваясь, прыг да прыг, о край дорог,
стороной...
Вот луч косою, горя огнем, в лазоревый
пал ручей...
И звонкий голос пастуха отдался в глади
водяной...
И свежий утра поцелуй прохладе дня дал
родник...

Перекрестись, в ладоши бей в огне зари,
в блеске хны!
Рожденный солнцем юный день смеется нам
с вышины!
Среди ветвей, как звонкий дождь, заводит песнь
птичий хор,
Как детский смех танцует свет, изменчивый
ткет узор,
И аромат струят цветы, оттенков всех и
всех форм...

ЛОДКИ

Лодки легкие
 двинулись вдаль,
 вожделеньем полны.
 Зыбкий берег мечты позади,
 а навстречу им ветер.
 Ожиданьем я болен.
 И пламя томит,
 И мы в нем не вольны.
 И беременно дрожью души
 и огнем
 предрассветье.
 Абрикосовых красок рассветных
 ночами я жажду до слез.
 Это утро меня ароматом волшебным приветит.
 Я и щедр, и ревнив,
 переполненный искрами грез...
 О подводные духи!
 Верните мне лодки,
 что угнаны
 бурей рябой!
 Дуновения сумерек!
 Лодки верните,
 что угнаны
 вдаль ворожкой!

ПЧЕЛЫ

Мои желанья — взлетающие пчелы.
Пронзая золотистую черту
И золотистой пылью морося,
Они взлетели светлым роем
И улетели за предел долины,
И, разрывая полумрак тумана,
Вдруг устремились к солнцу целым роем.
А солнце — золотой цветок тумана.

Так изумрудны, солнечны, рубиновы,
Впитавшие в себя все краски и оттенки,
Они взлетели из глухих ущелий,
С полян и ласковых полей пшеничных.
А я, отверженный, стою на берегу.
Мечта ленивая, но сладкая моя
Влечет меня к далеким цветникам,
Где в этот миг расселись беззаботно
Моих желаний золотые пчелы.

Ах, на заре
Мне снова колесить дорогой страха.
Я, переполненный до онеменья чувств
Вином чернейшим ночи,
Опять обязан исходить
Крутые тропы собственной боязни.
И, заискрясь под черепом моим,
Возникнет в пламени святом надежда.
Моих желаний золотые пчелы...
Их возвращенья с нетерпеньем жду я
После полудня в неурочный час.

Только они в дороге потерялись.
Уже стемнело.
Зря я, видно, жду
Их медоносного — с одышкой — возвращенья.

Я очень утомился, ожидая...
Сладчайший мед моих желаний смутных
Томит меня — и неурочен этот час.
Да будет суждено мне ощутить
Еще одно отравленное жало
Заблудших пчел моих желаний.

ЗИМНЯЯ ЯСНАЯ НОЧЬ

Ночь, для ласк твоих распахнул окно:
я хочу, чтоб мне ощутить пришлось
чары матовых и прохладных рос,
полнолуныя сладкое молоко.

Светозарна ночь, в ясной тишине
прелесть ночи волнами течет,
от ее мечты брызжет пряный мед,
и прольется он прямо в душу мне.

Голос призрачный, ночь моя, отринь,
ненасытно пить жажду твой нектар,
пусть исчезнет день, как белесый пар,
голову склоню у своих святынь.

Голову склоню у святынь твоих,
я молитвенно к ним челом приник,

и пока твой луч мне ласкает лик,
убежит мой взор от сует земных.

Безмятежна ночь, ночь полна мечты;
о, прими меня: губ молящих стон,
поцелуй души, разогнавший сон. . .
Ночь, прими меня в лоне темноты.

Нынче горько мне в комнате моей,
в ней пылала страсть средь
вчерашней мглы,
и оплакали скорбно все углы
величайшую из людских страстей.

Ночь, ворвись в окно, чудна и сильна,
и наполни скорбью мой приют,
чтобы святость сладостных минут
пробудила бы от давнего сна.

Ночь, для ласк твоих распахнул окно:
я хочу, чтоб мне ощутить пришлось
чары матовых и прохладных рос,
полнолунья сладкое молоко.

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Наири Зарьян

Наири Зарьян — псевдоним Айастана Егиазаровича Егиазарьяна. Родился 31 декабря 1900 года в Западной Армении в селе Хараконис Ванского вилайета (Турция). В детстве батрачил. В 1915 году лишился родителей. Воспитывался (в 1915—1921 годах) в приютах Дилижана, Еревана, Ленинанкана. Пробовал писать в раннем детстве. Окончил историко-филологический факультет Ереванского университета (1927). В начале 1930-х годов учился в Государственной академии искусствознания (в Москве, а затем в Ленинграде). В 1929—1934 годах в качестве уполномоченного ЦК республики бывал в колхозах Армении. В годы войны выезжал с писательскими бригадами на фронт в район Керченского перешейка и на Кубань. Избирался секретарем правления Союза писателей Армении, был председателем республиканского Комитета защиты мира.

Умер Наири Зарьян 11 июля 1969 года.

С середины 1920-х годов и до конца жизни издал около 60 книг стихов, прозы, драматургии. Наиболее значительные из них — «Рушанская скала» (1930), «Ацаван» (1937—1947), историческая трагедия в стихах «Ара Прекрасный» (1944—

1946). В 1962—1965 годах вышло в свет на армянском языке собрание сочинений Н. Зарьяна в семи томах. Издавался в русских переводах: Избранное, М., 1954; Ацаван, М., 1960; Стихи, М., 1963.

ЛЕНИН

Нет! Ты живешь, ты рядом, вождь!
Ты — солнце в море синевы.
Твой гений, разум твой, и мощь,
И страсть не могут быть мертвы.

Ты рядом — всюду и всегда,
В труде, в походе боевом.
Ты строишь наши города,
Ты входишь счастьем в каждый дом.

Нет, ты не умер, не погас,
Ты — молодость у нас в крови,
Ты — пламя юношеских глаз,
Зов побеждающей любви.

Ты вновь торопишь молодежь
Встать за штурвал, сойти в рудник.
Колонны шествий ты ведешь,
Сверкаешь на страницах книг.

Твой огнекрылый стяг зовет
Твоих солдат в последний бой,
И каждый новый наш завод
И каждый цех сильны тобой.

Ты — наша родина, наш кров.
Ты — наше светлое жилье.

Вверху, в снопах прожекторов,
Читаем слово мы твое.

Ты — в каждой песне детворы,
Ты — в каждом стебле наших нив,
Ты к нам приходишь на пиры,
Чуть набок голову склонив.

Ты — нескончаемая жизнь.
Ты — полноводная река,
Что с древних снеговых крутизи
Течет в долины сквозь века.

Пока вода бурлит и бьет,
И есть огонь, и в нем есть мощь,
Пока история идет —
Ты будешь вместе с нами, вождь!

1938

* * *

Многих красавиц я пламенным сердцем любил,
Множество ласковых слов говорил им, любя.
Я им ни разу не лгал, я им сердце дарил,
Но о тебе лишь мечтал и искал лишь тебя.

Кажется мне, что тебя я нашел. И, пьяня,
Взглядом лучистым глядишь ты, бесценный
мой друг,
Словно рассветное солнце коснулось меня,
Всей моей жизни — и мир обновился вокруг. . .

1940

ОТЧИЙ ДОМ

Я в сновиденье памятью ночью
Воссоздавал далекий отчий дом.
Большое небо детства надо мною
Раскинулось в сиянье молодом.

Со мною мать сидела, как бывало,
Мне по-армянски бормотал ручей,
И дерево мне песню напевало
Весенним легким шорохом ветвей.

А тонкий луч, проскальзывая в окна,
Жизнь открывал мне золотым ключом.
Смотрело солнце материнским оком.
Весь мир огромный был как отчий дом.

1940

СОН

Ты во сне явилась, песнь моя,
И душа открылась миру —
Тихий плач камней услышал я
И услышал солнца лиру.

1943

* * *

Четвертый день, как я пою, не насыщаюсь
пением!
Дыханье песне отдаю, не насыщаюсь пеннем,
И день-деньской, сожжен тоской, любовью
одержимей,

Увидев красоту твою, не насыщаюсь пением!
Жасмин чужого сада ты, не для меня твои цветы,
И жажду я в родном краю, не насыщаюсь
пением!
Я благодарен той тропе, что привела меня к тебе.
С тех пор как видел, не таю, не насыщаюсь
пением!

1943

* * *

Я слышал: когда ты с любимой.
Любви наступает конец,
Огонь превращается в пепел,
Мечте наступает конец. . .

Неправда! . . Нам люди солгали:
В зеленую рощу любви
С тобою вступили мы вместе
И лжи положили конец.

1947

* * *

Ах, если бы чудо свершилось
И жизнь повернула бы вспять,
И дни потекли бы обратно,
Запахло б весною опять.
И вечер, невинный и тихий,
Помог бы тебя отыскать.
И — там, где Раздан серебрится, —
Любовь к нам пришла бы опять.

1947

* * *

Душа моя, всё, как есть, отдадим
Нашим ближним,
Сильным и слабым, добрым и злым
Нашим ближним.

Только нашу любовь для себя сохраним,
Как в лампаде масло,
Чтобы светлей и теплей было им,
Нашим ближним.

1947

* * *

Обманывали сотни раз меня —
Я верю снова.
Что б ни было — во мгле и в свете дня
Я верю снова.

Иные отняли мой хлеб, взамен
Мне дали камень. . .
Посулам всем, виновных не виня,
Я верю снова.

Разбойничали в сердце у меня,
Раскрытом настежь,
Но в возвращение любви своей
Я верю снова

Мой путь поземка замела,
Заволокло ненастье,
Но в возрождение весны своей
Я верю снова.

1947

СЕВАН ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Клубясь, редеют тучи. Небосвод
Уже налился светом алым.
Горы касаясь, облако плывет
Ихтиозавром запоздалым.

Гляжу вокруг, от счастья захмелев.
Утесы подступают ближе:
Вон тот — медведь, и по соседству — лев.
А там — спина косули рыжей.

Как передать мне эту красоту?
Запомнить как мгновенье это?
Мелькнет, как сон, исчезнет на лету
Игра густых теней и света. . .

Продлись же, волшебство! Помедли, явь!
Запечатлись в душе навеки
И переливчатую нить оставь —
Чтоб счастье жило в человеке.

1948

ТИРАН И ПОЭТ

Поэма

1

Жил некогда царь, владыка владык,
Свирепый тиран, одетый в парчу,
Богат, и могуч, и славой велик.
Вдруг вздумал он: «Стать поэтом хочу».

Газели писал, вставая чуть свет.
Любовь прославлял двестишьями он.
Тиран приказал, чтоб лучший поэт
Немедленно был к нему приведен.

«Вот, мастер, взгляни на эту газель, —
Сказал ему царь, собою гордясь. —
Искусством стиха владею вполне ль?
Раздумий моих понятна ли связь?»

Поэт прочитал творенья царя,
И кротко сказал тирану поэт:
«Пусть слава твоя, как солнце горя,
Сияет в лучах великих побед!

Завидуют, царь, подобной судьбе,
Всех недругов ты осилил давно.
Полмира — твои. Но, царь мой, тебе
Искусством стиха владеть не дано».

Тиран закричал: «Прощенья проси!
Завистник, ты мнишь, свое волшебство,

Свой дар лишь тебе открыл Фирдуси?!
Эй, слуги мои, в темницу его!»

2

Вот в башню Ануш поэт заточен,
О судьбах людских он мыслит в тиши.
В ответе своем не кается он —
Нет в мире темниц для вольной души.

И силится вновь жестокий тиран
Затмить Фирдуси в рубайях своих,
Он жаждет хвалы, тщеславием пьян,
Придворных зовет оценивать стих.

И каждому царь велит: «Подойди
И честный ответ владыке неси:
Кто первый из нас и кто позади —
Складнее ль меня писал Фирдуси?»

И падали ниц рабы суеты.
Нашелся у всех один лишь ответ:
«Владыка, велик в поэзии ты,
Ты Дарий стиха, ты лучший поэт!

Так бейты слагать не смог бы иной.
Ты в тайны стиха всех глубже проник.
Коль был Фирдуси для бейтов луной,
Ты солнце стиха, владыка владык! . . .»

Пьянили царя восторгом своим,
И каждый во прах перед ним распростерт,

И стелется лесть и вьется пред ним,
И грозный тиран удачею горд.

Но, слыша хвалы, он вспомнил о том,
Кто брошен во мрак дворцовых темниц.
И снова поэт стоит пред царем,
Стоит, не страшась, не падая ниц.

«Вот бейты. На них ты, мастер, взгляни, —
Сказал ему царь, насмешку тая, —
Ответь мне: вполне ль прекрасны они?
Строкой Фирдуси владею ли я?»

Над царским стихом склонился поэт.
Он долго стоял, печален и нем.
И молвил: «С тобой сиянье побед,
Но хочешь ты стать поэтом. . . Зачем?!

Ты с войском своим отправься в бой
И верным путем к величью придешь. . .
Над миром развей знамена свои,
Врагов усмири, богатства умножь.

Прославься в веках, как славен Хосров,
Рустама затми бесстрашьем души.
Я правду сказал и к смерти готов. . .
О царь, никогда стихов не пиши!»

Тиран поднялся, отмщеньем горя.
«Страшишь, клеветник, себя самого!
Завидуешь ты искусству царя!
Эй, слуги мои, в темницу его!»

В темнице поэт. Разгул палачу
Его истязать во мраке глухом.
А грозный тиран, одетый в парчу,
И ночи и дни сидит над стихом.

К притворству привык придворный язык,
Бесстыжая лесть звучит и теперь:
«Ты солнце стиха, владыка владык!
Завистнику ты, великий, не верь!»

На троне златом в безмолвии злом
Он внемлет хвале утративших стыд.
С угрюмой душой и мрачным челом,
Потупив глаза, он гневно молчит.

Восторги рабов не в радость ему,
Не их похвалы мерило удач.
Правдиво судить дано лишь тому,
Над кем день и ночь глумится палач.

И царь приказал, волненьем томим,
Упрямца привести в покои дворца.
И снова поэт стоит перед ним,
Как призрак судьбы, как тень мертвеца.

«Бессмертный поэт, — промолвил тиран, —
Упрямей тебя не знал я людей.
В поэме моей найдешь ли изъян?
Прочти и скажи всю правду о ней».

Поэт прочитал и краткий лишь миг
В раздумие был душой погружен,
Где жизнь и где смерть он сердцем постиг,
И тотчас к дверям направился он.

В смятенье тиран воскликнул: «Постой!
Искусство мое признал или нет?
Куда ты? . . .» — «Мне нет дороги иной,
В темницу иду», — ответил поэт.

1953

* * *

Старой сказке я больше не верю,
Новым клятвам я больше не верю.
Много храмов святым я построил,
Но святым я уж больше не верю.

1953

ЗАВЕЩАНИЕ

Меня на кладбище не хороните,
Когда я от вас навсегда уйду.
Сожгите мой прах и пепел сложите
Под тополем в пионерском саду.

Я стану любимой земли частицей
И новой жизнью там заживу,

Чтоб к вам однажды весной возвратиться,
Раскинув густую свою листву.

Подует теплом среванский ветер,
Пушок с тополей понесет — лови!
В тени моей будут резвиться дети
И юноши клясться в вечной любви.

Им листья прошепчут порой весенней
Все песни, которые я не спел,
Стихи, которые в век потрясений,
Средь бурь и гроз сложить не успел.

1953

УТРО

Сегодня рассвет голубой-голубой
На мирных полянах и в сердце моем.
Минувшая ночь увела за собой
Тяжелые тучи с холодным дождем.

На небе светло, и на сердце легко,
И только за далью зеленых полей
Два облачка бледных плывут высоко,
Как тени вчерашней печали моей.

1955

Я ЗАБЛУЖДАЛСЯ МНОГО РАЗ

Я заблуждался много раз,
Прости меня, родной народ!
За правду ложь приняв подчас,
Я заблуждался много раз.
Мне дорог был лишь твой наказ,
Твой путь манил меня вперед. . .
Я заблуждался много раз.
Прости меня, родной народ!

1955

ВОДА

Купаясь в жаркий день в волнах реки,
Подумал я – ошибся критик твой,
Когда сказал он, правде вопреки:
«Ты наполняешь свой роман водой».
Как много свежести таит вода!
Как много жизни, бодрости и сил!
В твоей же книге жизни нет следа.
Ты сам скучал, когда ее творил.
Как сына, обоймет тебя река,
Журчание воды ласкает слух,
А твой роман – смертельная тоска,
Он, как пустыня выжженная, сух.
Читатель твой, как путник в летний зной,
Едва бредет, стирая пот с лица.
Читатель твой живет мечтой одной —

Скорее бы добраться до конца!
А кто захочет, чтоб умолк ручей,
Чтобы вода исчезла из пруда?
Иссякший ключ не радует очей. . .
О нет! Твои романы не вода!

1955

В МАСТЕРСКОЙ У МАРТИРОСА САРЬЯНА

На свете есть священные места,
Что входят в нашу жизнь, причастны
детству, —

И отчий дом, и школьный двор, и та
Тропинка в сад, что с нами по соседству.

И в этой светлой мастерской твоей
Мне хорошо, — здесь тоже всё родное.
Здесь сердцу легче, и душе светлей,
И вся Армения передо мною.

Здесь радость цвета, света и высот,
Севан, и солнце, и Масис двуглавый;
С улыбкой иронической Ашот
И Ачарян — спокойный, величавый.

Здесь наши девушки — скромны, нежны;
И персики, и с красной розой ваза,
И этот ослик, что средь тишины
Мечтает у подножья Алагяза.

Как отчий дом, как стародавний сад,
Люблю всем сердцем эту мастерскую,
Где я, тенями синими объят,
Не мучусь, не мечусь и не тоскую.

1958

...МОЙ ЯЗЫК ТОМУ ВИНОЙ

Твердят, что зол я и жесток.
Что мой язык всему виной,
Что я сварлив, угрюм и строг —
И мой язык всему виной.

Утаивать я не хочу
Слов, что правдивы и просты,
Но дорого за них плачу —
И мой язык тому виной.

Произносить я не могу
Слов, что эффектны и пусты,
Я промолчу, но не солгу —
И мой язык тому виной.

Перой я жалил невпопад,
И сам потом бывал не рад.
Но труса — трусом называл, —
И мой язык тому виной.

Я к вам себя привел на суд,
Душа моя — любви сосуд;
Он накрепко сейчас закрыт —
И мой язык тому виной.

1967

НАША ПЛАНЕТА

Есть на всех языках мира
Сокровеннейшие слова —
«Наша отчизна»,
Во веки веков, ныне и присно
Произносимые с благоговеньем.
Но сегодня для всех, в ком душа жива,
Есть и другие слова, слова, полные света, —
«Наша планета».

Слова другие, но жар в них не меньше
ничуть —
«Наша Земля»,
«Наше Солнце»,
«Наш Млечный Путь»...

На мгновенье о Солнце забудь,
Забудь необъятный Млечный Путь, —
Обойдутся без нас как-нибудь.
Забудем на миг высокие силы эти,
Наша помощь нужна
Только маленькой нашей планете.

В ворохе звезд она —
Цветочной пыльцы крупинка
И опасностью грозной окружена,
Может погибнуть в любое мгновенье
От ядерного наважденья.

Люди, люди, безумцы и гении,
Оснащенные знаньем и злом,

В дьявольской жажде уничтожения
Создали вы орудия гибели
Для нашей бесценной планеты.

Чудища атомные летают,
Грозя последней войной
Нашей Земле родной.
Из-за угрозы этих смертельных орудий
Она всё дороже нам и нужней,
И хочется в голос кричать о ней:
«Это наша планета,
Наш отчий дом,
Берегите ее, люди! ..»

1967

* * *

Захотелось покончить с заклятым врагом
Сатирической танкой. . .

Но тщетно в те дни
Призывал я разящие, злые слова. . .

Уж такие кругом
Были горы!

По-горному невозмутимы
И возвышенны были они!

1968

Я ЖДУ ТЕБЯ

Ты где-то есть наверняка,
Тебя я жду.
Желанная, ты — далека,
Тебя я жду.

Часам рассветным голубым
Сказала ты — приду —
И ранним сумеркам моим...
Тебя я жду.

Ты давней юности обет
Забыла на беду,
Но в тишине пустынных лет
Тебя я жду.

Роняет дуб надежды лист —
Падучую звезду.
Пускай закат осенний мглист —
Тебя я жду.

Уже подведена черта,
Я скоро сам уйду.
Но ты — бессмертная мечта,
Тебя я жду.

1968

ПСАЛОМ ПРОЩАНИЯ

Скажи «прощай»
Жизни своей.
Свой сад цветущий не вспоминай
И берег морской, где в тени аллей
Должна появиться та, что снилась тебе.
Даря цветам улыбку и благоуханье,
Где внуки твои резвились бы в гуще ветвей
И щебетали б как птицы ранней ранью.

Скажи «прощай»
Студеной пустыне своей,
Где конь твой упал, разодран волками,
Где лежит, хрипя, и тяжело поводит боками,
Где ветры стенают, где одиноко им,
Как правнукам осиротевшим твоим.

Скажи «прощай»
Еревану — любви своей,
Чуду, что, в глазах твоих отражаясь,
Красуется, устремляется ввысь;
Скажи «прощай»
И на корабль свой космический поднимись.

«Прощай» — скажи не спеша
Народу армянскому своему,
Что полон надежд к высокой цели прийти;
И бескрайнему Млечному Пути,
И планете любимейшей, наилучшей,
Над которой сгущаются ночью и днём
Атомной гибели тучи.

Азат Вштуни

Азат Вштуни — псевдоним Азата Сетоевича Мамиконяна. Родился в семье учителя 17 июля 1894 года в Западной Армении в г. Ван (Турция). Окончил армянское училище в Константинополе (1911). В 1911—1914 годах жил во Франции, посещал в качестве вольнослушателя лекции в Сорбоннском университете. В 1914 году переехал в Тифлис. В 1920—1930-х годах принимал активное участие в литературной жизни, много сил отдавал работе в армянской периодической печати (Тбилиси, Ростов-на-Дону, Ереван), занимал руководящие посты в Союзе писателей Армении и в республиканских организациях, ведающих вопросами культуры. Вштуни хорошо знал зарубежный Восток и писал о революционном пробуждении, об антиколониальной борьбе трудящихся и о пролетарском интернационализме. Ряд своих восточных стихотворений и поэм печатал в периодике под псевдонимом Сеид-эль-Нур. В годы Великой Отечественной войны выезжал в составе писательских бригад на Крымский и Кавказский фронты.

Умер Азат Вштуни 26 марта 1958 года в г. Ереване.

Сочинения на армянском языке: Избранное, Ереван, 1971; на русском языке: Стихи и поэмы, М., 1973.

В ПУСТЫНЕ

Сквозь ночь, пустыней без конца, без края
Шагает караван надежд моих,
Огни горят, в бездонной тьме мелькая
То тут, то там; бог знает сколько их...

И вижу я в песчаном океане
Оазис дальний, дивный, словно сон.
Под пологом мечты он, как в тумане,
Прекрасен он, необычаен он.

В объятых тьмы, не ведавшей смятенья,
Чуть слышно колокольчики звенят...
Неясные, прекрасные виденья
Меня чаруют и к себе манят.

Певучий звон несется над пустыней.
Тревожа беспредельность тишины...
А в сердце небо — словно купол синий,
И сотни солнц в том небе зажжены.

Иду под перезвоны каравана
Пустыней, где живой росинки нет,

В жизнь, в даль, где пламенеет постоянно
Над кáпишем неугасимый свет.

Сквозь ночь, пустыней без конца, без края
Шагает караван надежд моих.
Огни горят, в бездонной тьме мелькая
То тут, то там; бог знает сколько их. . .

1915
Баку

ВЕЗДЕ

Мой брат, ты — всюду, всюду, и я всегда
с тобою,
Везде, где ты, я тоже в ярме труда с тобою.

Где ты исхлестан плетью, и я изодран тоже.
О брат, и сердце болью полно до краю тоже.

Мое терзает тело тот бич багряный тоже,
И тело покрывают большие раны тоже!

Как будто задыхаюсь и крепну сам — с тобою,
Дрожу и поднимаюсь, могуч и упрям, — с тобою.

Когда же радость трубит и песня трубит тоже,
Труху дырявой жизни восстанье рубит тоже,

Моя душа как будто гремит громами тоже,
Я старьй мир сжигаю, бросаю в пламя тоже.

Как будто это сам я, горящий, я — с тобою,
Я — миллионы, грозный, творящий, я — с тобою.

Мой брат, ты — всюду, всюду, и я всегда
с тобою,
Везде, где ты, я тоже в ярме труда с тобою.

1921

ВОСТОК

Лег в ширину бездной цветов, точно ковер
вытканый, ты,
Солнца шафран, золота свет, ало-оранжевый
джан мой Восток!
В книге моей солнечных дней яркой бежишь
ниткою ты —
Песни дыханье, сердца привет, жизненный свет,
джан мой Восток!

В сердце твоём лава течет, множество солнц,
много огней!
Армией солнц ты окружен, солнечный сын,
джан мой Восток!
Пламенный дух, тайн океан, множество книг
в бездне твоей,
Вышедший в мир, грозный шаир, гений веков,
джан мой Восток!

Ярче светил люстра ночей, мой и ничей,
пламенен ты,

Ты, что с зарей в муках больших солнце родишь,
джан мой Восток!
Горя диван, крови поток, песен земли
знаменем — ты,
С тысячью игр, безднами рос, солнечно взрос,
джан мой Восток!

Сын твой родной, я — твой поэт — гордо спою
тебе хвалу,
Славы заря, солнцем горя, брызжет в тебе,
джан мой Восток!
Я возношу мощи твоей, славной твоей
борьбе хвалу;
Гривою льва взвита хвала; кладезь побед —
джан мой Восток!

1928

Я ВЕРНУСЬ

Далеко ты, о мать моя!
Но в громе битвы голос твой,
Как шелест нивы, слышу я,
Твоя любовь и здесь со мной.
Свет материнской доброты
Сияет ласково вдали.
Печалишься, наверно, ты,
Морщины лоб пересекли.
Но минет расставанья грусть, —
Верь, дорогая, я вернусь.

Я расскажу тебе в тиши,
Как падал враг с штыком в груди,
Ты верной памятью души
За сыном издали следи.
А доведется услышать
Те песни, что о нас поют, —
Послушай эти песни, мать,
И мой в них славят бранный труд.
Перед врагом я не склонюсь,
Верь, дорогая, я вернусь.

Но если в буре боевой
Коснется смерть сыновних губ
И будет на земле сырой
Лежать мой охладевший труп, —
Ты, чья судьба мне дорога,
Высоко голову держи.
Пусть носит траур мать врага,
Я бился против зла и лжи.
Я в двери сердца постучусь,
Воспоминанием вернусь.

1943
Ереван

Гегам Сарьян

Гегам Сарьян — псевдоним Гегамы Багдасаровича Багдасаряна. Родился в семье портного 25 декабря 1902 года в г. Тебриз (Иран). Окончил в 1920 году Тебризскую армянскую семинарию. До 1922 года учительствовал в армянских школах Ирана (г. Марага и село Винан). В 1922 году переехал в Советскую Армению. Жил до 1926 года в Ленинакане, а затем в Ереване. Принимал активное участие в общественной жизни республики, избирался в 1946-м, 1962-м, 1970-м годах депутатом Верховного Совета СССР.

Поэтический талант Сарьяна по-настоящему развился в Советской Армении. Он стал поэтом социалистической нови. Известны также его поэмы на иранские темы. В годы Великой Отечественной войны создал цикл патриотических стихотворений, написал поэмы об исторических судьбах армянского народа. Гегам Сарьян много переводил с украинского и был удостоен звания заслуженного деятеля культуры Украинской ССР (1972).

Умер Гегам Сарьян 15 ноября 1976 года в Ереване.

В 1969—1972 годах вышли в свет на армянском языке сочинения Сарьяна в пяти томах; на русском языке: Стихотворения и поэмы, Ереван, 1959.

* * *

Если б только ты да я
Вышли вечером к ручью,
Унесла бы песнь моя
Думу грустную твою.

Под покровом темноты
Разболтал бы плеск ручья
Всё, чего не знаешь ты,
Всё, о чем мечтаю я.

1920

ГЮЛЬНАРА

Нет, не ведал хан и таджир не знал,
Чтобы цвел цветок, как Гюльнара, цвел...
О гаремов край! Ты еще не знал,
Не видал цветка, что бы так расцвел.

Если к небу вдруг заструился дым
И до самых звезд задымил кальян, —
У Гюльнары взгляд — солнце рядом с ним!
Ах, таких очей не видал Иран!

Пусть миндаль цветет в глубине долин, —
Не с Гюльнарой — нет! — может спорить он.
Пусть, омыт дождем, зацветет жасмин, —
Не с Гюльнарой — нет! — может спорить он.

Нет, не ведал хан и таджир не знал,
Чтобы цвел цветок, как Гюльнара, цвел...
О гаремов край! Ты еще не знал,
Не видал цветка, что бы так расцвел.

1

Девушка в Иране проживала,
Всё ковры ткала, всё для базара,
Старика отца оберегала;
Звали эту девушку Гюльнара.

Красотой Гюльнара поражала,
Всё проворней бабочки порхала
И глаза не красила сурьмой,
Волосы не украшала хной.

Так она, беспечная, жила,
Баннй коврик для ханум ткала —
О, роскошней цветников Шираз! —
Для ханум всё, — для себя ни разу.

Бьет она ножовкой об основу,
Нитка разноцветная сплелась,
Этой удивительной основе
Мог бы позавидовать Шираз.

Соловей запел бы без умолку,
Розы настоящими сочтя. . .
Ах, Гюльнара, ты могла из шелка
Целый сад сплести шутя.

Девушка в Иране проживала,
Всё ковры ткала, всё для базара,
Старика отца оберегала;
Звали эту девушку Гюльнара. . .

2

О моя красивая Гюльнара!
Кто эти глаза твои состарил?
В них легла глубокая тоска. . .
О моя красивая Гюльнара!

Ты окутана цветистым ситцем,
Но я чувствую, под ним недаром
В бедном сердце жалоба стучится,
О моя скорбяща. Гюльнара!

Девушка, оставь свою печаль!
Посмотри, как солнце полыхает,
Зреют апельсины и миндаль,
И поля кругом благоухают.

Ты, что, солнце вечное любя,
Даже не глядишь на небосклон,
Радость потеряла. Для тебя
Выглядит пион, как скорпион!:

Стонет стоном тихим тара,
 В сердце сега отдается,
 Сердце ноет у Гюльнары. . .
 Из гарема смех несется.

«Ты внимай словам Корана:
 Без чадры ужасна кара», —
 Будто слышит слово хана,
 Озирается Гюльнара.

Будто видит: хан пред нею, —
 Сердце стынет, цепенея,
 Но плетет, как на основе,
 Ропот сердца молодого.

Но Гюльнара ткет ковер свой,
 Ткет свой ропот, ткет недаром, —
 На основе из-под ворса
 Выткется портрет Гюльнары.

Образ мертвый оживляет
 Нитей шелковых игра,
 И глаза ее пылают,
 Будто скинута чадра.

Стонет стоном тихим тара,
 Сега плачет вместе с нею. . .
 Сердце бьется у Гюльнары
 Всё сильнее, всё сильнее.

Солнце поднимается всё выше,
Солнце улыбнулось горячо. . .
Из дому Гюльнара вышла,
Лег ковер на левое плечо. . .

Как роскошна комната у хана!
Вся в коврах и вся благоуханна,
На красивой низкой табуретке —
Клокотание воды кальяна. . .

Сердце девушки сильнее забилося
И трепещет, как вода кальяна. . .
И Гюльнара будто поклонилась,
Нехотя приветствовала хана:

«Я подарок принесла на славу,
Я с подарком принесла и жалобы:
Дай мне, хан, такое право,
Чтоб чадра к ногам упала бы».

Разостлала перед ним ковер,
Что красивей, чем его ковры,
И на хана устремляет взор,
И стоит бесстрашно без чадры.

«Ты — джинда, собакою ты стала!» —
Ханский крик несется над дворцом. . .
Вскрикнула Гюльнара и упала
С красным от пощечины лицом.

Прибежали разом хана слуги,
Весь гарем затрепетал в испуге.
Распростертое Гюльнары тело
Несказанной болью заболело.

«Пусть ее изрубят топоры!
Пусть ее собаки загрызут!
По моим владеньям без чадры
Женщины вовеки не пройдут!»

О Гюльнара! Как прекрасна даль!
Посмотри, как солнце полыхает,
Зреют апельсины и миндаль
И поля кругом благоухают.

Ты, что, солнце вечное любя,
Даже не глядишь на небосклон,
Ты лежишь недвижно. Для тебя
Выглядит пион, как скорпион. . .

Сумерки. Закат запылал.
Кровь течет, течет из каждой раны.
Умерла Гюльнара, — он увял,
Утренний цветок Ирана. . .

Нет, не ведал хан и таджир не знал,
Чтобы цвел цветок, как Гюльнара, цвел. . .
О гаремов край! Ты еще не знал,
Не видал цветка, что бы так расцвел!

Если б к небу вдруг заструился дым
И до самых звезд задымил кальян, —
У Гюльнары взгляд — солнце рядом с ним!
Ах, таких очей не видал Иран!

1929

СОВЕТСКАЯ АРМЕНИЯ

Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.
Пусть барабаны и трубы гремят,
Тысячи труб.
Яркий, ликующий, праздничный свет
Хлынул с высот.
Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.

Эта красавица с солнцем в очах
Кем рождена?
Тьму разогнавшая светом в почках
Кем рождена?
В ярком сиянии, в ясных лучах
Блещет она.
Девушка эта с надеждой в очах
Кем рождена?

Взглянет — безмерную даль озарит
Луч огневой.
Словно цветущий миндаль, опалит
Всех красотой.

Волосы светлы, как будто горит
Сноп золотой.
Взор, словно небо, сияет, манит
Голубизной.

Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб,
Пусть барабаны и трубы гремят,
Тысячи труб.
Яркий, ликующий, праздничный свет
Хлынул с высот.
Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.

В битвах, в труде создавали ее
С гордою песнею,
На наковальне ковали ее
Силу чудесную,
Бережно мы ограждали ее
Дали родимые,
Всюду врагов побеждали ее,
Непобедимые.

Тянется вдаль бесконечная сеть
Провода медного,
Чтобы стране по ночам не жалеть
Света победного.
Как же нам в песнях своих не воспеть
Славных строителей?
Как же нам лаской своей не согреть
Преобразителей?

К свету и к счастью мечты привели
Вольнолюбивые!
Вот как в трудах мы ее вознесли,
Наше творение!
Краем советским ее нарекли,
Землю счастливую!
Славится имя родимой земли,
Новой Армении!

Знала ты, прежде чем стала сильна,
Скорбь и мучения,
Верила ты, что настанет весна,
Минут страдания.
Нашим победным трудом создана
Слава Армении.
Край наш советский, родная страна,
Наше дыхание.

Людам зарей ослепительной будь,
Огненным знаменем,
Смело веди в предназначенный путь
Все поколения.
Чтобы грядущему веку сверкнуть
Ярче и пламенной,
Горя минувших веков не забудь,
Наша Армения!

Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.
Пусть барабаны и трубы гремят,
Тысячи труб.

Яркий, ликующий, праздничный свет
Хлынул с высот.
Пусть на рассвете сегодня трубят
Тысячи труб.

1930

* * *

С тех пор ста поколений нет. А ты живешь,
поэт,
Твоих могучих песен жар не угасает, нет!
Во тьме времен, во мгле веков, сколь
ни темна она,
Царь песен Фирдоуси, ты сияешь, как луна.

Года бегут, века пройдут, и сколько будет их!
Но не померкнет чистота бессмертных
слов твоих.
Вновь поколения придут и сгинут, говоря,
Что Фирдоуси вечно юн и светел, как заря.

1934

* * *

Вновь пришел домой я с далеких гор,
Наверху блуждал и в ущельях скал
Слушал диких вод со скалою спор,
И потоки вброд я пересекал.

Птичьи голоса слушал я в лесах,
Шелестом листвы лес ласкал меня,
И ковер травы в золотых цветах
Расстилался вокруг, отдохнуть маня.
Шли навстречу мне, словно волны вод,
Зрелые поля, колос шевеля.
И смотрел с высот старый небосвод
На вершины гор, на тебя, земля.
Таяла вверху облаков гряда.
Шел я мимо сел; в дымке голубой
Видел города, слушал гул труда.
Всё, что видел я, — всё принес с собой.
Всё, что мне в пути было кинуть жаль.
Горы и откос, травы — в каплях рос,
Радость и печаль, виденную даль —
Всё, придя домой, я с собой принес.

1935

РЕБЕНКУ

Ты — нежный, свежий, шелестящий
На старом дереве листок.
Ты — щебет ласточки, стремящей
Полет свой к солнцу, на восток.

Ты — свежий лист, в зеленой чаше,
На ветке старого ствола.
Ты — щебет ласточки, летящей,
Раскрыв стрельчатые крыла.

1937

* * *

Ты спичка. Вспыхнешь — дом согрет.
Зажжешь ты лампу — мрака нет.
Я — человек, и не секрет,
Что мне нужны огонь и свет.

Но сходство можно всё ж найти —
Горю как спичка я почти:
Боюсь сгореть на полпути
И огонька не донести. . .

1937

* * *

Курил я долго, до зари курил,
Как будто с кем-то близким говорил.
И душу мне отяжелела грусть,
Как пепельницу — черных спичек груз.
Я всё курил, а пепел гас и рос
Над мертвой колоннадой папирос,
И как руины сердца, в сизой мгле
Стояла пепельница на столе.

1937

ПРОХОЖИЕ

Я встретил юношу, чей взгляд
Направлен в небо был.
«Зачем всё вверх ты смотришь, брат?» —
Я юношу спросил.

И юноша ответил мне:
«Мне люб небесный свод
Затем, что в синей вышине
Мечта моя живет».

Я встретил мужа в блеске сил,
Чей взор вперед летел.
«Куда спешишь ты? — я спросил. —
Ты, что горяч и смел?»

И он ответил: «Жизнь вокруг
Бурлит, грустит, зовет,
Я всё хочу успеть, мой друг,
Я тороплюсь вперед!»

Согбенный старец под конец
Мне встретился в пути.
«Как можешь ты вот так, отец,
Уставясь вниз, идти?»

Сказал он: «Жизнь прошла моя,
Конца с тоскою жду,
И глаз поднять не в силах я
С земли, куда уйду».

1940

ДЭЛФРОШ И ЭЛ-НУРИ

Погожий вечер был хорош.
Остановился Эл-Нури
Перед окном своей Дэлфрош,
И так взмолился Эл-Нури:

«Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Кинь на прохожего свой взгляд, —
Ты в сердце горестном найдешь
Опустошенный бурей сад.

Трава повяла,
Засохли лозы,
Любовь украла
И сон и слезы.

О, выгляни в окно, Дэлфрош,
Не выглянешь — меня убьешь».

Глядит Дэлфрош на Эл-Нури
Из приоткрытого окна
(Ах, в сердце нож у Эл-Нури),
Глядит и говорит она:

«Ступай, прохожий,
Своей дорогой.
Лицом пригожий —
Меня не трогай.

Твоя хвала мне, что хула, —
Мне люб охотник Рухулла.

Не стой напрасно
Здесь, у порога.
Ступай, несчастный,
Своей дорогой».

Потупил долу взор, грустя,
И удалился Эл-Нури.
Но ровно семь недель спустя
Опять явился Эл-Нури.

«Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Пусть бог отнимет жизнь мою,
Тому, с кем счастье ты найдешь,
Свои надежды отдаю.

Да будет счастлив
Твой любимый,
От всех напастей
Судьбой хранимый.
Взгляни же на меня, Дэлфрош,
Подай мне сожаленья грош!»

Дэлфрош глядит на Эл-Нури
Из приоткрытого окна
(Печален вид у Эл-Нури),
Глядит и говорит она:

«Ты лжешь, прохожий,
При каждой встрече.
На что похожи
Такие речи?»

Не лицемерь же, Эл-Нури,
И о любви не говори.

Любя—ревнуют,
Не уступая.
Не так тоскует
Любовь слепая».

Потупил долу взор, грустя,
И удалился Эл-Нури.
Но ровно семь недель спустя
Опять явился Эл-Нури.

«Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Давно я чашу скорби пью,
Поверь, любовь моя не ложь, —
Знай, я соперника убью.

Он тщетно хочет
Достигнуть цели,
За ним охочусь
Уж три недели. . .

Взгляни ж, голубка, на меня,
Лукавым взором взор пьяня!»

Дэлфрош глядит на Эл-Нури
Из приоткрытого окна
(Огнем горит взор Эл-Нури),
И говорит ему она:

«Уйди, убийца,
Тебе не верю.
Любви ль добиться
Такому зверю?»

Свои желанья усмири,
Уйди, недобрый Эл-Нури.

Коль Рухулла ты
Убьешь, прохожий,
Знай, ни минуты
Не жить мне тоже».

Печалью с черной тучей схож,
Вновь удалился Эл-Нури.
И через семь недель Дэлфрош
Во сне явился Эл-Нури.

«Моя Дэлфрош, моя Дэлфрош,
Тебя зовет мой призрак вновь.
Я так любил тебя. И что ж,
Что сделала со мной любовь?»

Что мне осталось
На этом свете?
Людская жалость...
Скала и ветер...

С горы отвесной
Упав на камни,
Лежу я... Песней
Шумит река мне.

Взгляни же на меня, Дэлфрош,
Верни мне радость дня, Дэлфрош».

И облаком в ночную тьму
Он уплывал, печален, нем. . .
И крикнула Дэлфрош ему:
«Зачем, о юноша, зачем

Погиб ты от своей любви?
Как хороши твои черты,
Живи в душе моей, живи,
Бессмертным стань отныне ты

Я так хотела
Мечтой безгрешной:
Души — не тела
Любви нездешной!

Любовь земная
Так быстротечна:
В мечтах иная
Сияет вечно!

Ты жил любовью, Эл-Нури.
Нетленен свет ее зарю».

Но, как падучая звезда,
Вдаль устремился Эл-Нури. . .
И никогда уж, никогда
Не возвратился Эл-Нури.

1941

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой мальчик, мой пленец,
Песнь тебе спою я,
На войну ушел отец,
О тебе тоскую.

Пожелай ему в пути
Мужества и силы,
Будет он в тоске идти
От тебя, мой милый.

Пусть он будет тверд и прям,
Храбр на поле боя,
Пусть придет с победой к нам,
К нам, сынок, с тобою.

Спи, мой мальчик, мой пленец,
Песнь тебе спою я,
На войну ушел отец,
О тебе тоскую.

1944

* * *

Душа чиста, как снег, — храни ее от тленья,
От прозябания, от суеты сует.
Ты словом одарен и пылом вдохновенья.
Бессмертен этот дар, так значит —
смерти нет.

1945

РОСТ

Деревице страны моей, —
Краще не найти.
Год от года будь сильней,
Крепни и расти,
Чтобы с каждой весной
Ты пышней цвело.
Чтобы тенью в летний зной
Ты людей влекло.
Дай по осени плоды —
Слаще не найти,
Никогда не знай беды
И цветы, цветы. . .

1946

УКРАИНА

Материнскую ласку прекрасной земли
Берегу я в признательной памяти сына,
О тебе, ненаглядной, мечтаю вдали,
Украина, родная душа Украина!

Всё мне видятся синие воды Днепра,
Древний Киев в предпраздничном радостном
шуме,
Здесь, как будто недавно, как будто вчера,
Сам Тарас проходил, погруженный в раздумье. . .

Всё мне чудится: Канев и праздник певца,
Песнь Тараса исходит народной кручиной,

Тихо дождь моросит. . . Жарко бьются сердца. . .
Украина, родная душа Украина!

Всё мне видится. . . Но омрачается взор:
Польхают пожары, и рушатся села,
Черным дымом застлало цветущий простор,
Топчут ноги врага дорогие мне долы.

Но сквозь бурю, как храбрый Богдан на коне,
Мчится воин бесстрашный, светлеют руины,
Отзывается гордою песней во мне
Украина, родная душа Украина!

Вновь цветешь ты спокойно, родная моя,
Вновь шумит и волнуется зрелое поле, —
Возвратились с победой твои сыновья,
Материнская слава — сыновняя доля.

Будь же благословенна, прекрасная мать,
Будь навеки светла, золотая равнина!
Как хотел бы я землю твою целовать,
Украина, родная душа Украина!

1947

* * *

Прошло. Не сетуй, друг. Таков закон
вселенной
Проходят чередой за днями дни, как дым.
Любой костер сгорит, любая роза — тленна.
Никто не устоит пред временем седым.

*

Лови ж свой каждый день, — его тревогам
Дели с ним радость, гнев, борьбы упрямый
Ведь сколько ни живи, возьмешь с собою
Мучительный вопрос: зачем так мало жил?

1947

* * *

Говорят, это было давно — не вчера,
А когда — неизвестно,
На куски бирюзы раскололась гора
И заполнила бездну,
Стала таять под взорами солнца она
Постепенно, не сразу.
И — проснувшись, вздохнула Севана волна
На груди у Кавказа.

1952

* * *

Ни об одном из всех прошедших дней
Я не жалею —
В счастье и в печали
Они бесценный клад в душе моей,
Они, как звезды, светят мне сквозь дали.

Порой в них радость, а порой беда —
Я снова день за днем переживаю,
И, кажется, сквозь эти дни всегда
Печально смотрит мать моя живая... .

1957

* * *

Ручей, если встретишься с ней в пути,
Ты ей прожурчи о моей любви.
Ты, ветер, следом за ней полети
И ей прошепчи о моей любви.
Леса, если сядет она в тени,
Шепните ей о моей любви.
Весенние птицы, ночи и дни
Свистите ей о моей любви.
Луга и сады, цветами звеня,
Вы с ней обо мне поведите речь!
Вы эту любовь вдохнули в меня —
И вы должны ее уберечь.

* * *

Памяти погибших воинов

Я устремляю вдаль усталый взор —
Не возвратились пахари домой.
Лучи угасли на вершинах гор —
Не возвратились пахари домой.

На землю вечер тенью синей лег —
Не возвратились пахари домой.
Мне мглой холодной душу обволок —
Не возвратились пахари домой.

В тумане вспыхнул дальний свет окна —
Не возвратились пахари домой.
Какая на дорогах тишина —
Не возвратились пахари домой. . .

НАДГРОБНАЯ

Наземь он упал во время боя,
Ночь мгновенным озарив огнем.
Прах ушедшего от нас героя
Мы земле сегодня предаем.
Брат мой! Ты погиб, но поколения
Будут помнить трудный подвиг твой.
Спи спокойно, воин! Нет паденья
С высоты, достигнутой тобой.

ХРИЗАНТЕМА

Хризантема, белый мой цветок!
Светишь ты последней сединой.
Как проститься нам? Приходит срок.
Ты, моя печаль, передо мной.

Холод не проходит стороной,
Не видать вдали других дорог;

Мы с тобой белей зимы земной,
Белый снег особенно глубок.

Белый снег особенно глубок,
Без тебя я был бы одинок;
Мы пойдем дорогою одной,
Хризантема, белый мой цветок.

* * *

Тише сонных вод
Лоно звездных волн.
Там луна плывет,
Как небесный челн.

И когда темно,
На таком челне
К матушке в окно
Отплывать бы мне!

Ваграм Алазан

Ваграм Алазан — псевдоним Ваграма Мартиросяна Габузяна. Родился в семье ремесленника 6 мая 1903 года в г. Ван (Западная Армения). Начальное образование получил в приходской школе. В 1915 году, когда турецкая реакционная верхушка организовала истребление армянского населения, Алазан бежал в Ереван. Жил в приюте. Был чернорабочим, учеником в сапожной мастерской. С 1918 года работал в типографии наборщиком. Первое стихотворение опубликовал в 1921 году. Через год — первый стихотворный сборник «Иго лет». В 1923—1936 годах был одним из руководителей Ассоциации пролетарских писателей Армении, а затем — Союза советских писателей республики. В июне 1935 года Алазан принимал участие в работе первого Парижского конгресса в защиту культуры. Ваграм Алазан — автор ряда произведений в прозе: «Северная звезда» (1956), «Воспоминания» (1956).

Умер Ваграм Алазан 17 мая 1966 года в Ереване.

Сочинения на армянском языке: Сердце поэта, Ереван, 1954; на русском языке: Сердце поэта, М., 1958.

ТРИ ЗАВЕТА

Он три завета взял с собой,
Идя на фронт, в огонь войны:
Молитву матери седой,
Прощальный поцелуй жены

И плач ребенка... Там, в боях,
Солдат сражался как герой,
И три завета, словно стяг,
Вели его из боя в бой.

Он шел вперед назло смертям
И трижды ранен был врагом,
Но три завета, как бальзам,
Будили снова силы в нем.

И, возвратясь домой с войны,
Был матерью благословлен,
Нашел объятия жены,
Услышал смех ребенка он.

1946

АНГАРА

До чего хороши
На реке вечера!
Вроде русской души
Широка Ангара.

К ней на самое дно
С поредевших осин
Закатился давно
Золотой апельсин.

Небо сразу померкло.
Вздыхает волна.
А в нее,
Точно в зеркало,
Смотрит луна.

До чего вечера
На реке хороши!
Широка Ангара
Вроде русской души.

Сколько скрыто в ней сил!
Я и сам рядом с ней
Вроде — тверже, чем был,
Вроде — духом сильнее. . .

1949

МЕДЛЕННО ПАДАЕТ СНЕГ

Медленно падает снег,
Стынут леса оголенные.
Сколько мечтаний навек
Кануло в пропасть бездонную!

Много ли к солнцу дошло
Песен, ему предназначенных?
Сколько костями полегло
Дум и любви нерастрченных!

Медленно падает снег,
Стынут леса оголенные.
Сколько мечтаний навек
Кануло в пропасть бездонную!

1953

РОДНИК

Словно совесть моего народа, чистый,
Словно мысль его, правдивый и лучистый,
Зоркий, как и он, добрый, как и он,
Горными снегами вспоен и рожден,
Бьет из-под земли весело родник.

1954

ГОРЫ

Горы родные, бывшего страницы,
Окаменевшие думы народа,
Сколько в безмолвии вашем таится
Чаяний, мыслей за долгие годы!

Прошое вы открываете взору,
Высекла мудрость на скалах морщины.
Горы родные, суровые горы,
Славы свидетели ваши вершины.

1954

МАРТИРОСУ САРЬЯНУ

Запершись, бывало,
 в мастерской,
Солнце
 и цветы обыкновенные
Он своею кистью
 колдовской
Превращает в песню вдохновенную.

В песне той —
 родная сторона,
С чем его душа
 навек связана.
Жизнью
 продиктована она
И любовью к родине подсказана.

Оттого она и не умрет,
Что, по своему обыкновению,
Просто —
 взял он в рамки
 небосвод,
Горы
 и поля родной Армении.

1955

МОИМ ВРАЧАМ

Дорогому Айку Джалалтяну

Нет, я не верю вам, не верю
И потому лекарств не пью.
Впадать в унынье не намерен,
Но только вы не посягайте
На жизнь мою.

Она для сердца шла не гладко,
Волнений много позади.
Не наводите в нем порядка.
Пускай оно стучит как хочет
В моей груди.

Оно с трудом меня терпело,
Порою я его терпел.
Но вы его хвалите смело:
За ним, поверьте, есть немало
Хороших дел.

И вы ему не говорите,
Что вот, мол, надо отдыхать.
Еще не все долги покрыты,
Еще не раз ему придется
Любить, мечтать.

Я уважаю вас, поверьте,
Но пить лекарства выше сил.
И, право, я далек от смерти,
А если жить, так жить на свете,
Как прежде жил.

1956

ТВОИ ГЛАЗА

Жизнь на меня не взглянет косо,
Не очаруют чьи-то косы,
Пока горят,
Даря любовь
Всё вновь и вновь,
Твои глаза.

И если буду в бурном море
Тревог, печалей, слез и горя,
Я буду знать:
Любовь храня,
Зовут меня
Твои глаза.

И если мир мне станет тесен,
Не будет сил, не будет песен.

Испепелюсь, истрачусь весь я,
То к жизни вновь
Меня вернут
И сберегут
Твои глаза.

1956

НЕПОВТОРИМОЕ

Молчали мы...
Луна спустилась низко,
На рукаве твоём повисла нежно,
Растаяла в твоих глазах.

Молчали мы...
Уста коснулись уст,
И стали горы речью, песней,
И в трепет превратились звезды.
Молчали мы...
Нож облачка луну разрезал пополам.
Еще уста дрожали.
Так сердце жжет лишь первая любовь.

Ты — мой венок! Ты увенчала жизнь.

1956

ТВОЙ ЗОНТ

Твой зонт похож на абажур,
На мак головкой вниз похож,
Но он коварен чересчур,
Он для меня как острый нож.

То птицей вверх взлетает он,
То возвращается назад,
И ускользает, словно сон,
От глаз моих твой дивный взгляд.

Несносный зонт при свете дня
Тебя скрывает. От кого?
От солнца? Или от меня,
От зноя сердца моего?

Так знай: не спрячешься под ним.
Я вспыхну злобой, как к врагу,
И взором пламенным своим,
Как абажур, его прожгу.

1956

Гурген Маари

Гурген Маари — псевдоним Гургена Григорьевича Аджемяна. Родился 1 августа 1903 года в Западной Армении в г. Ван (Турция). «Я был совсем еще маленький, — писал Маари в автобиографических заметках, — когда потерял отца, чуть постарше, когда потерял родной город». Это случилось в 1915 году. Будущий писатель вместе с другими беженцами из Западной Армении добрался до Армении Восточной. Воспитывался здесь в приютах Эчмиадзина, Дилижана и Еревана. Окончил историко-филологический факультет Ереванского государственного университета (1927). Начал печататься в 1917 году. Первая стихотворная книга вышла в 1924 году. Принимал активное участие в литературной жизни республики. Широкую известность получили лирические стихотворения Маари и его повесть «Детство и юность». Много спорили о последнем ярком историческом романе Маари «Сады горят» (1966).

Умер Гурген Маари 17 июля 1969 года.

Сочинения на армянском языке: Давильня, Ереван, 1960; в русских переводах: История старого сада, М., 1959; Огни Наири, М., 1962.

СНЕГ

Сколько легкости в тихом снеге,
Невесомости. . . Нежно, млечно
Перья птицы, умершей в небе,
Вьются, падают — бесконечно.

И спокойное подступает
К сердцу чувство в денек ледовый.
Рано ль, поздно ль, зима растает,
Путь к весне уступая новой.

Солнце спустится с гор в низины,
Чтобы в край мой родной вернуться.
Зазвенят, задышат долины,
Луговины нам улыбнутся.

Птицы умерли в белом небе,
Перья сеются бесконечно.
Сколько легкости в этом снеге,
Невесомости в снеге млечном.

1920

ТОСКА О ТОСКЕ

В ущелье вечерний изломанный ветер
Упал. И туман луговиной поплыл.
О, как бы я друга заветного встретил,
Со мной разлученного, — если б он был.

Нет, я о любом не жалею поступке,
Когда, расточая свой песенный пыл,
Чужим раздавал я и вина и кубки,
Хоть собственный кубок наполнить забыл.

О, как бы я друга заветного встретил,
Со мной разлученного, — если б он был.
В ущелье вечерний изломанный ветер
Упал. И туман луговиной поплыл. . .

1920

ЛЕТО

Жара. Стоит уже утро.
Плоды разомлели в душном
Покое. Не дышит воздух.
Дома стоят равнодушно.

Ах, сейчас на полях моей родины
Веет ветер, вода шуршит.
Голубеют колосья веселые,
И зеленое море шумит.

Тишь. Удод за листвою
Напевает с утра:
«Жара!»

1922

СЕГОДНЯ

Сегодня в тебе словно стихло вдруг что-то,
о сердце мое. Ты как будто дитя.
Ты видишь — на поле хлебов позолота
и ветер смеется, над миром шутя.

То стихнет дитя, то как будто проснется
и хочет комету вдруг сцапать за хвост.

Подайте ему это рыжее солнце
и в миску насыпьте сверкающих звезд.

Спокойно, дитя. Что нам звезды эфира,
настали иные теперь времена,
и нам не нужна эта старая лира,
и новые в мире взойдут семена.

Пусть юная роза из праха возрастала —
люби ее, властвуй, целуй не грустя.
Я рад, что печаль твоя словно устала.
О сердце мое, ты совсем как дитя...

1925

ИДИЛЛИЯ

Дождь утихнет,
Приду я в долину пешком.
Там — по девушке грустной
Под каждым кустом.

Я их всех соберу,
Их негаданный друг.
Посмеемся,
Пока не стемнеет вокруг.

О тебе мы пошепчемся,
Глядя в туман,
Нам акация скажет:
«Пора по домам».

И исчезнут они,
Канут в сумерки, в дым.
Под акацией
Я лишь останусь один.

И возникнет луна,
Одевая ревниво
Светом желтым лужайки
И нивы, и нивы. . .

1925

ОРОР, ОРОР, СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Дням юности моей, залитым солнцем,
И новым чувствам жизни смелой, чистой,
Надеждам и мечтам моим бессонным,
Орешине густой, широколистой —
Орор, орор, спокойной ночи.

Орор, орор ущелью и долине,
Тропинке узкой, тополю и птице,
Акации моей, лесной малине.
Пусть нивам, скалам, людям сладко
спится, —
Орор, орор, спокойной ночи.

И камышам, и небесам лазурным,
Лесам, камням, и пастбищам, и лозам,
И сердцу, что побито ливнем бурным,
И всем сердцам — кроваво-красным розам —
Орор, орор, спокойной ночи.

Орор, орор поэтам солнцееким,
Чья мысль донине над людьми витает,
Читателям и близким и далеким
И тем, кто нас уж больше не читает, —
Орор, орор, спокойной ночи.

1926

ПОЭТ

Ночь была прозрачной, лунной,
Ночь была светла,
Тоненькой тростинкой юной
Мать моя была.

Был отец мой сильным, статным.
Пели тополя,
Мир казался необъятным.
Доброю — земля.

Сердце волновала зовом
Песня у реки,
А на взгорье бирюзовом
Тренькали сверчки. . .

Эх, трещотки, лишь с рассветом
Смолкли вы, друзья!
Это из-за вас поэтом
Уродился я.

1926

ЗАКАТ

В желтые апельсины
нивы оделись снова;
в поле зеленовато-синем
фата из шелка цветного
и желтые апельсины. . .

Стадо домой вернулось
с апельсинового поля рано,
сквозь облака всё гуще
просеивается вязь шафрана.
И стадо домой вернулось...

В пруду справляются свадьбы
рыб, звезд и капели.
Луна там сидит тамадою,
лягушки — опьянели...
В пруду справляются свадьбы.

1926

БАЛЛАДА О ЧАЛО И О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

1

Чало был пес мой, пес сероглазый.
Чудесным другом был Чало,
Он падал навзничь, он часто лазил
Под бабушкину шаль, в тепло...

Из корзинки старенькой я таскал
Разноцветные лоскуты
И хвост и шею Чало украшал,
Вел в поля, где цвели цветы.

Чало выступал весьма шегольски,
Шевелил игриво хвостом,
Порсю рычал, но не от тоски,
А в собачьем счастье простом.

Обходили мы дворы стороной,
Чтоб не встретить чужих собак.
Вечер падал синею пеленой,
Обступал поля полумрак. . .

2

Чало был пес мой, пес сероглазый.
Чудесным другом был Чало.
Он падал навзничь, скакал, проказил. . .
Но судьба поступила зло.

Пропал он, пес мой, в годину бегства.
Под копытами чьих коней?
Грустила осень над бедным детством.
У меня не стало друзей.

3

Веселой девушкой светлицей
Была вторая моя любовь.
От волос ее пахло корицей,
Золотились косы и бровь.

Стояла полночная тишина,
Когда мы с нею вошли в сад.
В легком сером платье была она,
Поспевал в саду виноград.

Под густыми лозами сели мы,
Шелестела вокруг трава,
На мои колени легла средь тьмы
Ее милая голова.

О любовь, любовь моя! Ночь. Тепло.
Из туманных ее зрачков
Вдруг, грустя, выглядывает Чало,
Говорит со мною без слов...

Тихо нежится виноград вокруг,
Чу... шуршание началось, —
Дождик капает... О пропавший друг,
Я тебя не забыл, Чало!

.

Лай твой плачущий я вспомнил сразу,
Из давних дней его донесло.
Чало был пес мой, пес сероглазый.
Чудесным другом был Чало.

1926

ВОСПОМИНАНИЕ

Дождь весенний бушует за ставней
Всё вольней и сильней.
Вспоминаю напев стародавний,
Вспоминаю о ней.

Да, в саду моих песен, как ливень,
Прошумел ее шаг.
И от роз распустившихся дивен
Стал мой вспыхнувший сад.

Полон мокрой полыни сомнений
И деревьев тоски,

Сквозь акации увеселений
Он смотрел колдовски.

В нем забился фонтан. Раззадорясь
От избытка — тогда
В нем запела вода-песнетворец.
Зазвенела вода.

И теперь под напев стародавний
Я припомнил о ней.
Той далекой. . . За старую ставней
Дождь шумит всё сильнеей.

1926

ПЕРВЫЙ

О, я не последний, поймите меня,
багровая боль — не последняя тоже.
Умрешь ты, печаль моя, вдруг отзвения,
но новая песня сердца потревожит!

Последний поэт! . . . Еще нет тебя,
всё ж —
придешь ты в веселом, густом оперенье,
и каждая песня поэта — как нож,
и каждая песня — сердец опыленья!

Последний поэт! . . .
Твоя песня как суд!
Будь гордым, смотри ты на мир синеоко!

И пусть изругают тебя и распнут —
но песнею вспашешь сердца ты глубоко.

Придешь ты из самой глубокой глуши,
и песни твои зазвучат от души!

О, я не последний, поймите меня,
багровая боль, что в душе у поэта,
она передастся, как эстафета,
она не последняя у меня.

1927

УМИРАЮЩИЕ КОЛОКОЛА

Колокола старых церквей,
колокола старых церквей. . .
Приснился богу печальный сон —
над грустным миром угрюмый звон.
Над нищею страной моей
бездумный, хмурый, ржавый звон,
он слышен с четырех сторон.
Колокола старых церквей
над колыбелью звонили моей.
Их медный звон
как долгий стон.
Колокола старых церквей
скоро умолкнут навсегда.
Сын мой, над колыбелью твоей
стройки грохочут,
гремят города,

буден могучих большая страда,
звон наковален
и песни труда...
Всё тише звонят — их пора отошла —
умирающие колокола...

1929

ЛУННАЯ ЛЮБОВЬ

Когда колышутся леса,
Леса тенистые, густые,
Опять тебя, моя краса,
Припоминаю. Прожитые
Припоминаю дни. Закат.
И клен высокий над забором
И зрелой нивы аромат.
И дуновенья. Тем же взором,
Что был когда-то у тебя,
Луна сегодня поглядела...
И вновь, томительно скорбя,
Я вспомнил, горько, онемело,
Твой лик, твой шаг, моя краса,

И те часы недожитые.
...Смотри, качаются леса,
Леса качаются густые.

1929

* * *

Твои глаза сегодня
Чисты, как детство.
Твои глаза сегодня
Так близко-близко.
Любуюсь прядью черной,
Не наглядеться.

Твои глаза сегодня
Чисты, как детство.
Сегодня стан твой юный,
Мой нежный деспот,
Пшеницы золотее.
Ликую взглядом:
Твои глаза сегодня
Чисты, как детство.
Твои глаза сегодня
Так рядом-рядом. . .

1929

В «АНГЛЕТЕРЕ»

Как будто слышу скрип дверей —
вошел он, встал. . .
Но всё кончается.
И вот он в комнате своей
в затянутой петле качается.

А жизнь ушла вперед, в простор.
И без него часы затикали.

Года души его костер
холодным пеплом весь засыпали.

Ночь. В «Англетере» тишина.
Но песня новая слышна
за окнами рассветными.

Зову поэтов молодых
и розами встречаю их —
весенними, бессмертными.

1935

ЗИМА

Научить бы белый рой
прямо в сердце падать.
Снег, ты белизной покрой
выцветшую память:
лес, мой дом, очаг сырой. . .

Падай, медленно кружись,
как тогда, бывало, —
в сердце клокотала жизнь,
пламя бушевало.

Падай тихо с высоты,
с вечного простора,
будто бы в чертогах ты
древнего собора.

Белыми мечтами, снег,
сердце застели навек. . .

1949

БАЛЛАДА О СИБИРСКИХ ВОРОБЬЯХ

В далекой деревне далекой Сибири,
В краю, где зима белой гривой трясет
И дрожь пробирает березы, в той шири,
Где славный Ермак завершил свой поход, —

Жестокий мороз обжигает, как пламя,
Прямою колонной возносится дым,
Домишки с продутыми ветром углами
Напуганы насмерть бураном седым.

Сибирская стужа! Ты правишь не всеми,
Не всех укротили угрозы твои:
Под стрехами старых избенок всё время
Чирикают зябнувшие воробьи.

Хотя от чириканья снег не растает,
Амбар не наполнится крупным зерном, —
Чирикают храбрые, шумно взлетают,
Зима не пугает их мертвенным сном.

Пусть голодно, холодно так, что нет мочи,
Один воробей уж замерз на лету,
И камушком падает жалкий комочек, —
Они всё чирикают, всё на посту.

О чем они свищут, с отчаяньем споря?
О мире на всей утомленной земле,
О старости, о человеческом горе,
О жизни безбольной, о летнем тепле?

О слове, а может, о равнодушии,
О суетных радостях, песнях, боях,
О тоненьких нитях, связующих души,
Забытых могилах в далеких краях?

О чем — не поймешь. . . Но чирикают птицы.
Попробуй-ка, буйную жизнь усьмири!
Пусть ветер и стужа, пусть нет ни крупички —
Чирикают знай от зари до зари!

1951

КРАСНЫЙ МАК

Утес похож на каменный кулак,
нависший грозно над глухою бездной.
А на его вершине красный мак
расцвел под тихой синевой небесной.

И этот пост, им занятый, высок.
И смотрит на бескрайний мир беспечно
веселый огнедышащий цветок,
которым любоваться можно вечно.

Его сюда случайный вихрь занес.
Но семя беззащитное сумело
сдружиться с камнем, полюбить утес,
наполнить соками худое тело,

стать молодым цветком, смеяться в зной,
играть с ветрами, пить весенний ливень,

и целоваться по ночам с луной,
и тени полюбить за четкость линий.

О, красный мак, он выиграл борьбу
там на утесе хмуром, в поднебесье.
Его судьба похожа на судьбу
моей веселой и беспечной песни.

1953

ПОЧЕМУ ОПОЗДАЛА ТЫ

Почему опоздала ты, вешняя девушка,
Почему опоздала ты, вешняя грусть?
Я спускаюсь по склону и вижу: ты светочем
Поднимаешься. Я к тебе взглядом тянусь.

Почему опоздала ты, легкая бабочка,
Видишь — вечер. И ночи пора наступать.
Видишь, солнце уже за горою далекою, —
Ах, о чем забывать мне, о чем вспоминать?

Может, нежно обнять тебя, сладко заплакать?
Гладить волосы? .. Как необъятны года!
Неужели пораньше прийти не могла ты...
Чем так поздно, уж лучше бы и никогда.

1953

НА ВОЛОСАХ МОИХ ЗИМА

На волосах моих зима, но в сердце зной.
Как лето, как палящий зной, приду я и уйду.
Я песню унесу с собой и унесу любовь.
Как пламя песни золотой. Приду я и уйду.

Прощайте, тополя мои! Прощай, прощай,
И Арарат священный мой! Приду я и уйду.

Как осень, принеся плоды, уходит прочь,
Отдав поклон земле родной, — приду я и уйду.

1956

ЗЕЛЕНОЕ ОЗЕРО

Э. Межелайтису

Озеро — зелено, лес — синеват.
Озеро в лад с ветерками колышется,
Явственно слышится голос высот,
Зелено, зелено небо поет.

Зеленокудрые стаи наяд
С озером в лад упоенно колышутся.
Ветви над зеленью вод привстают,
Зелено, зелено воды поют.

1958

*

СЛОВО О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ И ВААНЕ ТЕРЯНЕ

Много звонких певцов прославляли армян —
и Кучак, и Егише Чаренц,
и Дурян, и Мецаренц,
Даниэль Варужан, Ованес Туманян.

Этих — голод скосил, тех — кривой ятаган.
Поколения шли чередою.
Чья-то песня сияет звездой,
чья-то скрылась в холодный туман.

Был увенчан наирский Парнас
славой близких и дальних созвездий,
высочайшей вершиной на свете
он сиял и сияет сейчас.

Пусть певцам дар поэзии дан,
не завидовал я их таланту —
ни лучистым стихам Сиаманто,
ни тебе, славный Исаакян.

О Терян, зависть знал я к тебе —
но не к женственной рифме глагольной,
не к слогам, словно звон колокольный,
а к твоей знаменитой судьбе,

а к тому, о любимый поэт,
что ты Ленину, мудрому другу,

жал рукой своей собственной руку
и Армении дальней привет

передал ему. Видел, как он —
будто проводом тоненьким этим
связан с будущим дальним столетьем —
отчеканил приказ в телефон,

как истории целину
днем и ночью он пашет упорно
и, бросая в грядущее зерна,
ждет народного счастья весну.

И ты знал, что теперь спасена
та земля, что слезами богата,
где в священной тени Арарата
в нищете умирает страна.

И ты знал — будут дали светлы,
встанут села, цветением пенясь,
и страна Наири, словно феникс,
вновь воскреснет из пепла и мглы.

Я завидую, слышишь, тебе,
но не ласковой рифме глагольной,
не слогам, словно звон колокольный,
а завидую редкой судьбе.

Мне хотелось бы больше всего
долго Ленину, мудрому другу,
жать рукой своей собственной руку,
быть с ним рядом и слушать его.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой тихий,
спи, упрямый,
в тихой зыбке.
Я спою тебе, как мама,
об улыбке,
я спою тебе о мире
о просторном. . .
Спи, мой тихий,
спи, покорный.
Я спою тебе о мире. . .
Я слова спою такие,
что сверкают,
от которых в колыбели
засыпают. . .
Над твоею колыбелью
я зажгу луну свою,
к твоим плечикам тихонько
звезды теплые пришью,
звезды,
чтобы над тобою
сроду не был день ненастный.
Спи, дитя моих мечтаний,
спи, мой славный. . .
спи, мой ясный.

ПРИДИ. ДОРОГАЯ

Приди, дорогая, в цветник моей песни.
Приди, в нем такая прохлада.
Приди и почувствуй дыхание жизни
Над лучшими розами сада.

Последний гранат за листвою умытой
Сберег для тебя я, отрада.
Светла изобильная полночь. Открыта
Калитка в безмолвие сада.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ласточки вернулись из краев далеких
По дорогам длинным, по путям незримым.
Ласточки вернулись — стаи песен легких
С голубым рассветным розоватым дымом.

Ласточки вернулись, ласточки спустились
На родные крыши, всюду замелькали.
У одних от ветра гнезда развалились,
А другие — старых гнезд не отыскиали.

Мечутся тревожно в воздухе просторном
И, не отдыхая даже ни минуты,
Прутья, ветки носят, вьют себе упорно
Гнезд нерукотворных верные уюты.

Так они свивают, полные веселья,
Гнезда из счастливых голосов и глины...
Ласточки вернулись, спутники апреля,
На родную землю с неродной чужбины.

Ашот Граши

Ашот Граши — псевдоним Ашота Багдасаровича Григоряна. Родился в семье рабочего-нефтяника 9 мая 1910 года в Баку. Среднее образование получил в Бакинской армянской школе. Окончил Ереванский педагогический институт (1931). Как поэт сформировался в Баку. Здесь вышла его первая книга «Вступление» (1934). В годы Великой Отечественной войны работал во фронтовой военной печати, создал книгу военной лирики. После войны жил в Ереване. Известны стихи Граши о братской дружбе народов нашей страны, о родном Карабахе. Переводил Граши на армянский язык азербайджанские народные песни, лирику Низами, Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Петефи, Самеда Вургуна, Георгия Леонидзе.

Умер Ашот Граши 28 февраля 1973 года в Ереване.

В 1965 году вышел на армянском языке двухтомник стихотворений и поэм Ашота Граши; на русском языке: Деревья меняют листву, Лирика, М., 1965.

* * *

Ты, небо — птица синекрылая,
Мне в клюве утро принесла,
В моих горах гнездо свила,
Ты, небо — птица синекрылая.

Меня ты в юность увела,
Как песенка свирели милая.
Ты, небо — птица синекрылая,
Мне в клюве утро принесла.

* * *

Уходишь? Уходи. Я остаюсь,
Как дикая сосна на склоне горном,
Как дикая река в ущелье черном,
Как этот жесткий мох, — я остаюсь.

Когда не вижу хоть единый день
Долины дивной с поднебесной кручи,
Нахмурится душа, подобно туче,
И плачет, и уходит глубже в тень.

Я с этой горсточкой земли сращен,
Как звезды с темной бездною небесной,

Как юный лес, который сросся тесно
С землей и только ею дышит он.

Гнездо навеки сердце свило здесь,
Как куропатка в травах луговины.
Вокруг меня ковыль звенит невинно,
Я этой чистой песне отдан весь.

Уходишь? Уходи. Я остаюсь,
Как дикая сосна на склоне горном,
Как дикая река в ущелье черном,
Как этот жесткий мох, — я остаюсь.

* * *

Скала — подобие крыльца,
Где стелет плющ свои ковры.
И кто сорвет его с горы —
С того огромного крыльца?

Внизу — извилины тропы,
Вверху — морозная пыльца.
И с исполинского крыльца
Летят зеленые ковры.

* * *

Армения — каменотес.
О, край кирки и молотка!
Люблю тебя, народ-колосс,
Когда ваятеля рука

Крушит базальтовый утес
И туфа огненного торс.

Ты созидаешь на века,
Армения — каменотес!

* * *

Где птицы, там армяне есть.
Хоть звезд распалась горсточка,
Зато приметна звездочка.
Где птицы, там армяне есть.

Вернись они, и камню цвель,
И персиковой косточке.
Где птицы, там армяне есть,
Хотя их в мире горсточка.

* * *

Ласточка играет на свирели,
У меня — улыбка на губах.
Песенкою славит Карабах
Ласточка, играя на свирели.

То мелькнет стрелою в небесах,
То в долине рассыпает трели,
Ласточка играет на свирели,
У меня — улыбка на губах.

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Николаю Тихонову

Весна осталась в Армении,
Где аисты свили гнезда,
Где всё в цветенье и в пении.

Весна осталась в Армении,
Где плавают в Занге звезды
В лебяжьем оперении.

Весна осталась в Армении,
Где принимает пшеница
Солнечное облучение.

Весна осталась в Армении...
Но ты на север увозишь
В глазах ее отражение.

* * *

Туманы меня навестить пришли
Со снежных вершин Арарата,
Из сказок осенних, как брата,
Туманы меня навестить пришли.

Грустит Ереван в жемчужной пыли
И в розовых бликах заката.
Туманы меня навестить пришли
Со снежных вершин Арарата.

* * *

Сосна, как зеленая лира Гомера,
Укачивает золотого птенца.
А ветер весенний, как юная дева,
Прекрасным, капризным рисунком напева
Крадет безнаказанно наши сердца!

* * *

Когда меня придавит вдруг тоска,
Под дубом я зарюю эту ношу
Иль в озеро глубокое заброшу.
Когда меня придавит вдруг тоска.

Пусть вихрь ее развеет, как порошу,
Пусть разнесут по небу облака.
Когда меня придавит вдруг тоска.
Под дубом я зарюю эту ношу.

* * *

Эта девушка с лицом красивым —
Будто церковь с куполом синим.

На колени б упал, смирился
И молился б на нее, молился.

Чтобы девушка, мадонна, диво,
Вышла замуж за меня, счастливого.

Чтоб в саду, где виснут звезды спелые,
Обнимали меня руки белые.

Чтоб родился у меня с женою
Черноглазый мальчуган весною. . .

А иначе для чего, ответьте,
Расцветает всё весной на свете?

* * *

Армении белые тополя,
Армении стройные женщины.
Звездами вы увенчаны,
Армении белые тополя!

Поровну славу свою деля,
Вечности вы завещаны,
Армении белые тополя,
Армении стройные женщины.

* * *

В глазах грузинки Грузия живая.
Не зря они мне в спутники даны.
В подробностях природу раскрывая,
Глаза дарят мне облик всей страны.

В глазах грузинки полдень Алазани,
Гранаты, виноград, медовый зной.

И трепетные, трепетные лани
Над снежной и лиловой крутизной.

Всё вижу, всё объёмлю в этом взоре,
Соединяю в сердце и уме
Озера, реки и леса Коджори
С Казбеком, что стоит в седой чалме.

В глазах грузинки и огни Тбилиси,
И песни, и заоблачные выси.

БАЛЛАДА ПАВШИХ СОЛДАТ

Наша доля весны под снегами ослепла,
Наша доля весны не воскресла из пепла.
Мы остались лежать,
Где упали когда-то,
И осталась лишь память живой от солдата.
Наша доля весны, наше синее небо
Там, в окопах, остались, у мертвого снега.
Мы сгорели в огне?
Вёсны — прах? Сердце — прах?
И любовь умерла не на наших полях!
Нет, живущие, нет! Мы ведь живы впотьмах,
И весна наша стала весною в глазах
У ребенка, у всех. . . И любовь умерла?
Нет, живущие, нет! Она силы дала
Вам, чтоб помнили, иначе не было б нас.
Брызжет эта любовь, словно солнце,
из глаз.
Вы жалеете нас? — Мертвым трудно жалеть.

Наша собственность только одна — наша **смерть!**
Мертвым — спать.
Жить живым. Это так, это есть.
Мы желаем всему на земле нашей цвести.
Наша доля весны — поля снеговые.
Вы ищите ее в ваших веснах, живые,
Вы ищите ее не на дальней версте,
А ищите, друзья, ее в вашей весне. . .

* * *

Я рос у ног хрустально-белых звезд,
В глухих горах, где снег и бездорожье.
Я, как ручей, родился у подножья
Хрустальных гор и белоснежных звезд.

Там песнь звучит и облака в предгрозые
Несутся, не задев орлиных гнезд.
Я рос у ног хрустально-белых звезд,
В глухих горах, где снег и бездорожье.

* * *

Я родился в седле
Конным рыцарем счастья.
Было солнце в селе
Жеребцом рыжей масти.

Солнце — конь боевой —
Мчалось вдоль по обрыву

И трясло головой
И косматую гривой.

Конь скакал по хребту
Без труда и без страха,
Превзойдя быстроту
Лошадей Карабаха.

Где ступала нога
Скакуна боевого,
Растопляли снега
Огневые подковы.

То он брал перевал
Через крайние горы,
То он переплывал
Ледяные озера.

По утрам при звезде
И потом на заходе
Конь тащил по воде
Золотые поводья.

Конь легко в высоту
Поднимался с размаху,
Превзойдя быстроту
Скакунов Карабаха.

Мои глаза, из глубины долины
 Любившие к горам и к небу льнуть,
 Которыми с дней юности невинной
 Я девушкам невольно ранил грудь,
 Мои глаза степного бедуина, —
 Вы прахом станете когда-нибудь.

И вы, о руки, ни на миг единый
 Усталости не знавшие ничуть,
 Вздымавшие стихов моих махины.
 Вам тоже, тоже смерти не минуть.
 Вы канете когда-нибудь в пучину,
 Вы прахом станете когда-нибудь.

О ноги, вы, проделавшие длинный,
 Извилистый, тернистый, трудный путь,
 Вы, вброд переходившие стремнины,
 Чтобы до высей снежных дотянуть,
 Вы обратитесь в пыль, песок и глину, —
 Вы прахом станете когда-нибудь.

Не надо унывать! Долой кручину!
 Не в смерти дело, в превращенье суть.
 Всему меняться в мире есть причина,
 Растенья осенью хотят уснуть.
 Ты, плоть моя, не избежишь кончины.
 Ты прахом стать должна когда-нибудь.

Но я не сгину. Я надгробье сдвину
 В стремленье встать и ветви разогнуть.

Я персиком цветущим тень раскину
И буду воздух листьями тянуть.
Земля! По зову песни соловьиной
Я оживу, очнусь когда-нибудь.

* * *

В детском краю возле дома
Жаворонок, звеня,
Совет гнездо из соломы,
Из усов ячменя.
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

Розы отцовского сада
Станут толпой у плетня,
Выбегут за ограду
Гулять в поля, в зелена,
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

Пережитые события,
Мыслям и сердцу родня,
Вечно, как звезды ночами, светите
До наступления дня!
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

* * *

Миндаль цветущий утром рано
Махнул ветвями мне в окно,
Он хочет, чтобы кисть Сарьяна
Его взяла на полотно,

Чтобы потом, расставшись с нами,
Зимой напомнить с полотна,
Какими ясными глазами
Глядит в Армении весна.

* * *

Луна двурога, как олень,
Которого вчера в лесу поранили,
Тем выстрелом мне сердце протаранили,
Олений стон в поэзии моей!

«ВИВА ЛЕНИН!»

(Итальянская баллада)

Где блеск воды заглядывал в палаццо,
Где путь канала к морю неизменен,
Где гондольеры бури не боятся,
Один сказал другому: «Вива Ленин!»
И рудники, и пажити, и верфи
Два эти слова в песню разрастили,
Гудки судов и башни островерхие
Два слова взяли — песней возвратили...

То имя, что солдат шептал в окопе,
В поту, в крови, под градом раскаленным, —
Не странно ль?! — зазвенело по Европе
Не только дерзким, но и нежным звоном!
Но, исключив жестокость, мне сдается,
И твердый тон и мягкий голос — целен;
Во всех краях — по-разному поется,
С учетом тембров. Это помнил Ленин.
Он допускал — иначе быть не может! —
И сотни солнц, и сотни зодиаков;
Он знал: одну народы песню сложат,
Хоть голос их не будет одинаков.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я умер сегодня в дремучем лесу,
В зеленой дубовой тени.
Ручей уронил надо мною слезу,
Остались деревья одни.

Дубы на могучих плечах отнесли
Мой прах на берег речной,
Насыпали холм родимой земли
И молча простились со мной.

Но птицы так звонко запели вдали,
Что песней наполнился лес.
Рассыпались свежие комья земли,
И я встрепенулся — воскрес.

* * *

Прохладные руки твои
Нежнее весенних роз.
Коснулись моих волос
Прохладные руки твои.
Ах, тихая ласка любви —
Вздых ветра, шуршанье лоз.
Прохладные руки твои
Нежнее весенних роз.

* * *

Юность, о юность, ты вновь отыскала меня.
Конь словно снег. Я по первому выйду морозу.
Брошу легко под копыта лихого коня
Старость свою, как последнюю белую розу.
Пусть пропадет под подковой! Топчи, не жалей!
Мчись, незабвенная, звездной дорогой своей!

* * *

Жаль снега мне. Падает, тает.
Не будет ни льда, ни метели.
Безропотные, умирают
Снежинки на серой панели.
Умрут — не на горных вершинах,
Умрут — не на крыльях орлиных,
Ни даже в ветвях тополиных...

Не так ли и жизнь моя тоже
Порхала, в мечтах о метели,
И, этим снежинкам подобно,
Исчезла на серой панели.

Гурген Борян

Гурген Михайлович Борян родился в семье учителя 20 июня 1915 года в г. Шуше в Азербайджане. В 1920 году семья переехала в Ереван. Начал печататься с 1930 года. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом фронтовой газеты. В 1950—1954 годах был секретарем правления Союза писателей Армении. В разные годы был главным редактором армянской литературной газеты «Гракан терт», журналов «Советакан граканутюн» («Советская литература»), «Литературная Армения». Окончил в середине 1950-х годов Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Известен Гурген Борян и как драматург. Работал для кино. За сценарий фильма «Братья Сарояны» был удостоен в 1970 году Государственной премии Армянской ССР.

Умер Гурген Борян 15 апреля 1971 года.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения, Ереван, 1957; на русском языке: Родная земля, М., 1975.

МОИ СТИХИ

Сплетая вязь певучих строк,
Я ощущаю каждый раз,
Как будто чистый ручеек
В груди рокошет, серебрясь.

И каждый раз из берегов
Душа выходит у меня,
Когда врывается, звеня,
В строфу поток горячих слов.

1940

СЕРДЦЕ

Я песен не слагал, что сердцу не верны.
Всегда, всегда они лишь сердцем рождены.
Их вдохновенный путь простерт передо мной,
Надежды и мечты о сердце бьют волной.
Я сердца властелин, но пленник песен я...
Из сердца вновь и вновь рождайся, песнь моя!

1940

АХ, ЕСЛИ БЫ ДОРОГА БЕЖАЛА БЕЗ ПРЕДЕЛА...

Ах, если бы дорога бежала без предела,
Как звездные пути!
Чтоб не было рассвета, чтоб сердце радость
грела...

Чтоб нам идти, идти.

Мы шли бы в бесконечность, а я шептал несмело
Тебе слова любви.

Ах, если бы дорога бежала без предела,
Как и мечты твои.

Мы верст бы не считали... Ты вдаль бы лишь
глядела...

Назад бы не ушла.

Ах, если бы дорога бежала без предела,
Вне меры и числа,

Чтоб ту любовь, что в жизни не гасла,
не скудела,

В бессмертие нести.

Ах, если бы дороге тянуться без предела,
А нам — идти, идти!

1940

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Тебе одной — всё, что у жизни есть.
Мы делим всё с твоей душой прекрасной:
И горечь слез, и огненную месть,
И остроту опасности всечасной.

Едиными устами вместе пьем
Единую великих бедствий чашу,
Не стоя на коленях, нет, — с мечом! —
И смерти не сломить решимость нашу.

И кровь, и дни, и мысли, и дела
Тебе мы жертвой праведной приносим, —
О, только бы ты, родина, цвела
В сиянии неугасимых весен!

Недаром звезды вечности твоей
Ни за каким не скроются туманом
И озаряют ярко жизнь людей —
Весь шар земной, объятый ураганом.

1942

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Укрылась облачком луна,
Дремотно плещется волна,
К траве склоняются цветы,
Не спишь, малышка, только ты.
Ты глазки ясные сомкни.
Чтоб сильной вырасти — усни.
Тебе пою,
Баю-баю.

Отцом оставленную дочь
Хранит отчизна день и ночь,
Прохладой — в зной, теплом — в мороз,
Чтоб не лила горючих слез.

Вся наша родина, как я,
С тобой, кровиночка моя!

Тебе пою,
Баю-баю.

Летят, курлыча, журавли
Над нивами родной земли;
Приносят радостную весть:
Отец твой скоро будет здесь.
Эй, журавли, сквозь тьму и свет
Ему несите наш привет!

Тебе пою,
Баю-баю.

Горит над нами та звезда,
Что не померкнет никогда,
Всегда светлы и горячи
Ее победные лучи.
Ясна звезда страны твоей,
И всё живое рвется к ней.

Тебе пою,
Баю-баю.

Укрывшись тучкой, спит луна,
В реке не плещется волна,
Спит ветерок в тиши полей,
И, чуть дыша, поет ручей,
Лепечет песенку мою:
Баю-баю, баю-баю. . .

1943

ТЫ ЖДЕШЬ МЕНЯ

Над фронтом полночь. Мрак и тишина.
Спит мир, и даже ветер спит.
Всё сковано недолгой властью сна,
И артиллерия молчит.

Лежу в промокшем блиндаже. В углу
Фонарик спорит с темнотой.
Закрыв глаза, плыву в сырую мглу.
Не спится. Прочь бежит покой.

Ночь. Мнится мне, что вся земля сейчас
В оцепененье забытья,
Нет никого, кто не смыкает глаз,
Кого окликнуть мог бы я.

Но нет, есть кто-то на родной земле,
Кто в эту ночь не может спать,
Кто ждет меня в тяжелой этой мгле, —
Ты ждешь меня, тоскуя, мать!

1943

ДЕРЕВЬЯ НА УЛИЦЕ АБОВЯНА

Брожу ль в золотистые сумерки я,
Спешу ль, озабоченный, утром рано, —
Со мной разговаривают друзья —
Деревья на улице Абовяна.

Зеленые песни, знакомую речь
Я слышу сквозь бурю моих раздумий,
Хотят ли от грусти меня уберечь,
Звенит ли надежда в их чистом шуме?

Завесу прошедшего я отведу,
И детство вдруг выплывет из тумана, —
Вот здесь мы сажали, как будто в саду,
Деревья на улице Абовяна.

Мы все пионерами были тогда,
Мы шли из предместий, как на кочевье,
Немало вложили мы чувств и труда
В зеленую поросль — в эти деревья.

А после как часто по мостовой
Бродил я влюбленным, с думою жаркой,
Под этой сплошной тенистой листвою,
Что стала любви триумфальной аркой.

Когда уходил я далеко от вас, —
Под громом военного урагана
Я думал: как грустно шумят сейчас
Деревья на улице Абовяна!

Я с поля сраженья победу принес,
Я видел отчизну в боях непрестанно:
Зеленым костром меня грели в мороз
Деревья на улице Абовяна.

И снова я дома — солдат и певец,
Вот дочка моя, смугла и румяна.

Как рады мы оба — и дочь и отец —
Деревьям на улице Абовяна.

Настанет пора поколениям иным
Шагать по земле, где брели караваны,
И новой листвою шуршать будут им
Деревья на улице Абовяна.

О, если б смогла моя песня доплыть
До берега будущих дней, не увянув!
Я сердце вложил в эту землю, чтоб жить
Деревьям на улице Абовяна.

1946

ЕРЕВАНСКИЕ РАССВЕТЫ

Тыходишь в дорогу, — в мечтаний пожар
Все дороги открыты — прими их привет,
Для тебя он сияет, как радостный дар,
Ереванский наш щедрый рассвет.

Ты стремишься, борясь ночи, дни и года,
И родится от прошлого — нового свет,
Пусть дорогу твою освещает всегда
Ереванский наш новый рассвет.

Пусть и песня моя будет рядом шагать
И получит от жизни желанный ответ,
Поколениям грядущим пусть будет сверкать
Ереванский наш вечно горящий рассвет!

1946

МОЯ И ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Ты вновь ко мне пришла, любимая моя.
Вечерняя заря погасла вдалеке.
И снова мы сидим, дыханье затая...
Под шелест тополей... одни... рука в руке...

Томление души о вечном говорит.
О, как прекрасен мир, наполненный тобой!
Вечерняя заря погасла, но горит
Весенняя любовь предутренней зарей.

1946

С ДОБРЫМ УТРОМ, ДОРОГАЯ!

С добрым утром, дорогая!
С добрым утром! Ты проснулась?
К солнцу мягко потянулась,
Настежь ясный взор открыла,
Про меня спросить забыла...
Всё равно. Не укоряю.

И, как вечно, повторяю:
С добрым утром, с добрым утром,
С добрым утром, дорогая!

Что-то сердце боль мне гложет —
От твоих уколов, может?
Всё равно, в сем мире утлом
Я одну молитву знаю —

С добрым утром, дорогая,
С добрым утром, с добрым утром!

Трон — тебе, живи и царствуй,
Горечь — мне, сполна, до края...
Ты проснулась? Здравствуй, здравствуй!
С добрым утром, дорогая!

1950

КАК МОЖЕТ...

Обдав меня стужей глаз,
Ты мимо прошла сейчас.
А улица солнца полна —
По городу бродит весна.
Ответь мне, ответь, ответь:
Как могут ручьи сиять,
Как могут люди шуметь,
Деревья в цвету стоять,
И этот пустой простор
Слепить густой синевой,
И птиц сумасшедший хор
Носиться над головой,
Когда ты прошла сейчас,
Обдав меня стужей глаз?

1956

ОЖИДАНИЕ

Снова ночь... Город смолк, без сил,
Черный дождик да тьма в окне,
Да беззвучный тополь застыл,
Будто памятник тишине...
Но в тиши этой звук растет, —
Кто идет в ней? Куда идет?

Кто зовет меня, кто зовет
В этой ночи, где эха нет?
Стук напрасный иль шорох вод,

Шаг вдоль каменных мокрых плит?
Кто зовет меня поздно так?
Стихло... Смолкло... Нет, снова шаг!

О, не твой ли то голос вдруг...
Никого. Только сердца стук.

1960

МОЖЕТ, И ЛУЧШЕ, ЧТОБ ТАК...

Может, и лучше, чтоб так —
Снег за окошком да мрак,
Дым да туман без конца,
Чтоб затерялись пути
И не томились сердца,

Чтобы в густеющей мгле
Стыли ручки на земле.
Может, и лучше, чтоб так —
Снег за окошком да мрак?

Что нам осталось теперь...
Снег расставания лег
На расстоянья дорог.
Что нам осталось теперь?
Память, и боль, и печаль,
Влажная, снежная даль.

Может, и лучше, чтоб так...

1961

* * *

Ты всё поешь ту песнь свою,
О прошлых днях печальных.
А я мечтаю и пою
О новых утрах дальних,
И даже в прошлом дыме дня
Ищу огня, ищу огня!

1962

МНЕ ГОВОРЯТ...

«Поверь! — мне говорят. —
Нет больше новых слов,
Веками все подряд,
Кого ни назови,
Писали о любви,
Про вздох и жар крови —
Всё слышала любовь».

Мне говорят: «Смешно!»
«Наивный! — говорят. —
Исхожены давно
Любовные пути,
И некуда идти...
Все тропы и пути
Истоптаны подряд...»

Так люди говорят.
Неужто все пути,
Неужто все слова?
И новых не найти,
И жизнь еще жива?
И было, как сейчас,
Без наших губ и глаз.
До нас, до нас, до нас?

Паруйр Севак

Паруйр Севак — псевдоним Паруйра Рафаэловича Казаряна. Родился в крестьянской семье 26 января 1924 года в селе Чанахчи (ныне село Советашен Араратского района Армянской ССР). Окончил филологический факультет Ереванского университета (1945). Первая книга «Бессмертные повелевают» вышла в свет в 1948 году. Широкую известность принесли Севаку поэма о великом армянском композиторе Комитасе «Несмолкающая колокольня» (1959), сборники стихов «Человек на ладони» (1963), «Да будет свет» (1969). Написал монографию «Саят-Нова» (1969). За это исследование ему была присуждена степень доктора филологических наук. В 1966—1971 годах Паруйр Севак был секретарем правления Союза писателей Армении, в 1967 году был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Погиб Паруйр Севак в автомобильной катастрофе 17 июня 1971 года.

В 1972—1975 годах вышло в свет на армянском языке собрание сочинений Паруйра Севака в шести томах; на русском языке: Избранное, М., 1975.

РУКИ МАТЕРИ

Руки, материнские руки,
Эти древние и юные руки! . .

Чего они только не делали,
руки!
На свадьбе твоей взлетали, как лебеди,
руки!

Со страстью, с тоской
Изгибались дугой.

Всё выносили они,
эти руки!
Света всю ночь не гасили материнские руки,
Чтоб утешать крикуна малыша.

Всё одолеть были в силе
руки!
К небу столбами вносились
скорбные руки,
Чтоб сын не пропал
И столб дома не пал. . .

Сколько горя и мук
приняли руки,
Пока не взобрался внук
на бабкины руки,
И внукам под стать —
Молодели опять. . .
Ворочали камни, копали арыки в округе. . .
Всех в мире наград достойны
родимые руки!

Давайте поцелуем по-сыновьи
Руки, обнимающие нас, —
Что холят нас,
И любят нас, и снова
Стряхивают пыль, сметают грязь.
Все в морщинах,
В варежках дешевых,
Трудятся и стряпают чуть свет. . .
Этих рук, шершавых и тяжелых,
Мягче и нежней на свете нет!

*30 октября 1955
Москва*

ВЕЧЕР

Автомашинны,
Которые до сих пор были похожи
На только что родившихся слепых котят,
Одна за другою глаза открывают.

И тишина
Расталкивает всё,
Чтобы для себя
Должное место расчистить,
И от этого горы кажутся
Отдаленными.

Словно Хайям, пьянеет одиночество,
Пьянеет и поносит... бога.
И лай добрых бездомных собак сейчас
Кажется не лаем,
А молитвой обтрепанному и обруганному богу,
Чтобы он богохульника
Простил великодушно.

Темнота, сгущаясь, превращается в тряпку
Для вытирания классной доски,
И небо постепенно
Покрывается звездным инеем.

Люди же начинают говорить меньше,
Говорить тише,
Ибо лучше, чем люди,
Фонари и огни переговариваются.
И каждый дом
Посылает во вселенную
Свой сигнал:
Детский плач,
Зов матерей,
Автомобилей
И животных

Прерывистое мычание,
А больше всего вот этим огням,
Что мигают, гаснут, вспыхивают
Бесконечно,
И чудится, что это новая азбука Морзе,
Необъяснимая азбука.

А когда гаснут все абсолютно звуки
И эти огни также,
Видимо, наступает мгновенье,
Когда отвечает вселенная
И люди принимают ее сигналы... в снах своих.
Сигналы эти похожи на спокойные сны или
Кошмары.

Добрые сны свои вам, любимые,
А ваши кошмары мне несите,
Вашему любимому.

*Ноябрь 1955
Чанахчи*

БЕССОННИЦА

Повторяй по ночам,
Когда не до сна:
В Армению к нам
Возвратилась весна.
Там пускаются в бег
Воды мутные рек.
Там блуждает поток
Безо всяких дорог.

Там травы пьянят
И телят и ягнят.
Ежевичник вокруг
Ощетинился вдруг,
Разросся в тепле.
На мокрой земле
Четыре звезды:
Овечьи следы.
И ветер притих.
На листьях сухих
Орехи лежат
И ждут медвежат.
Пень, маленький стол,
Как будто зацвел.
Плетет паренек
Весенний венок.
Пора бы венку
На шею быку.
Издаലെка
Зовет паренька
Усталая мать.
Однако не спать
Ему по весне,
Ему, как и мне,
Постель не нужна:
Душа в нас одна.

Повторяй по ночам,
Когда не до сна:

Вся в пене волна,
И земля зелена.

В Армению к нам
Возвратилась весна.
Возвратилась весна,
И зачем я не там?

10—11 ноября 1956
Москва

СОЖАЛЕЮ

Я в жизни всем помог, себе я не помог.
Всем впрок мои дары, мне самому не впрок.
Прохожий поумнел, усвоив мой урок,
А сам безумен я: нерадостный итог.

Всех встречных я поил моим хмельным вином
И не пригубил сам в пути моем земном.
Всю жизнь я сватом был и крестным был отцом,
Хотя мне больше всех всегда был нужен дом.

Все доверялись мне, как будто я тайник,
Доверившись другим, раскаялся я вмиг.
Всё в жизни расточив, зачем я не привык
Выпрашивать любовь, скупясь, как ростовщик?

20 апреля 1957
Москва

КУЗНЕЦ И ЮВЕЛИР

Узор словесный мне претит. Устал я наконец.
Пускай искусен ювелир, искуснее кузнец.

*5 мая 1957
Москва*

ЗАВИДУЮ

Ах, каким, наверно, стало б счастьем,
Если бы, тревогой не томим,
Был бы я бездумно-безучастен,
Как иные, да, подобно им.
И какое счастье, в самом деле,
Вместе с сердцем тихоньким своим
Спать спокойно по ночам в постели,
Как иные, да, подобно им!
Так и жить — беспечно, не внимая
Радостям и бедам никаким,
И на жизнь взирать, как рысь лесная,
Немигающим зрачком немым.
Чтобы ретивое не болело
Тем, что так мучительно другим.
Зло или добро — какое дело? —
Как иные,
 да, подобно им!
Только не могу за наше завтра лучшее
Не болеть.
 И не могу, неутомим,

Нашу жизнь пустить по воле случая,
Как иные, да, подобно им!..

5 мая 1957
Москва

Я РОЖДЕН...

Я рожден, чтобы стать
В сердце матери скорбью немой
И, как сын долгожданный,
Издали возвращаться домой.

Я рожден — утешать
Душу ту, что обидой полна,
И на свадьбах плясать
Со стаканом хмельного вина.

Я рожден, чтобы криком
Младенческим требовать: «Пить!»
Материнским напевом
«Баю-баюшки» первенцу петь...

Я рожден, чтоб светить
Фонарем, где метельная муть,
И упасть в полный рост,
Преграждая отчаянью путь.

5 мая 1957
Москва

* * *

Как содрогаюсь я,
твоим прикосновеньем обожжен,
Внезапно ветер ледяной
При мысли:
Вдруг ты не со мной!

И как пугаюсь я,
в пути неведомом насторожен,
При мысли:
Вдруг любовь убил
Я нежностью моей шальной!

Дрожу,
в тревогу погружен,
Над жизнью сына моего,
И над любимую женой,
И над страной моей родной,

Как сердце,
В холод, в дождь и в зной.

*14 ноября 1957
Москва*

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Он брат Арарату:
ступни его зноем палит,
зато голова снежной шапкой свободно парит.

Он словно ракета:
отброшенным пламенем жжет,
хотя каждым словом и помыслом рвется вперед.

Слова его тихи,
он их произносит с трудом,
а в сердце — обвалы, в душе — нестихающий гром.

Пускай он, затворник,
загадкой слывет меж людьми,
лишь только б слова его стали пословицами.

16 марта 1959
Москва

* * *

Твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье
вдруг встретились, как на тропе
два путника. И побрели.
И разойтись не в состоянье
твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье.

Когда, устав, решив прилечь,
мы на ночлег ложимся рядом,
над нами, чтобы нас сберечь,
стоит старинное сказанье.
А между нами, словно меч, —
твоя незрелая любовь и зрелое мое страданье.

20 марта 1959
Москва

ТЕБЯ НЕТ И НЕ БУДЕТ

Тебя нет, тебя нет...

И утро
такое мутное,
такое нудное.

...и не будет тебя.

И горизонт закрыт,
его закрыла не туча,
а воздушная складка твоего платья.

Тебя нет, тебя нет...

И, как воздух, жгуча
эта тоска,
это проклятье.

...и не будет тебя?

И, кажется, чиркнешь спичкой —
и воздух вспыхнет,
и рассеется мрак.

Тебя нет, тебя нет...

И слава богу!
Почему же я чувствую тебя так,
как безногий чувствует ногу,
которой нет!
И не будет!

*30 марта 1959
Москва*

ИСКУССТВО

Ветер какую-то тянет мелодию,
что и Бетховену сделала б честь.

На горизонте брезжит рассвет —
тусклый на темном — картина Рембрандта.

Каждый день миллионом трагедий
жизнь передразнивает Шекспира.

А мы? . . . Играем с тобою в искусство
с таким упоением и безрассудством,
каких не знал и герой Сервантеса. . .

20 марта 1959
Москва

НЕ БЕЗ БОЛИ

И это почувствовал я не без боли,
Почувствовал я, что, лишь после того
Как дерево спилено,
Мы видим его настоящий обхват.

15 декабря 1959
Ереван

Я — СЧЕТЫ

Я в счетах для вас превратился...
И вы
Гоняете взад и вперед без конца
Костяшки мои.
Вы гоняете их —
Считаете что-то весь день
И еще
Хотите, чтобы я не стучал?
Чтоб я даже пикнуть не смел?

*15 декабря 1959
Ереван*

* * *

Я слышу розы красной крик
сквозь горьковатый дым табачный
и сквозь холодный дым зимы.

И голос маленькой, невзрачной,
мне неизвестной птицы вдруг
приносит звуки одобренья

в часы передрагсветной тьмы
сквозь горьковатый дым табачный
и сквозь холодный дым зимы.

И кажется, что почтальон
меня немедля осчастливит,

достав из сумки два письма.
Но писем нет.

Стоит зима.
И курится дымок табачный.

*18 декабря 1959
Тбилиси*

ЯЗЫК ВОДЫ

Язык воды — язык чужой страны,
который я не твердо разумею:
всё, что услышу,
понимаю я,
а вот ответить
не умею.

*19 декабря 1959
Тбилиси*

ТРЕХГОЛОСАЯ ПЕСНЬ

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

О родина!
Уже лет тридцать учу я твой язык,
но всё же говорить с тобою о тебе
я без ошибок не могу —
всегда, всегда
сбиваюсь и теряюсь от волнения!

Когда весной ранней
твоей кукушки слышу кукованье,
то мнится,
что кукушка, заикаясь,
мое косноязычье переводит,
восторг телячий мой,
что поздравляет за меня
ликующая птица
тебя с твоей весной!

И даже тени летние твои
мои признанья безмолвно переводят
и солнцу твоему на синем небосводе
поют хвалебный гимн любви,
то удлиняясь,
то сжимаясь,
подобно черным языкам огня...

Когда плоды в твоих садах осенних
с деревьев каплями катятся огневыми,
понятно каждому, что это
мое торжественное песнопенье,
дарами вдохновенное твоими.
Об этом говорит и твой морозный снег,
он запах детства дальнего принес,
он, как и я, в тебя влюблен навек,
и, словно я, он безголос!..

А в мир,
когда с тобою о тебе я говорю, —
о, даже и тогда
не что иное я творю,

как измеряю скудными словами
молчание мое,
чтоб с болью убедиться снова
в бессилье собственного слова,
в могуществе молчанья твоего. . .

О родина!
Ты — многовековая фамилия моя.
А я. . .
Суметь бы так мне жить,
чтобы тебе стыда не знать
за то, что ты дала мне имя! . .
Ведь гибель праведная — жизни половина!
Суметь бы так мне умереть,
чтоб ты. . . оплакивала сына!

ВТОРОЙ ГОЛОС

О моя родина!
Я ничего, ничего не могу тебе дать:
что бы ни дал я тебе,
это будет отдарком —
ты подарила мне всё!

У меня пред тобой даже нет ощущения долга:
весь — с головы и до пят — я твой должник!
Заверяет лишь тот, кто боится,
что ему не поверят.

У меня же и помыслов нету тебя заверять:
я — твоя вера,
зрячая вера!

О моя родина!
Меня призывают тебя изучать.
Зряшный совет!
Я — твоей жизни частица.

Я — темный мох
на камнях твоих древних и новых мостов,
на боках родников заповедных,

я — твоя боль, обнаженная в слове,
которое не переводится на чужеземный язык.

Я — только дым
вчера твоих ердыков
и сегодняшних труб,
лишенный, быть может, огня твоего,
но именно этим огнем рожденный.

Я — только дым,
и этим дымом
вношу в атмосферу твое дыхание.
Я — дым, и только,
и говорить не умею,
зато твою сущность в небе пишу...

О моя родина!
От цветов и оттенков пейзажей твоих,
вечных и вечно изменчивых,
я так окрашен,
как небо твое на закате.
Я так испятнан твоими пальцами,
как звездами небо ночное.

О моя родина!

Я тебе жизни своей не жертвовал
и не участвовал в битвах твоих,
но и полшага, пожалуй, не сделал,
который не вел бы к тебе,
я начинаюсь тобой и тобой завершаюсь,
как замыкается круг. . .

Воды твои текут сверху вниз,
я же с низин поднимаюсь к вершинам,
как поднимается зной.

И когда приходит твоя весна,
и во мне эпигонством каким-то дивным
расцветает одна и та же мечта;
если я, как цветок на иссохшем стебле,
как трава на склонах гранитных гор,
если я помогу твоему цветению,
я смогу сказать:

«Не напрасно жил! . . .»

ТРЕТИЙ ГОЛОС

Отчизна моя!

Такие слова у меня — для тебя,
каких никогда никому не найти,
я и сам до сих пор не могу их найти!

Они есть во мне,
но их нет во мне, —
вроде мощных струй в глубине твоей!

Они способны гореть,
но и обжечь до слезы, —
вроде чистого спирта лозы твоей!

Они так близки,
но и так далеки, —
вроде той горы, что вросла в твой герб!

*3 января 1960
Тбилиси*

ПРАВДИВАЯ ПЕСНЯ

Правдивая песня рождается так:
Ружье заряжено. Спущен курок.
Отдачу выдерживает стрелок,
И мертвым на землю падает враг.

*11 июля 1961
Москва*

ИМЯ ТВОЕ

Ненавижу я имя твое,
Как, быть может,
 тело твое
Ласку рук моих ненавидит.

Ненавижу я имя твое,
В мой язык оно вонзено,
Словно пшата колючий шип.

Расспроси меня заодно —
Это имя какого цвета?
Этот цвет ненавижу люто.

... Дочь родится на счастье мое —
Дам я дочери имя твое.
Ненавижу я имя твое.

25 июля 1961
Ереван

СХОЖУ С УМА

Меня услышав,
Кто спросит, тот прав:
«С ума ты сошел?»
А вот — мой ответ:
«Да, сошел навсегда,
Почему бы и нет?»
Как же влюбляться, с ума не сойдя?
Дрова загорятся — с ума не сойдя?
Не побеждают — с ума не сойдя.
Детей не рожают — с ума не сойдя.
С ума не сойдя — вода не вскипит,
Не треснет гранат, если он не набит
Зерном сумасшедшим, чья жаркая тьма —
Зрелость, сплошное схождение с ума.
Лето кончается?
Сходит с ума.
Планета вращается?
Сходит с ума.
Зернам, пока не сойдут с ума, —
Колосками не быть.
Ладощкам, пока не сойдут с ума, —
Руками не быть.

Словам, пока не сойдут с ума, —
Стихами не быть. . .
Ах, быть бы и мне сумасшедшим вполне...

1 октября 1961
Ереван

БЕЗУСЛОВНОЕ УСЛОВИЕ

Зеленые мысли, зрелые мысли —
Это еще не стих.

(Нет! Самородок духа,
Самоцвет волшебства,
Раскрытие вечное скобок,
Решение неразрешимого —
Вот что такое стих!)

Бездомные, безымянные,
Горбатые «почему»
Снуют везде; ты впусти его
В душу к себе, окрести его
Словом своим, и выйдет стих
Из горбатого «почему».

Большие чувства, мелкие чувства —
Это еще не стих.

(Нет! Плоть от собственной плоти
С твоею собственной кровью,
В воздухе некий трепет
И содрогание недр!)

Ночь богаче оттенками,
Чем разноцветный день.

Попробуй поймай ветер!
Попробуй запечатлей
Зыбкую поступь тени,
И получится стих.
Что же делать? Работать?
Но как над этим работать?
К будням привить воскресенье,
Море воспламенить,
Не отставать от века,
Не спешить никогда, —
И яйцо обретает устойчивость,
И приготовишь ты
Вместо яичницы солнце.

7 октября 1961
Ереван

В ЖИЗНИ ВСТРЕЧАЕМСЯ МЫ СЛУЧАЙНО

В жизни встречаемся мы случайно,
А расстаемся волей-неволей.

Хочешь — молчи,
Хочешь — кричи,
Если поможет крик.
Хочешь — рви зубами подушку,
Хочешь — уткнись в подушку
И прикуси язык.

Если ты верующий — кляни бога,
Если неверующий — поверь.

Хочешь не хочешь — одна дорога,
Жить, не жить — всё равно теперь!
Поздно что-нибудь изменить,
Дело это — пропащее.
Но, знаешь, это и есть — жить.
Это и есть любовь. Настоящая.

В жизни встречаемся мы случайно,
А расстаемся волей-неволей.

*26 января 1962
Ереван*

ЗАДАНИЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫМ МАШИНАМ И ТОЧНЫМ ПРИБОРАМ ВСЕГО МИРА

Вычисляете, всё вычисляете. . .

А сосчитайте, за сколько мгновений
сколько крови из сердца девушки
приливает к ее смущенным щекам
и термоядерной вспышкой рдеет?
Что за космическое излучение
глаз затуманенных достигает,
когда наши взгляды внезапно
встретятся,
и эти лучи обоюдозоркие
опасны или полезны?

А то вычисляете, всё вычисляете,
всё вычисляете...

А подсчитайте, сколько тепла
наши ладони отдали детям,
их волосам шелковистым и пальчикам,
гибким станам наших возлюбленных,
острым плечам наших бабушек немощных,
и, подытожив, вычтите разность
отданного и полученного!

А то вычисляете, всё вычисляете
да вычисляете...

И укажите, на скольких женщин
мужчина — хотя бы один из многих —
глядел с вожделением и корыстью,
на скольких с восторгом благоговейным
и на скольких с братскою нежностью?

И адреса обозначьте тех женщин,
с которыми нас судьба не столкнула,
хотя и могла бы свести на всю жизнь!
И назовите число детей,
наших детей, на свет не родившихся...

А то вычисляете, и вычисляете,
и вычисляете...

Мы еще толком не знаем даже,
почему человек смеется,
лишь человек, и никто другой.

Ну так сочтите количество смеха,
рассортируйте его по звуку
и объясните разницу между
хохотом и усмешкой. . .

Электрическим черепом всемогущим,
циклопическим глазом всепроникающим
разложите тоску и тот дым спрессуйте,
невидимый дым, который всегда
приходит с тоской и один уходит:
куда-то рассеивается, но куда?

А то всё считаете, всё считаете. . .

И назовите ближайшую дату,
когда угнетаемые народы
освободятся от угнетающих,
когда возмездие неизбежное
свершится именем справедливости.
Сколько веков уже, в боге изверившись,
ждут этой даты жертвы насилий,
всё еще верят, всё еще ждут!
Вы, провозвестники нового века,
не окажитесь и вы химерой.

А то всё считаете, вычисляете,
прогнозируете. . .

И укажите число мостов,
страны связующих, по которым
хотели пройти мы, но не проходим
и не пройдем никогда. . .

И назовите число упований и грез,
названных этими именами
лишь потому, что они не сбываются.
И несомненным числом обозначьте
сомнения, с которыми мы созреваем,
а чаще всего до времени старимся.

И линию разочарованья найдите,
и хочется верить, что хоть она
не будет зигзагообразной.
И вместе с линией жизни нашей
найдите надежды обманутой линию,
они параллельны, а параллели,
кажется, не пересекаются.
И подсчитайте количество дней и ночей,
неисчислимо-бессчетных, пропавших бесследно
в очередях, в походах и в чтенье газет
многоязычных, заглавными буквами чьими —
огненно-черными — каждое утро глазают
стволы
дальнеприцельных орудий, и душу сверлят
перископы
лодок подводных, и красную кровь превратить
в белую воду хотят водородные бомбы.

И подытожьте-ка, сколько урана взорвать
надо на этой земле, чтоб кора раскололась
и обнажилось ядро?
Вы должны подсчитать
и объяснить, от каких еще видов оружия
матери больше детей не сумеют рожать.

Если вы сможете всё это точно учесть,
больше не будет нужды говорить об утрате
веры и бремени этой утраты.

Останется вам
лишь объяснить,
каким чудом
под бременем этой потери
мы не вонзились еще в эту землю,
как кол?!

И объясните по-дружески также, как часто
андерсеновский мальчик является в мир,
чтоб короли увидали, что они голы?
И, если можно, откройте нам, будьте добры,
как они ходят теперь:
наготу прикрывают
или по-прежнему голы, а тех, кто дерзнули
смотреть, —
жить заставляют с завязанными глазами?

И сопоставьте — бетховенская глухота
связана ли с возмущениями в атмосфере,
с мощными взрывами на потрясенной земле,
и, если связь существует, прошу, поясните,
что, современники, можем мы в будущем ждать:
множество новых бетховенов мир осчастливят
или количество глухонемых возрастет?

И подсчитайте еще напоследок, прошу вас,
как,
каким образом,

с помощью доброй машины какой,
может еще человек
оставаться и **быть** человеком
или же только теперь
Человеком пытается стать?

26 октября 1962
Ереван

ИСПОВЕДЬ

Во мне самом француза-вольнодумца
Услышал я, не внял я
Голосу моих благоразумных предков.
Святой отец Благоразумие!
Тебе в грехах я исповедуюсь.

Святой отец! Пускай ценою жизни,
Стерпеть хотел я слово «осторожно».
И это грех?

Святой отец! Подумал я, что можно
За правило принять неправильность.
И это грех?

Святой отец! Что, если будут ноги
Самим себе повиноваться,
Голове наперекор?
И это грех?
Что, если нам хоть раз в течение веков
Не налагать на слово «человек»

Эпитетов-оков?
И это грех?

Святой отец, где исповедаться
Не верующему в тебя?

Я жажду исповеди
Любой ценой:
Ценою отлученья
И вечного мученья.

Где мне исповедаться? Кому?
Святой отец Благоразумие!
Нет, не святой, нет, не отец!

*14 июля 1963
Ереван*

ПРИКОСНОВЕНИЕ МГНОВЕНИЯ

Когда вонзается закат огнистым гребнем
в облака
И выбегает ветерок обнюхать землю, как щенок,
Уткнуться в каждого из нас,
и в каждый куст, и в каждый лист...
Когда вечерний холод чист,
заносчив, молод, мускулист
И, разрешив себя ругнуть, заставит ворот
застегнуть...
Когда сквозь бархат темноты не слышно лая
суеты,

*

А знаки редкие огней
 зажгут орнамент древних дней, —
Тогда с наивностью детей
Я верю вечному добру
И в то, что смертью я умру...
 простой, естественной, своей...

14 ноября 1963
Ереван

ОДНОГЛАЗЫЙ

Одним лишь глазом смотрю на жизнь
(Другой из простого стекла).
И вижу глазом этим одним
 Многое я,
Но больше в сто крат вижу вторым,
 Потому что мне
Глазом здоровым видеть дано,
Мечтать же — только слепым.

14 ноября 1963
Ереван

ТАК НЕ ЛЮБЯТ

Меж любовью и долгом
это я торчу,
как шлагбаум...
Вот я выдерну с корнем себя,

то есть прямо к Закону пойду,
поднимусь и скажу:
«Сделай, Отче, меня, человека,
беспристрастным параграфом Свода Законов твоих.

Сотвори из меня, — я скажу, —
твое нет и нельзя,
не положено,
не подобает...
Возьми мои руки —
для чего они мне?
Всё равно я торчу, как бревно,
меж любовью и долгом —
возьми мои руки, ты слышишь?!
Всё равно без нее как без рук!
Без нее...

Без нее —
той, которой м о я говорил я — да так,
что лягушки
пучеглазо и буддообразно взирали на нас,
очевидно пытаясь понять это жгущее слово,
это слово палящее и задыхающееся —
м о я».

А теперь ты настолько моя, насколько моя
Абиссиния.

А теперь ты мне так близка, как близок
Мадагаскар.

Вот и сам я теперь,
как нелепый какой-то шлагбаум,
меж любовью и долгом —
такой неуклюжий —
торчу.

Нет, так не любят.
Так медленно умирают.
Так на приколе тлеют старые корабли.

*14 ноября 1963
Ереван*

ДОБРОЙ НОЧИ

Вечер набух. Давно раскопала ночь
Клювы кривые огней.
Тротуары под каблуками устали зевать.
Улицы выметены.
Завтра выметет солнце последние клочья тьмы.
Город спит.
И с глазами открытыми —
Город спит.
Неужели не спится тебе?
Доброй ночи тебе, дорогая!

Готова печаль ветвистая вновь одеться листвой,
Листвой, чтобы тень отбрасывать, ядовитую тень.
В этой тени ядовитой кто хочет пускай спит,
Лишь бы не ты.
Доброй ночи!

И сторожа,
Ночные пастыри, дремлют,
Пока фонари-овчарки
Стерегут загон осторожности.

Только я не смыкаю глаз,
Как будто тебя назойливо
Выживает сейчас
Эта старая дева,
Старая дева Бессонница,
И никакие снотворные не помогут
на этот раз.

Да, боюсь я Бессонницы,
Старой девы боюсь,
Как ребенок боится врача.
Лишь бы ты не болела.
Усни!
Доброй ночи!

Сколько в жизни моей было разных ночей?
Не сочтешь!
Арифметика тут ни при чем.
Разве только на пальцах любви сосчитаешь,
Но пальцы любви
Не разогнутся, согнувшись.
Я буду считать,
Лишь бы ты поспала,
Доброй ночи тебе, дорогая!

Этот вежливый дождик
Всю ночь для меня моросил,
Шел исправно,
Хоть я никакого дождя не просил,
Но другие-то спят и подавно!
Закрой же глаза!
Доброй ночи!

Забрезжила ранняя рань,
Даже дождик перестал,
Только ты без конца.
Хоть на миг, словно дождь, прекратись,
перестань!

Смилуйся!
Словно дождик, шепни:
Доброй ночи!

*9 февраля 1964
Ереван*

ЛЮБОВЬ

1

На карту никто не наносит ее нехоженных троп.
Негаданная, приходит, как дождь или как потоп.

Любовь.

Нидерланды вечные, когда, за клочком
клочок,

У моря ты отвоевываешь
Насущную землю свою.

Любовь.

Когда проплывает
Корабль по реке судоходной,

Мосты перед ним поднимаются,
Как руки сдающихся в плен.

Любовь.

2

Своему собеседнику,
Как автомат, отвечаешь,
А в глубине души
Обращаешься неумолчно
К той, самой далекой в мире,
Чье имя с тобою, как паспорт
Без печати.

Любовь.

Удары в сонной артерии, как будто капля
Податливый камень долбят, нет, за каплей
не по дням — по часам
Сети тугие бессонниц,
В которые рыба не ловится,
В которых бьешься ты сам.

Любовь.

Как будто бы заживо
Кожу с тебя содрали.

Любовь.

Повсюду преследуют
Эти глаза тебя.
Ставят печать на вселенную.
На питьевой воде,
На всей твоей жизни, на каждом
Шарике кровяном
Штампом,
Клеймом.
Печатью.

Любовь.

10 марта 1964
Дилижан

ПОВСЕДНЕВНОЕ ЧУДО

Мы встретились.
Ты поняла?
Как малыш, перепачканный за игрой,
Жизнь омылась,
И воздух вылупился
Из мглы, как птенец из яйца;
Дождик и снег —
Тоже воздух
Во плоти.
Вкусный воздух!
Ты попробуй
Проглоти!

Мы встретились.
Ты поняла?

Разлученные,
Твоя близость с моею близостью
Соединились в нежности,
И возникла любовь.
Так водород удваивается,
И кислород усваивается,
И возникает вода.

Мы встретились,
Чтобы рухнули
Книжные ветхие стены.
Знание растворилось во влажных твоих глазах.
И на лоне истории твой драгоценный след.
Разрушен и восстановлен воздух твоею рукой.
По новым законам физики,
Которые гения ждут.

Мы встретились...
И заснули бесконечные «но»,
Чтобы вдруг пробудилась радость
И устремилась вверх,
Пытаясь вихрем лучистым
Пронзить небесную твердь.
Оттуда бы непрерывным
Ливнем на целый мир!

Мы встретились,
Просто встретились,
Чтобы впредь, как теперь,
Просто будням сопутствовали
Привычные чудеса.

*18 марта 1964
Дилижан*

МОЙ ГОРИЗОНТ

Мариам!
Слышишь ты, Мариам!
На улице ливень.
Открыть окно
Всё равно что открыть
Бутылку бешеного джермука.

Из окна вылетаю в небо.
Оно
Ясное после дождя,
Словно твой взгляд.
Оно
Безграничное, как улыбка твоя.
Падаю с неба.
И вокруг меня скалы величественно
сидят,
Как допотопные птицы.

Нет, не меня,
Ты сама себя отвергаешь,
И лживым твоим словам
Так же легко спугнуть меня,
Как этих каменных птиц.
Поняла?
Тогда посмотри!

К ласковому горизонту
Прильнуло широкое поле,
Чья голова кустистая,
Словно гора лесистая.

Имя горы бессловесной
Мало кому известно,
Как и мое.
А кому
Имя твое не известно,
Схожее с горизонтом,
Имя твое, Мариа́м:
Подходишь —
И убегает,
Отходишь —
И настигает.

Хоть бы когда-нибудь
Мне моего горизонта,
Приблизившись, не спугнуть!

14 марта 1964
Дилижан

ИЗНАНКА

Ивы для того,
Чтобы... реке указывать путь.

Дым для того,
Чтобы... ветер знал, куда ему дуть.

Кузнечики для того,
Чтобы... ночную тьму испещрять
Нотными знаками музыки своей.

Жаворонки для того,
Чтобы... песней своей осушать
Утреннюю росу.

Поздняя осень
Лишь для того,
Чтобы... вселенную расширять,
Роняя листву.

А поэты разве не для того,
Чтобы так вот
Наизнанку
Вывернуть всё?

*23 июня 1965
Ереван*

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ МИР

Ах ты, мир! Незадачливый мир!
Недотепа-растрепа,
Когда же ты дашь
Твои дикие космы пригладить моим
горячим рукам,
Как отцовские руки причесывают
Сына без матери?

Ты, непутевый!
Меня ты совсем замотал,
Мои волосы ты намотал
На стволы и на стебли,

На пальцы, на когти, на щупальца **тварей**
твоих.

Туго-туго,
Чтобы тварям друг друга
Неистово дергать и рвать
И нестерпимую боль равновесием звать.
Что за дело тебе до меня,
Незадачливый мир,
Недотепа-растрепа
Ты, мир непутевый!

Не боишься ты, мир, за меня?
Я боюсь.
За тебя я боюсь.
Вдруг умру я?
Что, если со смертью моей
Равновесье нарушится?
Вдруг мирозданье обрушится?
За тебя я боюсь,
Незадачливый мир,
Недотепа-растрепа
Ты, мир непутевый!

*9 ноября 1965
Чанахчи*

ВЕСТЬ

Встречайте... встречайте сомнение!
Слышите? В двери ваши
Постучалось оно.

Что же! Встречайте сомнение!
Давно я сомнение встретил
И проводил давно.

Отпразднуйте встречу, как празднуют
Новое древнее сретенье!
Костер в груди разожгите!
По крайней мере, вовеки
Не будет сердцу темно.
Теперь вы сомненье встречаете,
Его проводил я давно.

Встречайте, встречайте сомнение!
Нет, я не пророк его.
Я только спасен сомнением.
Встречайте, встречайте сомнение,
Ибо всем нам нужна
Вера — не суеверие!
Вера — не суеверие!

28 августа 1965
Чанахи

СТАРЫЕ ШРАМЫ ЭТОГО МИРА

Ах, старые шрамы этой земли...
Даже нашу здоровую плоть смогли
И живую боль, словно божий дар, в нашу распороть они
Ведь пришлось бы нам плоховато жить, суть вложить, —

Если б каждый был, как бычок, здоров
И аптечно чист,
Словно мятный лист.
Что же вас, друзья, старых шрамов боль стала
так пугать, —
Ведь благая боль может помогать?

И кому нужны
Наш апломб и спесь, этот стиль смешной и
смешная роль,
Если держит руль только эта боль,
Чей целебный вкус порождает нас,
И морщин игра —
Не дурацкий пляс,
А живой обряд, ритуал судьбы,
Он вседневно нам осеняет лбы.
Что же вы, друзья, старых шрамов боль стали
избегать, —
Ведь живая боль может помогать?

И сама ли боль причиняет вред
Или горсть пилюль,
Что едим, когда хотим уничтожить боль, —
Кто ответит остроумно
На такой вопрос тупой,
Дурачок какой?
Кто согласен спорить с болью,
Дурачок какой?
Ведь, по сути, спорить с болью,
Значит — морю спорить с солью!
Как же, как, друзья мои,
От самих себя удрать?

МИРУ НУЖНА ЧИСТОТА

Чистота нужна миру, да, нужна —
В облике героев, грустью осененных,
На гибель обреченных... от вечной
неприкаянности.

И в облике тех женщин, которые при жизни
Из всех мужчин на свете знали одного...
И в облике мужчин, чьи фигуры хмуры,
Под ноги глядят, плечи их понуры,
Но — мысли свободно
Летят, куда угодно и когда угодно,
И взмывают ввысь
Помимо нашей воли,
А когда устанут,
Чайками садятся
На океан всемирный
Людской судьбы и боли...

Чистота нужна в облике улыбки,
Чтобы мы вошли в сладкий жар улыбки,
Как вошла пчела в свой медовый дом.

Чистота нужна в облике живом
Смеха — чтобы вдруг раздавался взрыв.
Никого вокруг не спросив,
Чтоб катил поток, с головы до ног
обдавал и мыл
Без мочал, без мыл.

Чистота нужна в облике гвоздики,
Пусть к земле она пригвоздит земное,

Землю склент пусть с воздухом, и с ними
Склент нас пускай аромат гвоздики.

Чистота нужна в песне соловья,
Чтобы азбукой, только ему известной,
Ему одному, только птице чудесной,
Впредь всегда посылать в мирозданье приветы
И, быть может, услышать оттуда ответы,
Нам неведомые, серьезные, звездные. . .

Чистота нужна
И в облике, видишь, той птицы —
Пунцовая шайка, черное тело, —
Той птицы,
Которая к небу воздела
Свой клюв, чтобы молиться,
И вот она молится, как кардинал без паствы,
Совсем не за наши души,
А только за чистоту этого древнего мира. . .

Нужна чистота! . .

Чистота нужна,
Чтобы даже окаменелые камни
Внутренне ощущали себя
В прежнем, жидком существовании,
Чтобы даже растения могли выдыхать. . .
солнечный свет,
А не только незримый поток углерода,
Чтобы впредь — человек себя чувствовал
так хорошо,
Как мелодия в величественном храме природы,

Как цвет — на гениальной картине природы
И словно игрушка, которую держит
дитя природы. . .

Миру нужна чистота. . . ребенка,
Того ребенка,
Которого ежедневно рождают на свет
Даже нечистые люди,
Даже они, нечистые люди,
Потому что. . . миру нужна чистота!

*27, 30 ноября 1965
Чанахчи*

СВЕТ БЛАГОДАТНЫЙ

Свет благодатный,
Нет, не вечерний,
Нет, не закатный,
Росистый свет
Праведной жизни,
Пролейся, брызни!

Ночная служба кончается,
Распрямляет природа колени
Рассвет-просветитель,
Великий святитель,
Гасит лампы, светильники, свечи.
И наконец
Выходит солнце,
Верховный жрец.

Ленивые тучные тени
Сами себя пожирают,
Как будто тени сгорают,
Стройные и пригожие,
Танцовщицы темнокожие.
У рассвета свирель
Из дерева абрикосового.
Из каждой скважины луч:
Невероятный,
Простой и сложный
Мотив творенья:
«Свет благодатный!»
Свет изобильный,
Щедрый, всеильный,
Звонкий, напевный,
Апостол вседневный,
Приносишь ты веру,
Гонишь химеру,
Угодник и сводник,
Искатель, старатель,
Порою предатель,
От века навеки любовь.
Навек в человеке любовь.
Свет благодатный,
Чтобы на свете
Единственной тенью
В небе осталась
Радуга — тень
Летнего ливня.
Так разодень,
Свет благодатный,
Цыплят расписных.

А буквы напряжены
и друг друга притягивают,
Как в позвоночнике позвонки.
И получается
Страшный скелет невыносимых слов:
«Так жить невозможно...»

1969

ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ

Чего я хочу?

Думаете, счастья хочу?

Нет!

Я хочу всего-навсего

Видеть,

Видеть отчетливо.

Возможность видеть отчетливо —

Божественный дар, по-моему.

Видеть не только во мраке, —

И, ослепленному страстью,

Видеть, как некая тень

Точнее часов солнечных

Неуклонно показывает

Время нашей души

Наперекор Эйнштейну

И в согласии с ним.

Видеть в себе самом

И в недрах земного шара

Кипение невыносимое,
От которого бьемся мы
О собственный потолок,
И потолок не выдерживает.
Видеть, отчетливо видеть
Это кипенье зудящее,
Видеть его, как видишь
Глухую возню кротов,
Бугорки замечая,
Вскакивающие на поверхности.
Этого на копейку
Не купишь, конечно, нет!
Ценой моего искусства,
Ценою жизни моей
Желал бы я приобрести
Хотя бы возможность увидеть
Направленье, в котором
Мы шагаем, шагаем
Неизвестно зачем.
Ответь мне, моя любимая!
Скажи, в каком направленье
Наша любовь идет?
Откуда наши стремленья?
Что нас впереди ждет?

Ты слышишь?

Уже не чиркают,
Пищат воробьи: «Что... что... что...»
И от этого трескается
Синий небесный свет,
И в небесные трещины

Перепела заколачивают
Пронзительное «нет... нет... нет...».
Сжался!
Скажи хоть что-нибудь
Не мне, так птицам в ответ.

19 марта 1969
Дилижан

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэзия Армении представлена в Большой серии «Библиотеки поэта» произведениями Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Егише Чаренца, готовится к изданию сборник Ваана Терьяна. В Малой серии вышли в свет сочинения Арутина Саят-Новы и Акопа Акопяна. Творчество средневековых армянских поэтов представлено в сборнике «Армянская средневековая лирика» («Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1972).

По правилам издания «Библиотеки поэта» авторы, имеющие свои книги в Большой или Малой сериях, не могут затем входить в антологические сборники. Поэтому названные выше имена отсутствуют в настоящем издании. Но и здесь, в антологической книге, составитель стремился представить армянских поэтов, насколько это позволял объем издания, как можно шире. В сборник включены произведения наиболее значительных поэтов средних веков, нового времени и Советской Армении.

Соответственно сборник делится на три раздела: средневековая поэзия, поэзия нового времени, советская поэзия. Внутри каждого раздела авторский материал располагается в хронологическом порядке, при этом учитываются не только время жизни поэта, но и дата вступления его

в литературу. Произведения каждого поэта также по возможности располагаются в хронологическом порядке соответственно датам написания его стихотворений. В тех случаях, когда авторские даты неизвестны и не могут быть установлены по косвенным данным, стихотворения датируются предположительно: в угловых скобках (по первой публикации) или с вопросом. Некоторые поэты (Даниел Варужан, Сиаманто, Ашот Граши и др.), как правило, не датировали свои произведения, другие (Ваан Текеян, Шушаник Кургиян и др.) лишь изредка ставили даты под своими стихотворениями. В этих случаях, согласно правилам «Библиотеки поэта», недатированные произведения выносятся в конец соответствующего раздела.

Произведениям каждого поэта предпослана биографическая справка, в которой кратко характеризуется его жизненный и творческий путь, называются основные наиболее авторитетные издания данного автора на родном и русском языках.

В сборник вошли переводы из антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (вступительный очерк, примечания и редакция Валерия Брюсова, М., 1916), «Антологии армянской поэзии» (под редакцией С. С. Арутюняна и В. Я. Кирпотина, М., 1940), «Армянской средневековой лирики» (вступительная статья, составление и примечания Л. М. Мкртчяна, Л., 1972), двухтомника «Армянская классическая лирика» (вступительная статья, составление и примечания Л. М. Мкртчяна, Ереван, 1977),

а также из ряда сборников армянских поэтов, издававшихся на русском языке отдельными книгами. Некоторые произведения Даниела Варужана, Мисака Мецаренца, Шушаник Кургинян, Н. Зарьяна переведены на русский язык впервые.

В примечаниях комментируются мало знакомые современному читателю исторические события или библейские сюжеты, положенные в основу некоторых произведений, географические названия, бытовые реалии, а также поясняются армянские слова и термины, оставшиеся без перевода. В содержании звездочкой отмечены переводы, впервые публикуемые в настоящем издании.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ

ПОАНИ МАНДАКУНИ

«Преображеньем твоим на горе...»
Преображение — церковный праздник, установленный в честь великого события, которое якобы имело место в жизни Христа. Согласно Евангелию, Христос со своими учениками поднялся на высокую гору и преобразился перед ними. «И просияло лицо его, как солнце, одежды же его сделались белыми, как свет» (Матфей, гл. 17, ст. 3).

ДАВТАК КЕРТОГ

Плач на смерть великого князя Джеваншира. Это стихотворение приводит Мовсес Каганкатваци в своей «Истории Агван», написанной на основе армянских рукописей V—X вв. В подлиннике начальные буквы строф подобраны таким образом, что они воспроизводят армянский алфавит (оригинал состоит соответственно из 36 строф). Поэтому Каганкатваци пишет, что Кертог «стал петь по алфавитному заглавию» («История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века». Перевод К. Патканьяна, СПб., 1861, с. 182). *Джеваншир* княжил в Гардманке в 638—670 гг. *Исайя* — библейский пророк, предсказавший Иудее всю опасность союза с Ассирией. «Стрелы его заострены, — предупреждал Исайя, — и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его — как вихрь. . .» (Исайя, гл. 5, ст. 28). *Светлого крестовоздвиженья день* — один из праздников христианской церкви, приходится на воскресенье между 11 и 17 сентября. Исходя из этой строчки можно предположить, что Джеваншир был убит в середине сентября 670 г. *Моавитяне* — племя, происходившее от Моава, сына Лота, и жившее на востоке от Иордана и Мертвого моря. Пророк Исайя предсказал гибель моавитян. *Ирод Великий*, царь Иудеи в 40—4 гг. до н. э., отличался крайней жестокостью. По преданию, хотел убить младенца Христа. «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех мла-

денцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже...» (Матфей, гл. 2, ст. 16). *Арей* (греч. миф.) — бог войны, сын Зевса и Геры. *Священная кровь из ребра Иисуса*. По преданию, когда Христа распяли, один из воинов ударил копьем в ребро Иисуса, и «тотчас истекла кровь и вода». *В опустевшей стране я потомков сирен, А не страусов стаи сегодня оплачу*. Стихи восходят к древнегреческой мифологии (сирены — полуптицы-полуженщины, соблазнительные красавицы, чарующие своим голосом), а также — к образам Библии, в частности к книге пророка Исайи: «Но будут обитать в нем звери пустыни, и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся и косматые будут скакать там» (Исайя, гл. 13, ст. 21). *Волны бурные тивериадских глубин*. Имеется в виду Тивериадское озеро в Палестине, называемое также Галилейским морем (озером). *Гунны* — кочевой народ, по-видимому отчасти тюркского, отчасти монгольского происхождения. В первой трети V в. гунны объединились под властью короля Аттилы. С берегов Тиссы гунны совершали далекие опустошительные походы в Малую Азию, в Армению и даже в Месопотамию.

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

«Книга скорби» состоит из 95 глав. Это около десяти тысяч строк. Количество строк колеблется в зависимости от того, как делить главы

на строки: в подлиннике текст не разделен на стихи.

Глава 24. *Могу ли в град, где первенцы, вступить.* Град первенцев — выражение, восходящее к Евангелию: «Но вы приступили... к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах» (Послание к евреям, гл. 12, ст. 22—23). *Мне ль быть внесенным в книгу Бытия, Когда уже я вычеркнут оттуда?* Эти строки навеяны Библией: «Господь сказал Моисею: того, кто согрешил передо мною, изглажу из книги моей» (Исход, гл. 32, ст. 33). *И, в облике представши триедином.* Согласно христианскому вероучению, бог един в трех лицах: бог—отец, бог—сын, бог—святой дух.

Глава 25. *Исайя* — библейский персонаж, описавший гибель Иерусалима: «Правда обитала в ней, а теперь — убийцы. Серебро твое стало изгарью, вино твое — испорчено водою. Князья твои — законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них» (Исайя, гл. 1, ст. 21—22). *Лазарь* — евангельский персонаж, брат Марфы и Марии. Христос прослезился над могилой Лазаря; по преданию, воскресил его из мертвых. *Иуда* — один из учеников Христа, по преданию, предал его. Христос сказал о нем: «Горе тому человеку, которым сын человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (Матфей, гл. 26, ст. 24). *Иона* — библейский пророк, разгневал бога, поэтому корабль, на котором он

плыл, попал в страшную бурю. Моряки, узнав, что причина их несчастий Иона, выбросили его за борт. Однако бог приказал киту проглотить Иону, дабы тот не утонул. Пророк во чреве кита провел три дня и три ночи, распевая благодарственные гимны господу. По истечении трех суток кит «изверг» Иону на сушу. *И капли благодати просочатся Из твоего пронзенного ребра.* По евангельскому преданию, один из воинов пронзил копьем ребра распятого Христа и «тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн, гл. 19, ст. 34).

Глава 46. *Онагр* — дикий осел. *Вертоград* — сад, виноградник; в данном случае имеются в виду райские кущи, из которых, по преданию, был изгнан Адам.

Глава 60. *Псалтырь* — книга псалмов, ее авторство приписывается библейскому царю Давиду. *Псалом сорок девятый псалтыря.* В нем говорится, в частности: «Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься. Уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство». *Как говорил о том апостол Павел.* Имеются в виду слова апостола Павла: «Стану молиться духом, стану молиться и умом, буду петь духом, буду петь и умом» (Первое послание к коринфянам, гл. 14, ст. 15). *Скиния* — куща, шатер, походная молельня у израильтян. *Астарта, Милхом* — языческие боги. *Тарахат* — языческий идол. В Библии повествуется, как «во время старости Соломона, жены его склонили сердце его к иным богам... И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Мил-

хому, мерзости Аммонитской» (Третья кн. царств, гл. 11, ст. 4—5). *Иаков* — библейский персонаж.

ГРИГОР МАГИСТРОС ПАХЛАВУНИ

Призыв к бою. Текст стихотворения на армянском языке вместе с комментариями к нему взят нами из неопубликованной работы доктора филологических наук Г. В. Абгаряна. *Прислужник Мономаха, подагрика слуга*. Император (1042—1055) Константин IX Мономах болел подагрой. При нем в 1045 г. столица Армении г. Ани был взят византийцами. *Айк* — родоначальник армянского народа. *Бел* — у ассирийцев, вавилонян, халдеев был богом солнца, владыкой неба и света, создателем мира и людей. По сведениям древних, один из ассирийских царей назывался Белом. В армянской мифологии воспевается борьба Айка с Белом. *Арам* — защитник границ армянской земли. *Халдеи* — древние семитические племена.

НЕРСЕС ШНОРАЛИ

Небо. *Отделены, как заметил еще Моисей, Верхние воды от нижних стихией моей*. Моисей — библейский пророк. Имеется, очевидно, в виду библейская легенда, согласно которой море перед Моисеем стало сушей: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал господь море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал

море сушею, и расступились воды» (Исход, гл. 14, ст. 21). *Я покрываю собою четыре стихии*, т. е. землю, воду, воздух, огонь. По древним преданиям и согласно учениям древних философов, мир создан из вышеназванных четырех стихий, или первоэлементов.

ОВАНЕС ЕРЗНКАЦИ ПЛУЗ

О в а н е с и А ш á. *Псалом Давидов*. Давид — полупоупендарный иудейский царь. Ему приписывается авторство Псалтыря — книги псалмов. *Что же значит яблоко это, Наземь брошенное тобой?* По обычаю, яблоками кидают в женихов. *Гяур* — так называют турки всех немусульман. *Кади* — духовный судья у мусульман. «*Аллилуйя*» — хвалебный возглас в торжественных песнопениях христианского богослужения. *Восемь выучи наших канонув И псалмы в писаны святом*. Имеются в виду восемь основных циклов (канонув), на которые делятся псалмы.

ФРИК

Ж а л о б ы. *Внук Агари*. Согласно Библии, Измаил, сын египетской рабыни Агари и патриарха Авраама, стал родоначальником арабских племен, прозванных по имени его матери агарянами. *Далмат* — так называли жителей Далмации или тех, кто был родом из Далмации, области на

восточном берегу Адриатического моря. В данном случае речь идет о далмате, проживающем в Испании. *Алан* — осетин. *Иль ввергли в гнев тебя армяне, Как некогда израильтяне?* По библейскому преданию, израильтяне, которых Моисей вел в Ханаан (страна, где поселился патриарх Авраам, земля обетованная), трусили и были наказаны богом. Приговор гласил, что ни один израильтянин старше двадцати лет не получит возможности видеть Ханаан. В течение сорока лет они должны скитаться в пустыне. *«Аллилуйя»* — хвалебный возглас в торжественных песнопениях христианского богослужения.

ХАЧАТУР КЕЧАРЕЦИ

Я, смертный, сотворен из праха.
Из четырех стихий земных — см. примеч. к стих. «Небо», с. 549.

НААПЕТ КУЧАК

«Черноброваты, тонкостанна...»
Шамам — небольшая особенно ароматная дыня; по форме и размеру напоминает яблоко.

«Пророк Давид, тебя молю...» *Давид* — полупоупендарный иудейский царь. Ему приписывается авторство Псалтыря — книги псалмов.

«В ту долгую ночь лишь раз, лишь
два...» *Яр* — любимый, любимая.

«Мне месяц ясный говорит...» *Га-риб* — скиталец.

ОВАНЕС ТЛКУРАНЦИ

Песнь о храбром Липарите. *Саркис* (святой Сергий), по преданию, был знатным римским сановником. После того как он принял христианство, его мучили, водили по городу в женских одеждах и с железным обручем на шее. Обезглавлен ок. 296—303 г. *Торос* — армянский царь (XII в.) Киликийского армянского княжества (царства). *Мушег* — армянский князь из рода Мамиконянов (VIII в.), один из тех, кто возглавил борьбу армян за независимость в 774—775 гг. *Вардан* Мамиконян руководил восстанием армян против Персии в 450—451 гг. Пал в Аварайрской битве в 451 г. *Тырдат* (Трдат) — армянский царь (298—330). При нем Армения приняла христианство. *Джиган* (Джахан) — река в Киликии, впадает в Средиземное море. *Сис* — столица Киликийского армянского царства в XI—XIV вв. *Манчак* — эмир города Тарса, напавший в 1369 г. вместе с эмиром Алеппо Ишик Тимуром на столицу Киликийского армянского царства Сис. Бои за Сис продолжались несколько лет. Среди защитников армянской столицы отвагой и героизмом отличился спарапет (командующий вой-

сками) *Липарит*, известный своими подвигами в борьбе против мамелюков. *Ован* (Иоани). По предположению Н. Акиняна, речь идет о сыне Липарита, который, как и отец, погиб в борьбе с мамелюками.

ГРИГОРИС АХТАМАРЦИ

Песнь скорбная о том, кто выстроил дом и разбил сад. *Хранитель райских врат* — апостол Петр («святой ключарь»).

Ты — рай для меня. *Нард* — лаванда, полукустарник, с сильно пахнущими голубыми или темно-синими цветами. *Калис* — мирта. *Ну-нуфар* — кувшинка.

НАГАШ ОБНАТАН

Песня любви. *Шамам* — см. примеч. к стих. «Черноброва ты, тонкостанна...», с. 550.

Песнь о грузинских красавицах. *Врастан* — Грузия.

БАГДАСАР ДПИР

К Мамоне. *Мамона* — в христианских церковных текстах злой дух, идол, олицетворяющий сребролюбие и стяжательство.

ПЕТРОС КАПАНЦИ

Народу моему любимому. *Отмечен в книге древней и священной*, то есть в Библии. По библейскому преданию, Ноев ковчег причалил к горе Арарат (Армения). Кроме того, средневековые армянские историки считали, что армяне происходят от библейского Аскеназа, потомка Ноя. У пророка Иеремии сказано: «Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него народы, созовите на него царства Араратские, Минийские и Аскеназские...» (Иеремия, гл. 51, ст. 27). Армянские историки полагали, что и здесь речь идет, в частности, об армянах.

ПОЭЗИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

Песня итальянской девушки. В стихотворении идет речь о национально-освободительном движении конца 1850-х годов в Италии, направленном против австрийского владычества и за объединение страны. *Египше* (V в.) — армянский историк, писал о патриотизме армянских женщин.

Ответ великого Вагана Мамиконяна. *Ваган Мамиконян* — предводитель вос-

стания армянского народа против персидских завоевателей в 481—485 гг. *Вардан* Мамиконян — см. примеч. к стих. «Песнь о храбром Липарите», с. 551. *Двин, Арташат* — столицы древней Армении. *Сынам Просветителя*. Имеется в виду Григорий Просветитель (IV в.), распространитель христианства в Армении. Стихотворение является откликом на поэму Р. Патканяна «Смерть храброго Вардана Мамиконяна».

МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

Мы — братья. *Айастан* — Армения.

Зейтунский армянин. *Зейтунский армянин*. Зейтун — город в пределах бывшего Киликийского царства, памятный мужественным восстанием против ига турок в 1895 г.

РАФАЕЛ ПАТКАНЯН

Слезы Аракса. *Аракс* — река, символизирующая Армению.

Из поэмы «Смерть храброго Вардана Мамиконяна». *Вардан Мамиконян* — см. примеч. к стих. «Песнь о храбром Липарите», с. 551. *Торгом*. В армянской мифологии — отец *Гайка*, родоначальника армян.

ГЕВОРГ ДОДОХЯН

Ц и ц е р н а к. *Цицернак* — ласточка. *Аштарак* — местность недалеко от Еревана.

ГАЗАРОС АГАЯН

П р я л к а. *Чуха* — мужская верхняя одежда.

СМБАТ ШАХАЗИЗ

А ш т а р а к. *Аштарак* — местность недалеко от Еревана. *Касах* — река в Армении.

ДЖИВАНИ

Л ю д и. *Ашуг* — народный поэт.

Н а р о д н ы й г н е в. *Вишан* — дракон, чудовище в армянской мифологии.

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

Ц а р ь А р т а в а з д. В основу стихотворения положена легенда о царе *Артавазде* — сыне царя Арташеса. В истории Мовсеса Хоренаци сказано: «Во время смерти Арташеса много было пролито крови по обычаю язычников; огорчился Артавазд и говорит отцу: «Ты ушел и унес с собой всю нашу землю; как же мне царствовать над разва-

линами?» За что Арташес проклял его, говоря: «Если ты поедешь на охоту на свободный Масис, тебя захватят духи... там останешься и света не увидишь более».

Старухи рассказывают про него, что он, связанный железными цепями, заключен в какой-то пещере; что две собаки беспрестанно грызут его цепи и он силится выйти и положить конец миру; но что от звука ударов молота кузнецов снова оковы укрепляются. Поэтому даже и в наше время многие из кузнецов, следуя легенде, ударяют молотом о наковальню, чтобы укрепиться, как говорят, цепи Артавазда» («История Армении Моисея Хоренского», М., 1858, с. 130). *Масис* — Арарат.

А р а з. *Араз* — народное название реки Аракс.

«Не тоскуй, мой брат...» *Голгофа* — лобное место, по евангельскому преданию Христос был распят на Голгофе.

Новая весна. *Саз-кяманча* — восточный музыкальный инструмент.

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

К черни. Эпиграф из стих. А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (первоначальное заглавие — «Поэт и чернь»).

К Мамоне. См. примеч. к стих. Б. Дпира «К Мамоне», с. 552.

Отчизна. *Ашуг* — народный поэт.

ШУШАНИК КУРГИНЯН

Панихида. *Голгофа* — см. примеч. к стих. «Не тоскуй, мой брат...», с. 551.

СИАМАНТО

Горсть пепла — родной дом. *Евфрат* — река в Западной Армении. *Тут* — тутовое дерево.

Мои слезы. *Адамант* — алмаз.

ВААН ТЕКЕЯН

Ханум. *Ханум* — госпожа. *Рог Золотой* — бухта в Стамбуле.

Мне кажется, я жил давно. *Сократ* (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист; был приговорен к смертной казни, покончил с собой, выпив яд.

ДАНИЕЛ ВАРУЖАН

Первый грех. *Иегова* — бог в иудейской религии.

После пиршества. *Гусан* — народный певец.

О, Талита... *Ашуг* — народный поэт.

РУБЕН СЕВАК

Трубадуры. *Ной* — библейский персонаж, праведник, спасшийся во время всемирного потопа. Ноев ковчег пристал, согласно легенде, к горе Арарат. *Рамик* — крестьянин-бедняк. *Певцах гохтанских*. *Гохтн* — область в древней Армении на левом берегу восточной части реки Аракс. Образцы гохтанских языческих песен записал в V веке Мовсес Хоренаци.

МИСАК МЕЦАРЕНЦ

Сонет с кодою. Название стихотворения автору не принадлежит. В оригинале оно называется «В тени акаций».

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

НАИРИ ЗАРЬЯН

«Ах, если бы чудо свершилось...»
Раздан — река в Армении.

Тиран и поэт. *Газель* — вид лирического стихотворения, состоящего обычно из пяти—двенадцати двустиший (бейтов). Система рифмовки: аа, ва, са, да... *Фирдуси* (Фирдоуси, ок. 940—1020 или 1030) — великий персидско-таджикский поэт. *Башня Ануш* — башня забвения. *Рубаи* — восточная стихотворная форма; стихотворение состоит из четырех полустихий или двух бейтов. Рифма: ааба, иногда: аааа. *Дарий I* (522—486 до н. э.) — персидский царь из династии Ахеменидов. *Хосров* — персидский царь (531—579) Хосров I Ануширван, известный своей мудростью. *Рустам* — персонаж из «Шахнаме» Фирдоуси, популярный герой фольклора народов Востока.

В мастерской у Мартироса Сарьяна. *Масис* — гора Арарат. *Ашот* — армянский ученый, историк и общественный деятель Ашот Ованесян (1887—1972). *Ачарян* Рубен (1876—1954) — выдающийся армянский лингвист. *Алагяз* — гора в Армении.

Грустный триолет. *Триолет* — стихо-

творная форма: восьмистишие с повторяющейся в определенном порядке первой строкой.

«Захотелось покончить с заклятым врагом...» *Танка* — форма пятистрочного стихотворения без рифм в японской поэзии.

АЗАТ ВШТУНИ

Восток. *Шафран* — естественная органическая краска. *Джан* — дорогой, любимый. *Шаир* — поэт. *Диван* — в классических литературах Ближнего и Среднего Востока сборник стихов одного или нескольких поэтов.

ГЕГАМ САРЬЯН

Гюльнара. *Таджир* (перс.) — купец. *Кальян* — трубка для курения — длинный чубук, конец которого проходит через сосуд с водой. *Ханум* — госпожа. *Шираз* — область в Персии. *Тара* (Тар) — струнный музыкальный инструмент. *Сега* — персидская мелодия. *Джинда* (перс.) — женщина легкого поведения.

«С тех пор ста поколений нет...» *Фирдоуси* — см. примеч. к стих. «Тиран и поэт», с. 559.

Украина. В *Каневе* (близ Киева) находится могила великого украинского поэта *Тараса*

Григорьевича Шевченко (1814—1861). *Богдан Хмельницкий* (ок. 1595—1657) — украинский государственный деятель, гетман Украины, полководец.

ГУРГЕН МААРИ

О р о р, о р о р, с п о к о й н о й н о ч и.
Орор — припев в колыбельных песнях.

В «Англетере». «*Англетер*» — гостиница в Ленинграде, в которой в 1925 г. С. А. Есенин покончил жизнь самоубийством.

Слово о Владимире Ильиче Ленине и Ваане Теряне. *Ваан Терян* (1885—1920) — армянский поэт. *Кучак* — см. о нем с. 154. *Егшише Чаренц* (1897—1937) — армянский советский поэт. *Дурян, Мецаренц, Варужан* — см. о них с. 268, 350, 330. *Ованес Туманян* (1869—1923) — армянский поэт. *Сиаманто* — см. о нем. с. 310. Аветик *Исаакян* (1875—1957) — армянский советский поэт. *Наири* — древнее название Армении.

АПОТ ГРАШИ

Дорожная песня. *Занг* — река в Армении.

«В глазах грузинки...» *Алазань, Коджори* — живописные районы Грузии.

«Мои глаза...» *Бедуин* — кочевой арабско-скотовод.

ПАРУЙР СЕВАК

Вечер. *Хайям* Омар (ок. 1048 — после 1122) — поэт, классик персидско-таджикской литературы.

Трехголосая песнь. *Ердык* — отверстие в крыше, служащее дымоходом. *Вроде той горы, что выросла в твой герб!* Имеется в виду гора Арарат.

Мой горизонт. *Джермук* — минеральная вода.

СОДЕРЖАНИЕ

Пятнадцать веков армянской поэзии. <i>Вступительная статья Л. М. Мкртчяна</i> . . .	5
---	---

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ

МЕСРОП МАШТОЦ

<i>Биографическая справка</i>	75
«Море жизни всегда обурекает меня...» <i>Перевод В. Брюсова</i>	76
«Подвергнут опасностям и мукам я...» <i>Перевод Л. Мкртчяна</i>	76
«Рано утром предстану перед тобой...» <i>Перевод В. Брюсова</i>	76

ИОАНН МАНДАКУНИ

<i>Биографическая справка</i>	78
«Преображеньем твоим на горе...» <i>Перевод В. Брюсова</i>	79 543

*

ДАВТАК КЕРТОГ

- Биографическая справка* 80
- Плач на смерть великого князя Джеваншира. *Перевод Н. Гребнева* 81 544

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

- Биографическая справка* 87
- Из «Книги скорби». *Перевод Н. Гребнева* 88 545

ГРИГОР МАГИСТРОС ПАХЛАВУНИ

- Биографическая справка* 115
- Призыв к бою (*Послание к неизвестному*).
Перевод Л. Мкртчяна 116 548

НЕРСЕС ПИНОРАЛИ

- Биографическая справка* 118
- Небо. *Перевод Н. Гребнева* 119 548
- Солнце истины. *Перевод Н. Гребнева* . 120

ГРИГОР ТХА

Биографическая справка 122

Стихотворение полезное и чудесное. *Перевод М. Петровых* 123

ОВАНЕС ЕРЗНКАЦИ ПЛУЗ

Биографическая справка 125

«Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет судьба. . .» *Перевод В. Брюсова* 126

«Язык для речи служит нам, речь праведных — что злата звон. . .» *Перевод В. Брюсова* 126

«Подобен морю мир: сухим остаться, переплыв, — нельзя. . .» *Перевод В. Брюсова* 126

«Я, все грехи свои собрав, оплакал зло прошедших лет. . .» *Перевод В. Брюсова* 127

«О безрассудный человек, проснись, опомнись же скорей! . .» *Перевод О. Румера* 127

Ованес и Ашá. *Перевод Н. Гребнева* . . 128 549

КОСТАНДИН ЕРЗНКАЦИ

Биографическая справка 132

Весна. *Перевод В. Брюсова* 133

Песня чистой любви. *Перевод Н. Гребнева* 135

Иные злословят обо мне. <i>Перевод М. Лозинского</i>	137
Слово на час печали, написанное о братьях, обидевших меня. <i>Перевод М. Лозинского</i>	140

ФРИК

<i>Биографическая справка</i>	142
Жалобы. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	143 549

ХАЧАТУР КЕЧАРЕЦИ

<i>Биографическая справка</i>	150
«Господь словам моим свидетель...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	151
Я, смертный, сотворен из праха. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	152 550
Жизнь на земле подобна морю. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	153

НААПЕТ КУЧАК

<i>Биографическая справка</i>	154
«Благословен ушедший с милой...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	155

«Когда ты была моей...» Перевод А. Адалис	155
«Где была ты, откуда пришла?..» Перевод Н. Гребнева	156
«В мире две великих силы...» Перевод В. Звягинцевой	156
«Глаза твои — океан...» Перевод П. Антокольского	156
«Ты хвалишься, луна небес...» Перевод В. Брюсова	157
«Вышла из-за гор луна...» Перевод В. Звягинцевой	157
«Я в любви, как ребенок малый...» Перевод Н. Гребнева	158
«Ручною птицей на земле...» Перевод В. Звягинцевой	158
«Не нужна ты мне, не нужна...» Перевод Н. Гребнева	158
«Ради бога, что создал нас...» Перевод Н. Гребнева	159
«Видишь, как покраснела я...» Перевод А. Кушнера	159
«О красавица, жить мне дай...» Перевод Н. Гребнева	160
«Что ты белые щеки румянишь...» Перевод Н. Гребнева	160
«Как мне быть — не могу я боле...» Перевод Н. Гребнева	160
«От любви пробежит по мне...» Перевод А. Кушнера	161
«Сад сажил я, но в том саду...» Перевод Н. Гребнева	161

«В далекий дол я побреду...»	<i>Перевод</i>	
С. Иванова		162
«Из дома выйди своего...»	<i>Перевод</i>	
А. Кушнера		162
«Я прозрачнее ладана стал...»	<i>Перевод</i>	
А. Кушнера		162
«Черноброва ты, тонкостанна...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		163 550
«Я думал, ты грустишь по мне...»	<i>Перевод</i>	
А. Кушнера		163
«Ты — жемчужина, ты — светла...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		164
«Белогрудой красоте...»	<i>Перевод</i>	
В. Звягинцевой		164
«Идя близ церкви, видел я...»	<i>Перевод</i>	
В. Брюсова		164
«Боже, что от меня хотят!...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		165
«Как нам быть — все про нас говорят...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		165
«Мне пред тем, как совсем рассвело...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		166
«Этот мир похож на базар...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		166
«Шла она с другим...»	<i>Перевод</i>	
В. Звягинцевой		166
«Шел по улице неторопливо...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		167
«Боль и радость в сердце моем...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		167
«Пророк Давид, тебя молю...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		168 550

«Вышел ночью навеселе...»	<i>Перевод</i>	
А. Кушнера		168
«Вчера по улице вели...»	<i>Перевод В. Звягинцевой</i>	168
«Утром, выйдя за порог...»	<i>Перевод</i>	
А. Кушнера		169
«Мы, любимая, не равны...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		169
«Как сладок этот поцелуй...»	<i>Перевод</i>	
В. Микушевича		170
«В эту ночь я блюла закон...»	<i>Перевод</i>	
Н. Гребнева		170
«На кровле ты легла уснуть...»	<i>Перевод</i>	
В. Брюсова		170
«О, длиться бы стократ поре ночной...»	<i>Перевод С. Иванова</i>	171
«Твердь небесная, твердь земная...»	<i>Перевод Н. Гребнева</i>	171
«В ту долгую ночь лишь раз, лишь два...»	<i>Перевод В. Брюсова</i>	172 55 ^з
«Грудь твоя — белоснежный храм...»	<i>Перевод А. Кушнера</i>	172
«Милая, если позволишь...»	<i>Перевод</i>	
В. Звягинцевой		172
«Эти волосы, брови и взгляд!...»	<i>Перевод</i>	
А. Кушнера		173
«На любимую бросьте взгляд...»	<i>Перевод Н. Гребнева</i>	173
«Художник обмер, написав...»	<i>Перевод</i>	
В. Микушевича		174
«Взяли милой моей портрет...»	<i>Перевод</i>	
А. Адалис		174

«С той поры, как рожден на свет...» <i>Перевод А. Адалис</i>	174
«Вино твоего румянца...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	175
«Я ласкал бы твой нежный лик...» <i>Перевод П. Антокольского</i>	175
«Я увидел на веревке...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	176
«Белогрудая в кофте белой...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	176
«Из чего ты создана?..» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	176
«Ты ль не вырезана из лоз...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	177
«Ты — красива, ты — молода...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	177
«Ловчий сокол я с красным кольцом...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	178
«Ослепительный блеск...» <i>Перевод А. Кушнера</i>	178
«Пред тобою я, мой желанный...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	178
«Я, как скала, крепка...» <i>Перевод А. Кушнера</i>	179
«Я, как всякая птица, дика...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	179
«Было слышно: вода рокочет...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	180
«Гляну вниз иль гляну вверх я...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	180
«О, царица, пусть будет воспета...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	180

«Высоко ты ходишь...» <i>Перевод Ф. Сологуба</i>	181
«Скажи, мой милый месяц, мне...» <i>Перевод В. Брюсова</i>	181
«Я молод, ты молода...» <i>Перевод П. Антокольского</i>	182
«Мне б рубашкою стать льняною...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	182
«Стан твой тонок, ты высока...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	182
«Пришла ты поздно за водой...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	183
«Что возьмешь за поцелуй...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	183
«Вот гранат, разрежь...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	184
«Мне сказали сегодня под вечер...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	184
«Поцелуй, обознавшись, просил...» <i>Перевод А. Кушнера</i>	184
«Люди пришли и сказали...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	185
«Мне месяц ясный говорит...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	185 551
«Я персиковый саженец...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	186
«Выбери четверостишье...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	186
«Самым худшим из проклятий...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	186
«Обидевший скитальца...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	187

«Душа моя ушла из тела...»	<i>Перевод</i>	
<i>В. Звягинцевой</i>		187
«От долгих раздумий растут...»	<i>Перевод</i>	
<i>В. Звягинцевой</i>		188
«Клеветы человеческой...»	<i>Перевод</i>	
<i>В. Звягинцевой</i>		188
«Спросили раз у мудреца...»	<i>Перевод</i>	
<i>С. Иванова</i>		188

ОВАНЕС ТЛКУРАНЦИ

<i>Биографическая справка</i>		189
Лик твой — солнце.	<i>Перевод Н. Гребнева</i>	190
Встретил я красавицу нежданно.	<i>Перевод Н. Гребнева</i>	191
Песнь о храбром Липарите.	<i>Перевод С. Спасского</i>	192 551

МКРТИЧ НАГАШ

<i>Биографическая справка</i>		196
Суета мира.	<i>Перевод В. Брюсова</i>	197
Странник.	<i>Перевод Н. Гребнева</i>	198

ГРИГОРИС АХТАМАРЦИ

<i>Биографическая справка</i>		201
Песнь скорбная о том, кто выстроил дом и разбил сад.	<i>Перевод М. Синельникова</i>	202 552

Ты — рай для меня. <i>Перевод С. Спас-ского</i>	204 552
---	---------

НАГАШ ОВНАТАН

<i>Биографическая справка</i>	207
Песня любви. <i>Перевод В. Брюсова</i> . . .	208 552
Песнь о грузинских красавицах. <i>Перевод П. Панченко</i>	209 552
«Тебе достойную воздам ли дань я?..» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	211
«Лик твой — как луна, глаза горят...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	212

БАГДАСАР ДПИР

<i>Биографическая справка</i>	214
Песня весны. <i>Перевод Н. Гребнева</i> . . .	215
Не плачь, соловей. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	216
К Мамоне. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	217 552

ПЕТРОС КАПАНЦИ

<i>Биографическая справка</i>	219
Народу моему любимому. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	220 553
Стаи. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	221

ПОЭЗИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

<i>Биографическая справка</i>	225
Свобода. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	227
Аполлону. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	228
Песня итальянской девушки. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	229 553
Ответ великого Вагана Мамиконяна. <i>Перевод С. Шервинского</i>	232 553

МКРТИЧ ПЕШИКТАШЛЯН

<i>Биографическая справка</i>	234
Мы — братья. <i>Перевод Е. Сырейщиковой</i>	236 554
Зейтунский армянин. <i>Перевод Л. Уманца</i>	237 554

РАФАЕЛ ПАТКАНЯН

<i>Биографическая справка</i>	239
Слезы Аракса. <i>Перевод Ю. Веселовского</i>	240 554
Из поэмы «Смерть храброго Вардана Мамиконяна». <i>Перевод В. Брюсова</i>	243 554
Новое поколение мушцев. <i>Перевод Ю. Веселовского</i>	245
Великий человек. <i>Перевод В. Брюсова</i>	246
Жаворонок. <i>Перевод Е. Сырейщиковой</i>	248

ГЕВОРГ ДОДОХЯН

- Биографическая справка* 250
Цицернак. *Перевод В. Брюсова* 251 555

ГАЗАРОС АГАЯН

- Биографическая справка* 253
Прялка. *Перевод В. Брюсова* 254 555

СМБАТ ШАХАЗИЗ

- Биографическая справка* 256
Сон. *Перевод В. Брюсова* 257
Да здравствует святой труд! *Перевод*
Ю. Веселовского 258
Аштарак. *Перевод Ю. Веселовского* 259 555

ДЖИВАНИ

- Биографическая справка* 261
В эту ночь. *Перевод В. Брюсова* 262
«Как дни зимы, дни неудач недолго тут:
придут — уйдут. . .» *Перевод В. Брю-*
сова 263
Люди. *Перевод П. Антокольского* 264 555
Ашуг. *Перевод С. Шервинского* 265
Народный гнев. *Перевод Б. Садовского* 266 555

ПЕТРОС ДУРЯН

<i>Биографическая справка</i>	268
<i>Моя смерть. Перевод В. Брюсова</i>	269
<i>Моя скорбь. Перевод К. Бальмонта</i>	270
<i>Ропоты. Перевод В. Брюсова</i>	271

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

<i>Биографическая справка</i>	274
<i>Певец. Перевод А. Бондаревского</i>	275
<i>Узник. Перевод А. Бондаревского</i>	276
<i>Путник. Перевод А. Бондаревского</i>	276
<i>«Пусть солнце сегодня закрыто тьмой...»</i> <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	277
<i>Два поцелуя. Перевод М. Петровых</i>	277
<i>Царь Артавазд. Легенда. Перевод В. Брю-</i> <i>сова</i>	278 555
<i>Певцу. Перевод В. Звягинцевой</i>	280
<i>«Я знаю: горе найдет меня...» Перевод</i> <i>А. Тарасовой</i>	280
<i>Араз. Перевод С. Аксеновой</i>	281 556
<i>«Умолкли навсегда времен былых наро-</i> <i>ды...» Перевод К. Бальмонта</i>	282
<i>«Дорогая, усни! Сладкий сон призови...»</i> <i>Перевод М. Лозинского</i>	283
<i>«Всё вперед, всё наверх! Бесконечен мой</i> <i>путь...» Перевод В. Брюсова</i>	284

«Не тоскуй, мой брат, не страшись, мой брат...» <i>Перевод Дм. Голубкова</i> . . .	285 556
Новая весна. <i>Перевод С. Шервинского</i> . . .	285 556
«Он лежал на холодной постели...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	287
«Лучами растопило снег...» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	287
В. Брюсову. <i>Перевод Л. Успенского</i>	288
На берегу моря. <i>Перевод Ю. Хазанова</i>	288

АЛЕКСАНДР ЦАТУРЯН

<i>Биографическая справка</i>	290
К черни. <i>Перевод Е. Полонской</i>	291 556
«Довольно призраки блаженства обеща-ли...» <i>Перевод Ю. Веселовского</i>	292
Тебе мое страданье. <i>Перевод Е. Полонской</i>	293
Продажная печать. <i>Перевод Е. Полонской</i>	294
«Мрачна, темна душа моя!...» <i>Перевод Ив. Бунина</i>	294
Новое поколение. <i>Перевод Е. Полонской</i>	295
Волны и думы. <i>Перевод А. Коринфского</i>	296
Песня воина. <i>Перевод А. Коринфского</i>	296
Молитва армянского писателя. <i>Перевод Б. Садовского</i>	297
Бедный вор. <i>Перевод В. Брюсова</i>	298
Заседанье. <i>Перевод Е. Полонской</i>	299

К Мамоне. Перевод Е. Полонской . . .	299 557
Я путник усталый. Перевод Е. Полонской . . .	300
Завещание армянского писателя. Перевод Е. Полонской . . .	300
Мать. Перевод Е. Полонской . . .	300
Отчизна. Перевод Ю. Веселовского . . .	301 557

ШУШАНИК КУРГИНЯН

Биографическая справка	303
Панихида. Перевод В. Брюсова	304 557
Гасите люстры. Перевод С. Спасского . . .	305
* Рабочие. Перевод О. Шестинского . . .	307

СИАМАНТО

Биографическая справка	310
Горсть пепла — родной дом. Перевод С. Шервинского	311 557
Мои слезы. Перевод С. Шервинского . . .	312 557
Чаяния невестки. Перевод А. Тер-Акопян	313
Я с песней умереть хочу. Перевод А. Тер-Акопян	315

ВААН ТЕКЕЯН

<i>Биографическая справка</i>	318
Ханум. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	319 557
Египтянка. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	320
Мачты. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	321
«Тебя мы чтили, мщения клинок...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	322
Падучие звезды. <i>Сонет. Перевод Ю. Балтрушайтиса</i>	322
Песня об армянском языке. <i>Перевод Ю. Балтрушайтиса</i>	323
Караван. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	324
Баланс. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	324
Возвращение. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	325
Тридцатилетие. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	326
Мне кажется, я жил давно. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	327 557
Башня. <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	328
«Зима и злая стынь кругом...» <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	329

ДАНИЕЛ ВАРУЖАН

<i>Биографическая справка</i>	330
Колыбель армян. <i>Перевод В. Брюсова</i>	331
Первый грех. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	332 558
* Мерцающая лампада. <i>Перевод О. Шестинского</i>	335
* Первое мая. <i>Перевод О. Шестинского</i>	336

*

* Ода. Перевод О. Шестинского	339
После пиршества. Перевод А. Тер-Акоп- яня	340 558
Изваянию красоты. Перевод А. Тер-Ако- пяня	341
О, Талита... Перевод А. Тер-Акопяня	342 558

РУБЕН СЕВАК

Биографическая справка	344
Трубадуры. Перевод А. Гатова	345 558

МИСАК МЕЦАРЕНЦ

Биографическая справка	350
Трепет. Перевод А. Тер-Акопяня	351
На рассвете. Сонет. Перевод В. Брюсова	352
Сонет с кодою. Перевод В. Брюсова	352 558
Сумерки. Перевод А. Тер-Акопяня	353
* Солнцу. Перевод О. Шестинского	355
В каком опьяненье... Перевод М. Зенкеви- ча	356
* Дай мне, господь. Перевод О. Шестин- ского	358
«Ночь сладостна, ночь знойно-сладостра- стна...» Перевод В. Брюсова	360
Рассветное. Перевод Е. Полонской	361
Лодки. Перевод А. Тер-Акопяня	362
Пчелы. Перевод А. Тер-Акопяня	363
* Зимняя ясная ночь. Перевод О. Шестин- ского	364

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

НАИРИ ЗАРЬЯН

- Биографическая справка* 369
- Ленин. *Перевод И. Сельвинского* 371
- * «Многих красавиц я пламенным сердцем любил. . .» *Перевод Е. Николаевской* . . 372
- Отчий дом. *Перевод В. Звягинцевой* . . 373
- * Сон. *Перевод Н. Горской* 373
- «Четвертый день, как я пою, не насыщаюсь пением! . .» *Перевод С. Мара* . . . 373
- * «Я слышал: когда ты с любимой. . .» *Перевод Н. Горской* 374
- * «Ах, если бы чудо свершилось. . .» *Перевод Н. Горской* 374 559
- * «Душа моя, всё, как есть, отдадим. . .» *Перевод М. Петровых* 375
- * «Обманывали сотни раз меня. . .» *Перевод Е. Николаевской* 375
- * Севан после грозы. *Перевод Н. Горской* 376
- Тиран и поэт. *Поэма. Перевод М. Петровых* 377 559
- * «Старой сказке я больше не верю. . .» *Перевод Н. Горской* 381
- Завещание. *Перевод А. Яшина* 381
- Утро. *Перевод В. Орловской* 382
- Я заблуждался много раз. *Перевод В. Звягинцевой* 383
- Вода. *Перевод В. Орловской* 383

В мастерской у Мартироса Сарьяна. <i>Перевод М. Петровых</i>	384 559
* . . . Мой язык тому виной. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	385
* «О, бойся клеветы, когда она. . .» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	386
* Грустный триолет. <i>Перевод Н. Горской</i>	386 559
* «Многое я написал с полной отдачей сил. . .» <i>Перевод М. Петровых</i>	386
* Наша планета. <i>Перевод М. Петровых</i>	387
«Захотелось покончить с заклятым врагом. . .» <i>Перевод Ю. Баласана</i>	388 560
* Я жду тебя. <i>Перевод Н. Горской</i>	389
* Псалом прощания. <i>Перевод М. Петровых</i>	390

АЗАТ ВШТУНИ

<i>Биографическая справка</i>	392
В пустыне. <i>Перевод А. Сендыка</i>	393
Везде. <i>Перевод А. Гатова</i>	394
Восток. <i>Перевод М. Светлова</i>	395 560
Я вернусь. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	396

ГЕГАМ САРЬЯН

<i>Биографическая справка</i>	398
«Если б только ты да я. . .» <i>Перевод Н. Чуковского</i>	399
Гюльнара. <i>Перевод М. Светлова</i>	399 560
Советская Армения. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	405

«С тех пор ста поколений нет. А ты живешь, поэт...»	Перевод П. Шубина	408 560
«Вновь пришел домой я с далеких гор...»	Перевод В. Звягинцевой	408
Ребенку. Перевод Н. Чуковского		409
«Ты спичка. Вспыхнешь — дом согрет...»	Перевод В. Звягинцевой	410
«Курил я долго, до зари курил...»	Перевод В. Тушиновой	410
Прохожие. Перевод И. Снеговой		411
Дэлфрoш и Эл-Нури. Перевод В. Звягинцевой		412
Колыбельная. Перевод И. Снеговой		417
«Душа чиста, как снег, — храни ее от тленья...»	Перевод К. Арсеновой	417
Рост. Перевод М. Петровых		418
Украина. Перевод В. Звягинцевой		418 560
«Прошло. Не сетуй, друг. Таков закон вселенной...»	Перевод Эм. Александровой	419
«Говорят, это было давно — не вчера...»	Перевод Е. Николаевской	420
«Ни об одном из всех прошедших дней...»	Перевод Е. Николаевской	420
«Ручей, если встретишься с ней в пути...»	Перевод Е. Николаевской	421
«Я устремляю вдаль усталый взор...»	Перевод В. Тушиновой	421
Надгробная. Перевод Т. Спендиаровой		422
Хризантема. Перевод В. Микушевича		422
«Тише сонных вод...»	Перевод В. Микушевича	423

ВАГРАМ АЛАЗАН

<i>Биографическая справка</i>	424
Три завета. <i>Перевод Д. Седых</i>	425
Ангара. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	426
Медленно падает снег. <i>Перевод Д. Седых</i>	427
Родник. <i>Перевод Д. Седых</i>	427
Горы. <i>Перевод Д. Седых</i>	428
Мартиросу Сарьяну. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	428
Моим врачам. <i>Перевод Д. Седых</i>	429
Твои глаза. <i>Перевод Д. Седых</i>	430
Неповторимое. <i>Перевод Д. Седых</i>	431
Твой зонт. <i>Перевод Д. Седых</i>	432

ГУРГЕН МААРИ

<i>Биографическая справка</i>	433
Снег. <i>Перевод В. Соколова</i>	434
Тоска о тоске. <i>Перевод В. Соколова</i>	435
Лето. <i>Перевод В. Соколова</i>	435
Сегодня. <i>Перевод В. Сикорского</i>	436
Идиллия. <i>Перевод В. Соколова</i>	437
Орор, орор, спокойной ночи. <i>Перевод</i> <i>В. Звягинцевой</i>	438 561
Поэт. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	439
Закат. <i>Перевод В. Цыбина</i>	439
Баллада о Чало и о первой любви. <i>Пере-</i> <i>вод В. Звягинцевой</i>	440
Воспоминание. <i>Перевод В. Соколова</i>	442

Первый. Перевод В. Цыбина	443
Умирающие колокола. Перевод В. Сикорского	444
Лунная любовь. Перевод В. Соколова	445
«Твои глаза сегодня...» Перевод В. Соколова	446
В «Англетере». Перевод В. Сикорского	446 561
Зима. Перевод В. Сикорского	447
Баллада о сибирских воробьях. Перевод В. Звягинцевой	448
Красный мак. Перевод В. Сикорского	449
Почему опоздала ты. Перевод В. Соколова	450
На волосах моих зима. Перевод А. Гатова	451
Зеленое озеро. Перевод В. Соколова	451
Слово о Владимире Ильиче Ленине и Ване Теряне. Перевод В. Сикорского	452 561
Колыбельная. Перевод В. Цыбина	454
Приди, дорогая. Перевод В. Соколова	455
Возвращение. Перевод В. Соколова	455

АПОТ ГРАШИ

Биографическая справка	457
«Ты, небо—птица синекрылая...» Перевод Д. Самойлова	458
«Уходишь? Уходи. Я остаюсь...» Перевод М. Петровых	458
«Скала — подобие крыльца...» Перевод Д. Самойлова	459

«Армения — каменотес. . .» <i>Перевод А. Вознесенского</i>	459
«Где птицы, там армяне есть. . .» <i>Перевод В. Федорова</i>	460
«Ласточка играет на свирели. . .» <i>Перевод Д. Самойлова</i>	460
Дорожная песня. <i>Перевод А. Яшина</i>	461 561
«Туманы меня навестить пришли. . .» <i>Перевод С. Аксеновой</i>	461
«Сосна, как зеленая лира Гомера. . .» <i>Перевод В. Бокова</i>	462
«Когда меня придавит вдруг тоска. . .» <i>Перевод Д. Самойлова</i>	462
«Эта девушка с лицом красивым. . .» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	462
«Армении белые тополя. . .» <i>Перевод Л. Озерова</i>	463
«В глазах грузинки Грузия живая. . .» <i>Перевод В. Бокова</i>	463 561
Баллада павших солдат. <i>Перевод В. Цыбина</i>	464
«Я рос у ног хрустально-белых звезд. . .» <i>Перевод Д. Самойлова</i>	465
«Я родился в седле. . .» <i>Перевод Б. Пастернака</i>	465
«Мои глаза, из глубины долины. . .» <i>Перевод Б. Пастернака</i>	467 562
«В детском краю возле дома. . .» <i>Перевод Б. Пастернака</i>	468
«Миндаль цветущий утром рано. . .» <i>Перевод Л. Мальцева</i>	469

«Луна двурога, как олень...» <i>Перевод</i> <i>В. Бокова</i>	469
«Вива Ленин!» (<i>Итальянская баллада</i>). <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	469
Пробуждение. <i>Перевод С. Аксеновой</i>	470
«Прохладные руки твои...» <i>Перевод</i> <i>В. Звягинцевой</i>	471
«Юность, о юность, ты вновь отыскала меня...» <i>Перевод Л. Коськова</i>	471
«Жаль снега мне. Падает, тает...» <i>Пере-</i> <i>вод Н. Матвеевой</i>	471

ГУРГЕН БОРЯН

<i>Биографическая справка</i>	473
Мои стихи. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	474
Сердце. <i>Перевод М. Петровых</i>	474
Ах, если бы дорога бежала без преде- ла... <i>Перевод И. Сельвинского</i>	475
Родная земля. <i>Перевод С. Шервинского</i>	475
Колыбельная. <i>Перевод М. Петровых</i>	476
Ты ждешь меня. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	478
Деревья на улице Абовяна. <i>Перевод В. Звя-</i> <i>гинцевой</i>	478
Ереванские рассветы. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	480
Моя и твоя любовь. <i>Перевод И. Сельвин-</i> <i>ского</i>	481
С добрым утром, дорогая! <i>Перевод И. Сне-</i> <i>говой</i>	481

Как может... Перевод И. Снеговой . . .	482
Ожидание. Перевод И. Снеговой . . .	483
Может, и лучше, чтоб так... Перевод И. Снеговой	483
«Ты всё поешь ту песнь свою...» Перевод И. Снеговой	484
Мне говорят... Перевод И. Снеговой . . .	485

ПАРУЙР СЕВАК

Биографическая справка	486
Руки матери. Перевод А. Коренева . . .	487
* Вечер. Перевод Р. Ангаладяна . . .	488 562
Бессонница. Перевод В. Микушевича . . .	490
Сожалею. Перевод В. Микушевича . . .	492
Кузнец и ювелир. Перевод В. Микушевича	493
Завидую. Перевод А. Коренева	493
Я рожден... Перевод А. Коренева . . .	494
«Как содрогаюсь я...» Перевод В. Мику- шевича	495
Жизнь поэта. Перевод О. Чухонцева . . .	495
«Твоя незрелая любовь и зрелое мое стра- данье...» Перевод Д. Самойлова . . .	496
Тебя нет и не будет. Перевод О. Чухон- цева	497
Искусство. Перевод О. Чухонцева . . .	498
Не без боли. Перевод Ю. Баласана . . .	498
Я — счеты. Перевод Ю. Баласана . . .	499
«Я слышу розы красной крик...» Перевод Д. Самойлова	499

Язык воды. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	500
Трехголосая песнь	500 562
Первый голос. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	500
Второй голос. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	502
Третий голос. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	504
Правдивая песня. <i>Перевод В. Микушевича</i>	505
Имя твое. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	505
Схожу с ума. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	506
Безусловное условие. <i>Перевод В. Микушевича</i>	507
В жизни встречаемся мы случайно. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	508
Задание вычислительным машинам и точным приборам всего мира. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	509
Исповедь. <i>Перевод В. Микушевича</i>	514
Прикосновение мгновения. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	515
Одноглазый. <i>Перевод К. Авакянц</i>	516
Так не любят. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	516
Доброй ночи. <i>Перевод В. Микушевича</i>	518
Любовь. <i>Перевод В. Микушевича</i>	520
Повседневное чудо. <i>Перевод В. Микушевича</i>	522
Мой горизонт. <i>Перевод В. Микушевича</i>	524 562
Изнанка. <i>Перевод В. Микушевича</i>	525
Незадачливый мир. <i>Перевод В. Микушевича</i>	526
Весть. <i>Перевод В. Микушевича</i>	527
Старые шрамы этого мира. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	528
Миру нужна чистота. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	531

Свет благодатный. <i>Перевод В. Микуше-</i> <i>вича</i>	533
* Новое определение притяжения. <i>Перевод</i> <i>Р. Ангаладяна</i>	535
Простое желание. <i>Перевод В. Микуше-</i> <i>вича</i>	536
Примечания	539

Знаком * помечены стихотворения, переведенные на русский язык впервые.

ПОЭТЫ АРМЕНИИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1979,
592 стр. План выпуска 1979 г. № 390

Редактор *Л. С. Гейро*
Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *Е. А. Омеляненко*

ИБ № 1704

Сдано в набор 8.05.79. Подписано к печати
28.09.79. М 07175. Бумага тип. № 1. Формат
84×108^{1/64}. Литературная гарнитура. Высо-
кая печать. Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд.
л. 17,72. Тираж 25 000 экз. Заказ № 575.
Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Советский писатель».
Ленинградское отделение. 191186, Ленин-
град, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 5 Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, 190000, Ленинград,
центр, Красная ул., 1/3.

